

В. А. МЕРКУЛОВА

ОЧЕРКИ
ПО РУССКОЙ
НАРОДНОЙ
НОМЕНКЛАТУРЕ
РАСТЕНИЙ

Травы

Грибы

Ягоды

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1967

589788

Книга посвящена происхождению русских народных названий растений (трав, грибов и ягод). Материал исследования очень разнообразен. Наряду с древнейшими словами (типа *пырей*, *черемша*) рассматривается много поздних образований типа многочисленных названий грибов. Разбираются как исконно славянские слова (например, *хвоц*, *лебеда* и др.), так и слова, в основе которых лежит финский или тюркский элемент (*камыш*, *чакан* и др.).

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

доктор филологических наук

О. И. ТРУБАЧЕВ

7-1-2

183-184-67 I кат.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Народные названия растений представляют обширный материал для исследования в разных аспектах. В этой работе ботаническая лексика рассматривается в аспекте этимологическом, т. е. с точки зрения словообразовательной структуры, семантической мотивированности, закономерностей смысловых и формальных связей, объясняющих происхождение слова.

Народная ботаническая терминология весьма обширна. Она включает в себя названия деревьев и трав, культурных, и дикорастущих растений, съедобных и лекарственных сельскохозяйственных и декоративных и т. д. Трудно судить о том, какие возможности открывает перед исследователем изучение каждой из названных групп ботанической лексики. Кажется, однако, наиболее привлекательным обратиться сначала к тем из них, которые теснее связаны, хотя бы с внешней стороны, с бытом и культурой народа. Автор ограничился названиями дикорастущих съедобных растений: трав, грибов, ягод.

Поскольку в работе рассматриваются народные названия растений, источниками служат диалектные словари и записи диалектной речи. Термины научной латинской номенклатуры приводятся так, как они даны в источнике. Это касается и лингвогеографических помет: при привлечении дореволюционных работ используются названия губерний и уездов, в послереволюционных работах — названия областей и районов. Сведение воедино этой системы представляется нецелесообразным из-за чрезвычайной неустойчивости административных границ.

В процессе работы автором были использованы материалы сектора диалектологии и исторической лексикографии Института русского языка АН СССР, диалектные записи, хранящиеся на филологическом факультете МГУ, словарные материалы сектора диалектологии Института языкознания АН УССР, словарного сектора Института общественных наук во Львове и рукопись бойковского словаря М. О. Онышкевича.

Автор хотел бы выразить свою признательность всем организациям и частным лицам, которые любезно предоставили в его распоряжение лингвистические материалы. Кроме того, автор приносит глубокую благодарность своим учителям: П. С. Кузнецову, О. Н. Трубачеву и Р. А. Аванесову.

Большую помощь автору в работе оказал покойный В. М. Иллич-Свитыч, давший ряд важных замечаний и советов.

Автор

ВВЕДЕНИЕ

1

Предметом исследования в данной работе служит народная ботаническая номенклатура, которая существенным образом отличается от научной. Одно из определяющих отличий заключается в отсутствии однозначности. Каждый элемент научной ботанической номенклатуры любого языка имеет соответствие в международной латинской номенклатуре и определение, в котором раскрываются существенные признаки понятия. Например, «Мышехвостник.— *Myosurus minimus* L. Растение с правильными бледно-зелеными цветками. Лепестков 5. Чашелистиков 5. Тычинок 5—10. Пестиков много. Завязь верхняя. Листья в прикорневой розетке, линейные».

Народное название растения не обладает признаком однозначности, и значение его не может раскрываться в аналогичном определении. Обычно одним словом называются разные растения, а иногда целые группы растений. Так, в русском литературном языке значительное число видов озерных растений, различающихся внешне и относящихся к разным ботаническим семействам, обозначаются двумя словами *тростник* и *камыш*. В таких фразах, как «Пруд зарос *тростником*», «Мы забрались в густой *тростник*» и т. д., под словом *тростник* понимаются разные, но растущие в одинаковых условиях растения. Любой носитель русского литературного языка словом *ромашка* называет большое число видов сходных внешне, но различных растений. И именно тот вид, который чаще других называется *ромашкой*, т. е. *Chrysanthemum leucanthemum* L., в ботанике не носит этого названия. *Фиалками* называются многочисленные виды рода *Viola*; один из видов,

обладающий нежным запахом, называется *душистой фиалкой*, но это же название носит совершенно не сходное с ним, но тоже обладающее нежным запахом растение семейства орхидных, любка. В качестве естественного пути для обобщения может служить не только внешнее сходство, общность мест произрастания, но и функциональное тождество. «Это *девятыйха*, а это тоже *девятыйха*», — объяснила мне жительница села Шболомя (Архангельская обл.), указывая на совершенно различные растения, тысячелистник и пижму. По с точки зрения народной медицины эти растения имеют сходные лекарственные свойства. Степень обобщения в названиях растений различна; от индивидуальных названий типа *ландыш* и названий группы близкородственных видов типа *лебеда*, *щавель* до названий, обладающих очень большой степенью обобщенности, типа *молочай*, *репей*, *лопух* и др.

В связи с тем, что одним словом часто обозначаются многие виды растений, определить значение названия растения очень сложно. Наиболее рациональный прием в этом случае, давно используемый в лексикографии, это перевод названия на латинскую ботаническую терминологию, т. е. перечисление элементов значения. Например, медуница — *Pulmonaria*, *Spiraea ulmaria*. Такой перевод не есть определение значения слова, но он дает возможность избежать неточностей и путаницы, допускаемой в словарях, не использующих латинскую терминологию.

Неоднозначно название растения и в плане лингвогеографическом. Одним и тем же словом в разных местах называют разные растения. Но эти изменения в значениях подчинены тем же закономерностям, что и обобщенные наименования в речи одного коллектива. В одном месте *иван-да-марья* — *Viola tricolor*, в другом — *Melampyrum nemorosum*; оба растения имеют яркую внешнюю черту — сочетание контрастных, желтого и синего, цветов. Подвижность значения названия в рамках одного языка, а иногда и группы языков определяется теми же факторами (внешним сходством, общностью мест произрастания, общностью использования и т. д.), но общие соотношения не всегда так просты и прямолинейны, как в только что приведенном примере. Реально картина выглядит иначе. Если в качестве обозначения единиц значения использовать латинскую терминологию, то мы обнаружим, что в русском литературном языке слова *тростник*

и *камыш* значат 'Typha', 'Phragmites', 'Juncus', 'Scirpus', 'Acorus', 'Heleocharis', 'Butomus'. Совокупность данных элементов значения образует семантическое поле¹. Структура данного поля в литературном языке такова, что оба слова могут или замещать друг друга, или же слово *камыш* выступает в значении 'Typha', а все остальные элементы значения обозначаются словом *тростник*. В говорах набор слов, входящих в данное микрополе, иной; меняются не только сами элементы, меняется их число, их соотношение с единицами значения, т. е. микрополе имеет иную структуру. Описание изменений структур и единиц определенных микрополей в рамках одного, нескольких или всех говоров русского языка представляет собою необходимый этап изучения лексики. Но эта работа по названиям растений до сих пор еще не проводилась никем. Диалектные словари, построенные по дифференциальному признаку, не дают возможности представить себе живую семантическую структуру говора. Единственный материал, которым мы можем пользоваться,— это набор единиц, входящих в данное микрополе во всех говорах русского языка. В отдельных говорах это может быть: а) *рогоз*, *тростник*; б) *ситá*, *трестá*; в) *ситá*, *лещúга*; г) *камыш*, *кугá*, *ситá*, *сусáк* и т. д. Список единиц, входящих в данное поле, по всем говорам русского языка с большей или меньшей полнотой может быть представлен следующим образом: *палочник*, *киéвник*, *рогоз*, *тростник*, *очерет*, *ситá*, *веретельник*, *сабельник*, *пáсошья*, *лещуга*, *сусак*, *камыш*, *кугá*, *чáкан*, *прстечки*, *каржла*, *ханьга*, *áир*. Такой список я называю г р у п п о й названий. Число слов, входящих в группу названий грибов, свыше трехсот пятидесяти. В каждом конкретном случае число единиц микрополя может колебаться от нуля до цифры, превышающей число элементов значения, так как в ряде говоров отдельные единицы могут обозначать части растений или их подвиды. Число единиц семантического микрополя одного говора всегда меньше общего числа единиц данного микрополя в масштабах всего языка. Границы микрополя не замкнуты, отдельные элементы могут входить в несколько полей, создавая сложные перекрещивания полей. Учение о се-

¹ См. анализ семантических микрополей: Н. И. Толстой. Из опытов типологии славянского словарного состава.— ВЯ, 1963, № 1.

мантических микрополях позволяет увидеть закономерности в отношениях бесчисленного множества элементов. Для этимологии понятие микрополя дает два чрезвычайно важных вывода.

1. Подвижность значения и границ микрополя, а также способность микрополей перекрещиваться — явления, имеющие свои ограничения. Существуют такие поля, которые никогда не перекрещиваются. Это положение показывает ложность некоторых этимологий, не считающихся с закономерностями семантики (см. статью *снить*).

2. Для единиц, входящих в одно микрополе, характерно воспроизведение одного и того же или нескольких этимологических признаков, что позволяет внести серьезные коррективы в этимологическую работу (см. статьи *лататье*, *жеруха* и др.). Возможны типологические сопоставления, которые нередко показывают сходство в выделении определенных микрополей и различия в их внутренней структуре, зачастую аналогичные различиям микрополей по говорам внутри одного языка. Воспроизведение сходных семантических моделей дает материал для создания калек при языковом контакте.

2

Возможна постановка вопроса и в ином плане: лингвистический материал как отражение классификации и систематизации растительного мира в сознании народа. Изучение свойств растений получило выражение в их названиях, в степени обобщенности этих названий и в связях между ними. На основании изучения народных названий растений можно сказать, какие растения считались лекарственными, какие виды не выделялись как самостоятельные и т. д. Приведу лишь один пример, показывающий отличия научной и народной классификаций. С точки зрения научной семейство гречихных делится на два рода и одиннадцать видов; род *Rumex* и род *Polygonum*; виды: *Rumex acetosella* L., *Rumex acetosa* L., *Rumex crispus* L., *Rumex aquaticus* L., *Polygonum aviculare* L., *Polygonum amphibium* L., *Polygonum scabrum* Moench., *Polygonum hydropiper* L., *Polygonum bistorta* L., *Polygonum convolvulus* L. и *Polygonum fagopyrum* L. С точки зрения народной систематики эти два рода никогда

не объединяются в одно семейство. Существует самостоятельно род *Rumex* под названием *щавель*, или *кислица*; внутри этого рода деление на два вида по принципу съедобности для человека: *щавель* и *конский щавель*. Тесные связи, выражающиеся в общих наименованиях, объединяют съедобный щавель с борщевником, растением другого семейства. Род *Polygonum* в народной систематике не существует. *Polygonum fagopyrum* L., будучи культурным растением, носит свое самостоятельное имя *гречиха*. *Polygonum convolvulus* L. входит в качестве вида в большую группу вьющихся растений различных семейств, объединенных общим названием *вьюнок*, или *повилика*. Другие виды *Polygonum*, очень часто не различаемые, объединяются с многими видами другого семейства — *Potamogeton* под общим наименованием *рдест*.

Попытка на основании лингвистических данных сделать некоторые выводы нелингвистического порядка принята мною во второй главе, посвященной названиям грибов.

3

Настоящие очерки ставят перед собой цель выяснить происхождение ряда названий растений. Так как число растений, известных на территории нашей страны, составляет несколько тысяч, а число их названий в несколько десятков раз больше, мною рассматриваются названия только дикорастущих съедобных растений с чисто практической целью ограничения материала (названия съедобных трав, грибов и ягод). На основании показаний этнографии и ботаники выделяются виды съедобных растений; затем уже на основании лингвистических данных определяются микрополя, в которые входят названия данных видов. Анализ микрополя чаще всего ограничивается сведением воедино всех названий, входящих в данное микрополе, во всех говорах русского языка. В общей сложности рассмотрено тридцать пять групп таких наименований. Две группы, сведения по которым значительно богаче, чем по остальным, выделены в качестве самостоятельных глав: названия грибов и названия ягод. Внутри каждой группы анализ подчиняется относительно единому плану: вначале дается краткая характеристика реального плана, так как ботаническая лексика, будучи

номинативной по природе, вызывает неизбежность апелляции к внешним признакам и свойствам растений при решении того или иного этимологического вопроса. Затем определяются очень обобщенно границы данного микрополя во всех говорах русского языка, его структура, внешние и внутренние связи. В тех случаях, когда рассматриваемая лексика этимологически достаточно прозрачна, я ограничиваюсь ее словообразовательным и семантическим анализом. В тех же случаях, когда этого недостаточно, каждое название рассматривается в самостоятельной этимологической статье. В первой главе, касающейся названий травянистых растений, специальные статьи посвящены лишь наиболее употребительным названиям. Названия же эпизодические, узкоместные часто просто перечисляются. Характер этимологических статей различен и зависит от типа наименования. Если название устойчиво на обширной территории, обладает минимальным числом синонимов, оно стоит в качестве заглавного в этимологической статье (таковы статьи *папоротник*, *крапива*, *лебеда* и др.). Но есть названия неустойчивые, легко меняющиеся от говора к говору, число таких синонимов достигает иногда значительной цифры, но, как правило, такие синонимичные образования воспроизводят одну или две семантические модели, и поэтому они могут рассматриваться одновременно. Характеристике такого рода наименований посвящены статьи: *чайка*, *кувшинки*, *просвирки* и др.; в качестве заглавного вынесено одно из группы семантически аналогичных наименований.

Часть рассматриваемых слов имеет обширную этимологическую литературу (см. статьи *лебеда*, *рогоз*, *черемша*), другие попали в сферу этимологических исследований впервые (статьи *марь*, *батлачйк*, *пикáн*, *балáш*, *купы́рь* и др.).

В конце анализа каждой группы названий делается попытка небольшого обобщения.

4

Отбор источников для работы производился в соответствии с задачей — проанализировать народные названия растений.

Материалы русских исторических словарей, памятников использовались лишь понутно и лишь в том случае,

когда это вызывалось необходимостью для определения этимологии слова².

Также лишь по необходимости использованы и материалы русских травников и лечебников, в связи с тем, что они требуют специального текстологического анализа, будучи переводными или списками с переводных, и выделение собственно русских народных названий в них очень затруднено³.

Выборочно использованы мною и материалы ботанических словарей. Их целью было создание русской научной ботанической терминологии, для чего использовались наряду с народными названиями заимствования, кальки, искусственно созданные слова⁴. Собственно народные названия растений впервые были собраны Н. Анненковым⁵ и впоследствии включены им в его ботанический сло-

² Надо сказать, что в летописях очень редко встречаются названия растений. Материалы словаря Срезневского дают лишь около ста таких названий, но это главным образом слова, обозначающие деревья, кустарники и культурные растения. Дикорастущих растений названо всего немногим более двадцати: *беленъ* (I, стр. 68), *ковыля* (I, стр. 1244), *кропива* (I, стр. 1329), *к 8 коль*, *свѣрбница* (I стр. 1360), *лебеда*, *лобода* (II, стр. 13), *осот* (II, стр. 734); *папороть* (II, стр. 878) и некоторые другие. Большой интерес для раскрытия истории слов имеют рукописные материалы Древнерусского словаря АН СССР.

³ См.: В. М. Ф л о р и н с к и й. Русские простонародные травники и лечебники. Казань, 1880; Л. Ф. З м е в. Былое врачебной России. СПб., 1890; «Русские врачебники (исследование в области нашей древней врачебной письменности Змева)». СПб., 1896; «Материалы для истории медицины в России», т. I—IV. СПб., 1881—1906; Н. А. Б о г о я в л е н с к и й. Древнерусское врачевание в XI—XVII вв. Источники для изучения истории русской медицины. М., 1960.

⁴ Ср.: Словарь ботанический, содержащий наименования растений и их частей тщанием и иждивением Вольного экономического общества, изданный 1796 г.; А. М е й е р. Ботанический подробный словарь, или Травник, ч. I—II. М., 1781—1783; Подробный словарь увеселительного, ботанического и хозяйственного садоводства. На российский язык переведенный и азбучным порядком расположенный Н. И. СПб., 1792; Ю. М. М а к с и м о в и ч-А м б о д и к. Новый ботанический словарь на латинском, немецком и российском языках. СПб., 1804; И. И. М а р т ы н о в. Словарь родовых имен растений с переводом на российский язык, означением их происхождения, класса, к кому каждый род принадлежит, и числа известных пород каждого растения по показаниям Персона и Штейделя. СПб., 1826; и другие словари.

⁵ Н. И. А н н е н к о в. Простонародные названия русских растений. М., 1858; О п ж е. Ботанический словарь или собра-

варь. Этот словарь использован мною достаточно полно благодаря его высоким лингвистическим качествам. Названия растений приводятся с указанием места, где зафиксировано слово, выделены кальки, искажения, заимствования, что ставит этот словарь значительно выше многих позднейших работ ⁶. Вполне естественно, что, несмотря на очень богатые материалы, словарь Анненкова не был полным ⁷.

После этого словаря в течение почти ста лет выходили в свет многочисленные работы по русской диалектной лексике, в той или иной степени содержащие и названия растений. Это диалектные словари, списки диалектных слов в журналах и газетах, материалы Московской диалектологической комиссии, рукописные фонды архивов АН СССР и Русского географического общества, записи, хранящиеся в диалектологических кабинетах, и диссертации, посвященные исследованию лексики или монографическому описанию говора. В общей сложности мною использовано свыше двухсот работ, не считая собственных наблюдений в ряде говоров. Но, несмотря на обилие работ, содержащих диалектную лексику, целый ряд областей

ние названий как русских, так и многих иностранных растений на языках латинском, русском, немецком, французском и других, употребляемых различными племенами, обитающими в России. Изд. 2. М., 1878.

⁶ Ср.: E. M a j e w s k i. Słownik nazwisk zoologicznych i botanicznych polskich, I—II. Warszawa, 1889—1894; S. M a k o w i e s k i. Słownik botaniczny łacińsko-mańruski. Kraków, 1936; Б. А х т а р о в. Материалы за български ботаничен речник. София, 1939; Д. С и м о н о в и ћ. Ботанички речник научних и народних имена биљака са именима на руском, англеском, немачком и француском језику. Београд, 1959. К. С. Г о р н и ц к и й. Список русских и немногих инородческих названий растений. Дополнение к «Ботаническому словарю» Анненкова. Харьков, 1886; М. Г о р с т. Материалы для исследования народных лекарственных растений Томской губ. Томск 1894; Т. И. В е р б и ц к и й. Некоторые лекарственные растения, употребляемые простым народом в Курской губ. Ж. Ст., год 8-й, 1898.— Последние работы заслуживают упрека в злоупотреблении научной терминологией.

Трехтомный труд Залесовой и Петровской (Полный иллюстрированный словарь-травник и цветник, составленный по новейшим ботаническим сочинениям врач. Е. Н. Залесовой и О. В. Петровской, т. I—III. СПб., 1898—1899), несмотря на пышное название, есть не что иное, как переписанный в алфавитном порядке словарь Анненкова.

⁷ См.: В. М. М а р к о в. Об изучении местных названий животных и растений. «Материалы и исследования по диалектологии Волго-Камья». Казань, 1961.

почти не изучен в этом отношении. Исключительно мало работ по лексике Владимирской, Пермской, Костромской, Ленинградской областей, по говорам Сибири. Значения приводимых в словарях названий растений не отличаются точностью.

Специальных работ по этимологии русских народных названий растений до сих пор не было, хотя значительная часть слов была проанализирована в словарях Горяева, Преображенского, Фасмера, значительная часть общеславянской ботанической лексики отражена в этимологических словарях других славянских языков. Несмотря на это создание этимологического словаря русских названий растений пока еще не может быть осуществлено ⁸.

Необходима большая предварительная работа, ставящая перед собой более частные задачи: собрание и составление полных списков названий растений по отдельным областям ⁹, изучение конкретных семантических полей отдельных групп названий растений, создание нового полного ботанического словаря, проведение словообразовательного и этимологического анализов отдельных групп названий растений.

Данная работа может рассматриваться лишь как предварительный опыт этимологизации группы народных названий растений, решающий задачи на ограниченном материале.

5

Выделение для исследования названий только съедобных растений с неизбежностью влечет за собой постановку вопроса в плане других наук — этнографии и истории культуры: какие растения следует считать съедобными и какие из них употребляются в пищу на территории славян. Так как эта проблема имеет лишь косвенное отношение к моей теме и существенна для меня лишь в

⁸ См. работы этого типа: V. M a c h o k. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954; A. C a r n o u. Dictionnaire étymologique des noms grecs de plantes. Lonvain, 1959; R. S t r ö m b e r g. Griechische Pflanzennamen. «Acta universitatis Gotoburgensis», Bd. XLXI. Göteborg, 1940; H. M a r z e l l. Wörterbuch der deutschen Pflanzennamen. Leipzig, 1937.

⁹ Интересные попытки в этой области уже существуют, см.: И. П. Г р и ш и н а. Из диалектной лексики флоры Рязанской области. «Уч. Зап. Рязанского ГПИ», т. 25, 1959.

качестве критерия для ограничения материала, то я ограничусь освещением ее во введении, чтобы в дальнейшем почти не возвращаться к ней в самом тексте работы и исследовать названия растений, опираясь на закономерности и связи чисто лингвистического характера.

Собирательство, наряду с охотой и рыболовством, — одно из древнейших занятий человека. Оно сопровождало человека на протяжении всей его истории, постепенно развиваясь из процесса добывания необходимых средств существования в одну из увлекательнейших страстей любителей природы.

К сожалению, вопрос о собирательстве у славян и в современном и в историческом планах в этнографической литературе разработан крайне слабо¹⁰. Имеющиеся сведения случайны и неполны¹¹. Известный польский этнограф

¹⁰ Специальные работы, посвященные этому вопросу, на русском материале отсутствуют, сведения о собирательстве на Украине и в Белоруссии гораздо полнее, потому что в течение XIX в. обе территории вызвали значительный этнографический интерес. См.: «Этнографический сборник», т. I — V. СПб., 1853—1862; П у р е в. Простонародные названия растений. «Тверские губернские ведомости», 1869, № 34, 37, 41, 44, 47; «Записки РГО по отделению этнографии», т. 1—47, СПб., 1867—1925; А. В. Б а л о в. Очерки Пошехонья, т. 1—6. М., 1898—1899; Д. Н. К а й г о р о д о в. Собиратель грибов. СПб., 1891; Е. Ф. К а р с к и й. Белорусы, кн. 1, т. II—III. Вильна — Варшава — Москва, 1904—1922; П. В. Ш е й н. Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края, т. III. М., 1899; W. S z u c h e w i c z. Huculsczyzna, t. I.—II. Lwów, 1902; «Украинский народ в его прошлом и настоящем», т. I—II. Пг., 1916; Н. Я. Н и к и ф о р о в с к и й. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности, Витебск, 1895; А. А ф а н а с ь е в-Ч у ж б и н с к и й. Быт малорусского крестьянина. «Вестник РГО», ч. XIII, 1855; К. С. Г о р н и ц к и й. Список русских и немногих инородческих названий растений. 2-е дополнение к «Ботаническому словарю» Анненкова. «Зап. Юго-зап. отд. ГО», т. 2. Харьков, 1847; В. Щ. Пища и питье крестьян-малороссов. «Этнографическое обозрение» (отдельный оттиск); П. М а р к е в и ч. Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссии. Киев, 1890; Н. И. К о с т о м а р о в. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI—XVII столетиях. СПб., 1905.

¹¹ Литература по этому вопросу у других славянских народов тоже небогата. См.: В. К а р а щ и ћ. Живот и обичаји народа српскога. Београд, 1957; С. Т р о ј а н о в и ћ. Старинска српска јела и пића. Београд, 1897; V. N o v a k. Slovenska ljudska kultura. Ljubljana, 1960; M. I l e h l o v á-T i l s c h o v á. Česká strava lidová. Praha, 1945; H. O r l o s i M. N e h r i n g. Atlas grzybów jadalnych i trujących. Warszawa, 1953; B. B a r t n i c k a-D a b -

и лингвист К. Мошинский справедливо замечает: «Nomenklatura związana z roślinami jadalnymi, rosnącymi dziko na ziemiach słowiańskich, nie została nigdzie gruntownie zebrana ani, oczywiście, opracowana»¹². (Номенклатура, связанная со съедобными дикорастущими растениями, в славянских странах никогда не была должным образом собрана и обработана). Наименее разработан этот вопрос и в книгах, посвященных истории культуры славян¹³. И лишь в последней работе К. Мошинского проблема собирательства рассматривается в качестве самостоятельной и в наиболее интересном аспекте — в плане решения вопроса о культурно-экономическом уровне славян периода общности¹⁴.

Сведения, сообщаемые в ботанических работах, обычно не имеют географической приуроченности¹⁵, тогда как само понятие «съедобность» существует только в связи с национальным опытом.

К о w s k a. Polskie ludowe nazwy grzybów. Wrocław — Warszawa. Kraków, 1964; A. C h e t n i k. Pożywienie kurpiów. Kraków, 1936.

¹² К. М о s z y ń s k i. O sposobach badania kultury materialnej Prасłowian. Wrocław — Kraków — Warszawa, 1962, стр. 100.

¹³ К. М о s z y ń s k i. Kultura ludowa Słowian. I—II. Kraków, 1929; К. М о s z y ń s k i. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Kraków, 1957; L. N i d e r l e. Rukovět' slovanských starožitností. Praha, 1953; «Słownik starożytności słowiańskich. Encyklopedyczny zarys kultury Słowian od czasów najdawniejszych», t. I. Wrocław — Warszawa — Kraków. 1962. В капитальном труде Маурицио (А. М а u r i z i o. Die Geschichte unserer Pflanzennahrung von den Urzeiten bis zur Gegenwart. Berlin, 1957) Россия остается почти вне поля зрения.

¹⁴ К. М о s z y ń s k i. O sposobach badania kultury materialnej Prасłowian. rozdział I. Przykłady z dziedziny tzw. zbieractwa (s. 100. 141) Wrocław — Kraków — Warszawa, 1962.

¹⁵ См: «Флора СССР», т. I—XIX, 1934—1953; П. М а е в с к и й. Весенняя флора. М., 1934; О н ж е. Осенняя флора. М., 1929; Д. Н. К а й г о р о д о в. Наши весенние цветы. СПб., 1911; О н ж е. Наши осенние цветы. СПб., 1911; С. С. С т а н к о в. Дикорастущие полезные растения СССР. М.—Л., 1946; М. И. Н е й ш т а д т. Определитель растений. М., 1954; Д. С. А в е р к и е в. Дикорастущие плодово-ягодные растения в Горьковском крае. Горький, 1933; А. А. Б ы с т р о в а и Ю. К. К р у б е р г. Употребление в пищу лесных, луговых и полевых растений. Л., 1942; С. А. Г у ц е в и ч и А. Н. Ш и в р и н а. Съедобные дикорастущие травы. Л., 1942; Б. А. К е л л е р. Дикае съедобные растения. М., 1941; Ю. Л. К р у б е р г. Дикорастущие съедобные растения Зауралья. Челябинск, 1943; А. А. Н и к и т и н и И. А. П а н к о в. Дикорастущие съедобные растения Ленинградской области. Л., 1944.

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабчикина

Категория съедобности или несъедобности достаточно неопределенна. Вспомним забавный разговор русских и французских солдат, приводимый И. Эренбургом, о том, что гречневую кашу во Франции только скотина ест, а улиток и лягушек в России и скотина не ест. Число употребляемых в пищу растений составляет ничтожный процент по отношению к тем, которые рассматриваются наукой как съедобные. Использование дикорастущих растений в значительной мере зависит от уровня жизни народа, культурных контактов, традиции, природных условий, религиозных запретов и многих других факторов.

Значительно меняется представление о съедобности того или иного растения на протяжении истории. Очень показательна в этом отношении история распространения картофеля в Европе. Трудно представить себе рацион современного европейца без картофеля, а в конце XVIII в. известный садовод Бологов одним из первых в России выступил в защиту «тартуфולי». История культурных растений показывает, как одни из них то выдвигаются на роль ведущих, то отодвигаются на задний план. Роль репы в питании русского человека XX в. ничтожна, а памятники свидетельствуют о том, что в XII—XIII вв. она была одним из основных продуктов питания. Если с течением времени меняется роль культурных растений, то тем более это можно сказать о дикорастущих. Еще в середине XIX в. ростки хвоща и очерета продавались на рынках. «Борщ (*Heracleum sibiricum*) употреблялся в пищу вместо капусты... его специально сеяли и даже запасали впрок...»¹⁶.

Не менее шаткой, чем граница между съедобными и несъедобными растениями, является граница между культурными и дикорастущими. Щавель собирают каждую весну и продают на рынках, но есть и культурные сорта щавеля. Цикорий — сорняк, растет вдоль дорог, на пустырях, но в Ярославской области есть целые плантации культурного цикория. Дикая горчица засоряет поля, но в то же время выведено много культурных сортов. Одуванчик, медуница, баранчики растут у нас только в диком состоянии, но в целом ряде западных стран их выращивают в огороде, как салат¹⁷.

¹⁶ А.А. Иванко. Лексика печорских говоров. Канд. дисс., рукопись. Л., 1955, стр. 98.

¹⁷ С. С. Станков. Указ. соч., стр. 217.

Принимая во внимание все сказанное, можно разделить дикорастущие съедобные растения России на четыре группы.

1. Растения, которые собираются и используются в пищу постоянно. К ним в первую очередь относятся грибы. Употребление славянами грибов в отличие от своих ближайших соседей, которые грибов или не едят (финны, турки, германцы) или употребляют другие виды (балты, романские народы), представляет собою этнографическую загадку. Исторические свидетельства об употреблении русскими грибов встречаются часто, начиная с XVI в.¹⁸ До этого времени непосредственных данных нет. Потребление грибов значительно увеличивалось в связи с религиозными постами. Потанин сообщает, что только из Каргополя ежегодно поставлялось в Петербург около 5000 пудов рыжиков¹⁹. По свидетельству многих этнографов, в рационе крестьянской семьи грибы составляли очень значительный процент.

К сожалению, отсутствуют данные об употреблении отдельных видов грибов в России. Из случайных свидетельств складывается впечатление, что в отдельных местностях не едят лисичек, белых грибов, а на значительных территориях не едят шампиньонов. Об этом упоминает Н. Никифоровский: «Все остальные грибы, не исключая и пре-

¹⁸ В словаре Ричарда Джеймса (1619) упоминается пять названий грибов: *рыжик, губа, груздь, волнуца, гриб*. В приходо-расходных книгах сплошь и рядом встречаются записи: ... «гру^вдеи да рыжико^в на 2 гривны». (Приходо-расходная книга Волоколамского монастыря 1573—1574 гг., л. 112 об) ... «Взято за грузди съ Молодилова полтина дегегъ» (Книга приходная Болдинского монастыря. 1593—1607 гг., л. 191). «Ку^плено две кри^пки гру^зде^й да кадо^чка рыжиков». (Книга приходо-расходная Суздальского монастыря № 659. 1690 г., л. 214 об.—215). Котошихин сообщает в своих записках: «... а в Великий и въ Успеніевъ посты готвяцца ѣствы: капуста сырая и грѣтая, грузди, рыжики, соленые, сырые и грѣтые и ягодные ѣствы, без масла...» (Г. К о т о ш и н. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 2. СПб., 1859). Книга кушаний митрополита Андриана наполнена упоминаниями о рыжиках холодных и гретых, груздях гретых, грибах вареных, свежих, грибах на масле, грибах в тесте, сморчках со сметаной, опенках с яйцами и т. д. (Расходная книга патриаршаго приказа кушаньям подававшимся патриарху Андриану и разного чина лицамъ съ сентября 1698 по августъ 1699 г. СПб., 1890, стр. 2—3, 190, 199 и др.). См. еще: V. P. and R. G. W a s s o n. Mushrooms, Russia and History. New York, 1956.

¹⁹ «Природа и охота», 1878, декабрь, стр. 189.

краснейших шампиньонов, причисляются к разряду блугушек и поганок»²⁰.

Постоянно употреблялись и употребляются в хозяйстве многие виды ягод. Для сбора таких ягод, как клюква, черника и брусника, используются специальные маленькие грабли в виде совка с зубьями. Не стоит говорить о различных видах кушаний, приготовляемых из ягод, — они общеизвестны. Не повсеместно, но достаточно широко распространено изготовление муки из ягод черемухи и каш из томленных ягод калины. В некоторых северных областях едят водяницу (*Empetrum nigrum*); в ряде южных областей употребляют как начинку в пироги и в сыром виде ягоды паслена (*Solanum nigrum*).

Из травянистых растений повсеместно и постоянно используются щавель и молодая крапива как зелень для щей. И в наши дни большой популярностью в деревне пользуются наборы разных душистых трав как суррогат чая: листья земляники, черной смородины, иван-чая и др. Целый ряд дикорастущих растений выступает как замечательный хмель: пижма, куколь и др. В Сибири запасают впрок солением черемшу.

2. Растения, которые широко употреблялись раньше, но сейчас их использование сократилось или забыто вообще.

Из них наибольший интерес представляют манник (*Glyceria fluitans*), водяные орехи (*Trapa natans*), хвощ (*Equisetum*), чистяк (*Ficaria verna*) и некоторые другие.

Водяные орехи (*Trapa natans*) найдены в больших количествах в свайных постройках каменного века. Размеры запасов говорят о том, что растение играло роль, аналогичную роли картофеля в наше время. Раскопки показывают, что на Руси в X—XII вв. употребление водяных орехов было очень широко распространено. Их ели, как каштаны, или сушили, толкли и добавляли в муку. Есть свидетельства, что еще в XVIII в. водяные орехи разводили на Украине в прудах и на побережье Каспийского моря²¹. В настоящее время растение почти вышло из употребления, только в Поволжье его едят дети.

²⁰ Н. Я. Никифоровский. Очерки протонародного жителя-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности, стр. 476.

²¹ А. Маурizio. Указ. соч., стр. 71—72.

В отличие от пшеницы и других зерновых культур манник (*Glyceria fluitans*) — местный европейский хлеб. Растение никогда не возделывалось, его зерна собирали сейчас уже неупотребительным способом: размахами сита по сырой траве. Исторические исследования показывают, что употребление зерен манника сначала было распространено только у славянских народов²², позже распространилось на запад. Вплоть до XVIII в. манник упоминается как сельскохозяйственный продукт и служит предметом экспорта²³.

Сохранились свидетельства об употреблении чистяка (*Ficaria verna* Huds). «В гористых и холмистых местах, там, где чистяк встречается в большом количестве, нередко случается, что его шишковатые корни вымываются дождями из земли, и, принесенные потоками в долины, вместе с выводковыми ночками, дают повод к рассказам о «пшеничных дождях». Бедные люди собирают эту небесную пшеницу и употребляют ее в пищу»²⁴. Об этом же пишет В. Махек: «*Hlízky orseje byly dříve sbírány jakožto «манна»... O požívání hlízek orseje svědčí i polské lidové jméno orseje pszonka*»²⁵. (Зерна чистяка в старину собирались как «манна»... Об употреблении зерен чистяка свидетельствует и польское народное название чистяка — пшонка).

Съедобные клубневидные утолщения хвоща (*Equisetum*) в древности имели, по-видимому, большое употребление, так как ими бываюи иногда наполнены сосуды, найденные при раскопках древних погребений. Данные современной этнографии говорят о том, что эти клубни под названием земляных орехов собираются главным образом детьми.

Очень широко вплоть до начала XX в. во многих местах Украины, России и Белоруссии употреблялись листья и стебли ряда растений как зелень для щей. Это в первую очередь снить (*Aegorodium podagraria*), борщевник (*Heracleum sibiricum*), дягиль (*Angelica archangelica*), лебеда

²² Уже в VII в. (в раскопках у Старой Лядоги) встречаются зерна манника вместе с зернами пшеницы (М. М. Я к у б ц и н е р. О составе зерновых культур из Старой Лядоги. «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры», вып. 57, 1955.

²³ А. Маурицио. Указ. соч., стр. 45 и след.

²⁴ Д. Н. Кайгородов. Наши весенние цветы. СПб., 1911, стр. 66.

²⁵ V. Machek. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954, стр. 50.

(*Chenopodium album*), осот (*Sonchus oleraceus*), латук (*Lactuca scariola*), чернобыльник (*Artemisia vulgaris*) и некоторые другие ²⁶.

Большое число дикорастущих растений употреблялось в качестве приностей в различные кушанья, квас, вино и т. д.

3. Растения, собираемые весной главным образом детьми и не играющие серьезной роли в питании.

Весной с появлением первой зелени дети едят листья, стебли, корни некоторых дикорастущих растений. Это скорее игра, чем собирательство, но в то же время она несомненно, отражает опыт прошлого. Едят стебли и листья баранчиков (*Primula veris*), стебли козлородника (*Tragopogon pratensis*) (особенно широко в южнорусских областях и на Украине, где их называют *козельці*), стебли дягиля (*Angelica archangelica*) и купыря (*Anthriscus silvestris*). Распространено употребление в пищу стеблей и листьев молочая (*Lactuca scariola*), различных видов крестоцветных (*Barbarea vulgaris*), сурепки (*Bunias orientalis*) свербиги и некоторых других. Большой популярностью пользуются зелень и луковицы различных видов дикорастущего лука и чеснока: *Allium victorialis*, *All. ursinum*, *All. angulosum*, *All. sphaerocephalum*, *All. schoenoprasum*, *Gagea lutea*; молодой хвощ (*Equisetum*), называемый *пестиком*, ростки тростника (*Phragmites communis*) и рогоза (*Typha latifolia* а. *angustifolia*), на Украине носящих название *шпичаков*; зачатки семян кувшинок (*Nymphaea alba*), плоды мальвы (*проскурки*), молодые шишки и отростки сосен и елей, называемые *заспой*, *крупкой*, *кашкой*; листья щавеля (*Rumex*) и стебли чернобыльника (*Arte-*

²⁶ «Щи готовят... из молодой крапивы, снытки, лебеды, чернобыльника, сурепки, щавеля, молодой гречихи и свежей капусты», («Этнографический сборник», вып. V, стр. 14). «... щи из щавеля, снытки, крапивы, бобовника, дягиля и других дикорастущих трав, приправленных небольшим количеством муки» («Этнографический сборник», вып. II, стр. 139). «Есть еще весеннее кушанье под названием лапней. Оно составляется из крапивы, снити, борща, лебеды, щавеля и осота» («Этнографический сборник», вып. III, стр. 138). «В борщ крошится следующая зелень: крапива, щавель, свекла, забудьки, сурепка, молочай, лобода, капуста свежая или кислая» (В. Щ. Пища и питье крестьян малороссов, стр. 281). В романе Л. Толстого «Анна Каренина» Долли встречает баб, идущих «за сныткой и молочником». К. Мошинский пишет о том, что во времена Ягеллы снить продавалась на рынках в Кракове (K. M o s z u ŋ s k i. O sposobach badania kultury materialnej Praslówian, стр. 129).

misia vulgaris). Весною пьют сок березы и клена (*березовицу* и *кленовику*), а осенью выкапывают и едят клубни хвоща и прикорневые шишки таволги (*Spiraea ulmaria*), и то и другое носит название *земляных орехов*, корни ситника (*Juncus*) и рогоза (*Typha*), называемые *ча́кан*.

4. Растения, собираемые и используемые в пищу в периоды войн и неурожаев. Невнимание к некоторым дикорастущим растениям не всегда говорит о том, что они менее полезны, чем культурные, просто их использование менее рационально, возможности сбора ограничены и требуют свободных рабочих рук. Еще в XIX в. добавление в муку различных растений было типичным явлением в деревне ²⁷.

Многочисленные показания этнографической литературы говорят о том, что чаще всего в качестве заменителей зерна употреблялись высушенные и толченые корневища белокрыльника (*Calla palustris*), пырея (*Agropyrum repens*), водяного шильника (*Alisma plantago*), кувшинок (*Nymphaea alba*) и чистяка (*Ficaria verna*). Наибольшей популярностью пользовались корневища белокрыльника, которые широко употребляются и у финских народов («*Suovehkan juurakosta valmistettu hataleipä*» ²⁸). Дополнительным аргументом, показывающим использование белокрыльника, служат его названия *житница* и *хлебница*.

Добавляли в муку семена лебеды, мелкорастертые сушеные листья папоротника, вереска, цветы клевера, мох, гнилушки.

В некоторых областях, особенно в Поволжье и на Урале, пекли в золе, по примеру своих соседей, а иногда ели и сырыми, корневища и клубни хвоща и таволги, камыша (*Scirpus lacustris*), сусака (*Butomus umbellatus*), раковых шеек (*Polygonum bistorta*), калужницы (*Caltha palustris*) и хмеля.

Здесь мы вступаем в область бросающегося в глаза противоречия между тем, что может быть использовано в

²⁷ «В более тяжкое голодное время самые бедные к невеяной ржи прибавляют равное количество разной мякоти или муки из высушенных в печи листьев папоротника, копытника, вереска, разных лесных и торфяных мхов, березовой коры; корней: пырейника, водяного шильника, водяной змейки или бобовника, белых и желтых кувшинчиков, или водяных лилий» (А. К и р к о р. Этнографический взгляд на Виленскую губернию. «Этнографический сборник», вып. III. СПб., 1858, стр. 138).

²⁸ N y k y s u o m e n sanakirja, т. VI. Helsinki, 1961, стр. 416.

пищу и что действительно используется. Грибы, ягоды, растения, дающие зелень, на территории России прекрасно известны, и употребление их полно и многообразно, но растения, заменяющие зерновые культуры, почти не известны, и даже в период голода употреблялась ничтожная часть из них. Я не буду перечислять здесь все те растения, которые могут быть использованы как суррогат муки, скажу лишь, что они составляют не менее 40—50 видов. Из известных растений, дающих зерна для каш, в этнографической литературе не отмечено ни одного. Это противоречие очень многозначительно. Можно полностью согласиться с мнением К. Мошинского, что только народ с развитым земледелием мог так пренебрежительно относиться к ресурсам дикорастущей флоры. Мошинский пишет: «w tym świetle Praszowianie rysują się przed nami jako lud żyjący od bardzo długich wieków z uprawy roślin i hodowli zwierząt. Bowiem chyba tylko stosunkowo dużym rozwojem hodowlano-rolniczej gospodarki, jej pradawnością i bardzo długotrwałymi okresami względnego dobrobytu w prawniku można by wytłumaczyć tak skąpą znajomość najpożywniejszej części dzikiej flory jadalnej, jaką zdradzają dotychczasowe nasze dane»²⁹. (В этом свете праславяне предстают перед нами как народ, занимающийся с давних времен растениеводством и скотоводством. Ибо только значительным развитием скотоводческо-земледельческого хозяйства, его древностью и длительными периодами экономического благополучия в древности можно объяснить такое несовершенное знание наиболее употребительной части дикорастущих съедобных растений, которое до сих пор поражает наше воображение).

Вступает ли этот вывод в противоречие с показателями лингвистики, видно из данной работы.

²⁹ К. М о с з у њ с к и. O sposobach badania kultury materialnej Praszowian. Wrocław — Kraków — Warszawa, 1962, стр. 140.

I

НАЗВАНИЯ ТРАВЯНИСТЫХ РАСТЕНИЙ

1 группа

Первая группа названий объединяет шесть растений, принадлежащих к разным ботаническим семействам: *Calla palustris* L., белокрыльник, *Caltha palustris* L., калужницу, *Menyanthes trifoliata* L., вахту, *Nymphaea alba* Presl., кувшинку, *Nuphar luteum* Sm., кубышку и *Trollius europaeus* L., купальницу. Эти растения растут в воде или около воды, четыре вида сходны внешне, имеют крупные желтые или белые цветы, оставшиеся два объединены с первыми благодаря сходному использованию съедобных корневищ. Общность мест произрастания, внешнее сходство и одинаковое использование объединяют эти растения в народном сознании. Значительное число их наименований относится сразу к нескольким видам. Образуя одно семантическое микрополе, названия этих растений перемещаются в границах микрополя. Отвлекаясь от конкретных микрополей, можно представить обобщающую схему данного микрополя в русских говорах. В этом случае лексема *лататье* будет соотноситься с *Calla palustris*, *Nymphaea alba* и *Nuphar luteum*, *вахта*, *вахтовник* — с *Nymphaea alba*, *Nuphar luteum* и *Menyanthes trifoliata*, *бобовник* — *Menyanthes trifoliata* и *Calla palustris* и т. д. Общая схема соотношений носит абстрактный характер, но она показывает границы микрополя с другими микрополями и его перекрещивание в масштабе всех русских говоров (табл. 1).

Латинские термины в схеме выступают как единицы значения. Знак «+» показывает лишь связь формы и значения, но не характер этой связи, так как *болоболка* может значить 'Nuphar', или 'Nymphaea', или же 'Nuphar, Nymphaea'.

Таблица 1

	'Nymphaea'	'Nuphar'	'Caltha'	'Trollius'	'Calla'	'Menyanthes'
<i>лататье</i>	+	+	+	—	—	—
<i>вахта</i>	+	+	—	—	+	+
<i>купава</i>	+	+	+	+	—	—
<i>лопушник</i>	+	+	+	—	—	—
<i>кувшинка</i>	+	+	—	—	—	—
<i>болоболка</i>	+	+	—	+	—	—
<i>ушко</i>	—	—	—	—	+	+
<i>куриная слепота</i>	—	—	+	+	—	—
<i>бобовник</i>	—	—	—	—	+	+
<i>хлебница</i>	—	—	—	—	+	—
<i>трилистник</i>	—	—	—	—	—	+

Лексема *лопушник* объединяет данное микрополе с полем сложноцветных сорных растений, лексема *хлебница* объединяет *Calla* с одним из наиболее распространенных озерных растений, а характерное название *трилистник* объединяет *вахту* с клевером. Число перекрещивающихся полей невелико, и их отношения строго обоснованы.

Перейдем теперь к происхождению отдельных названий.

л а т а т ь е

В южнорусских и среднерусских говорах словом *лататье* обозначают *Nuphar luteum*, кубышку и реже *Nymphaea alba*, кувшинку. В западнорусских говорах, в украинском, белорусском, польском, чешском и словацком языках так называют *Caltha palustris*, калужницу.

Русск. *лататье* (Анн. Б. сл., 78); блр. *лѳатать*; укр. *łatač, łatat', łatatt'a, łotač, łotaj, łotaš* (Мак., 78)¹, слвц. *lataj, lotaj* (Анн. Б. сл., 78-79); чеш. *lotač, lotáč, lotaj, lataj* (Mach., 41); польск. *łotocie, łotoc*.

¹ Материалы украинского языка во избежание неточностей даются латиницей, так как использован словарь Маковецкого (Słownik botaniczny łacińsko-maloruski. Kraków, 1936).

Этимология слова не выяснена. Махек производит его от праславянского **loky* 'болото', ссылаясь на лужицкую форму *lokašina*². Брюкнер предполагает, что польск. *lotos* заимствовано из русского³. Фасмер отвергает чисто формальное сопоставление слова *лататье* с болгарско-сербскими названиями настурции и цикламена *латина*, *латиф*, *лаһини*, предлагаемое Бернекером, но сам оставляет слово без этимологии⁴.

Этимологизация темного слова редко выходит за рамки осторожной гипотезы. Мы предлагаем здесь два возможных решения происхождения слова, прекрасно осознавая проблематичность того и другого.

Как видно из приведенного выше материала, слово чаще всего представлено в форме собирательности.

Вариантность конца слова по славянским языкам позволяет предположить разное суффиксальное оформление одного и того же корня. Ср.: *-at-*, *-ač-*, *-aš-*, *-aj-*. Корень выступает в двух формах: *lot-* и *lat-*.

Формы с корневым *-a-* представлены главным образом в русском и украинском языках. Русские примеры относятся к акающим говорам и поэтому не могут быть приняты во внимание; для украинского языка это не единственный случай фиксации *-a-* на месте этимологического *-o-* перед ударным *-a-* (ср. *багатий* при русск. *богатый*). Распространение слова в языке всех восточных и западных славян дает нам право считать его праславянским и восстановить условно следующие формы* *lotatъ* и **lotatjъ*.

Для реконструкции возможного этимологического признака можно прибегнуть к семантическим аналогиям в других языках. Рассмотрение названий *Caltha* в различных славянских и неславянских языках приводит нас к выводу, что типичными в большинстве языков являются два признака: желтый (цвет цветов) и болотный (характер произрастания): чеш. *žlutak*, словен. *zlatica*, *zlatenica* (Mach., 41); нем. *gelbe Maiblume*, *Goldwiesenblume* (Marz., 739), фин. *keltanherukka* при *kelta*, *keltan* 'желтый'; с

² N. Machek. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954, стр. 41.

³ A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927, стр. 312.

⁴ M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. II, Heidelberg, 1957, стр. 18 (далее эта работа дается в сокращении: Vasmer. REW).

другой стороны, укр. *болбтянок* (Гринч. I, 85), чеш. *blatouch*, болг. *блатник*, словц. *mlačník*, в.-луж. *blotušk* (Mach., 41), нем. *Bachblume*, *Moosblume* (Marz, 748) и др. Предполагают, что и в основу латинского названия положен признак, характеризующий цвет цветов: «*Caltha*. Ce nom a été emprunté par le latin à un mot grec non attesté: *καλθη qui explique comme remontant à i.-e. *gh_hdha, tiré de la racine *ghel-* 'jaune' »⁵.

Исходя из законов типичности семантических моделей, можно в качестве гипотезы предположить, что в основу старого славянского названия *Caltha* и сходных с ним растений положен один из разобранных признаков. Мы вынуждены склониться в пользу второго в силу ряда причин: «*Lotaj, tak se zvou mnohé vodní nebo bahenní rostliny*»⁶. Лингвистическая сторона материала также заставляет нас предположить, что именно признак 'болотный' лежит в основе этого слова. Отбросив суффикс, мы получаем на славянской почве корень **lot-* <и.-е.**lat-*. Этот корень в ряде индоевропейских языков имеет значение 'болото, грязь': нем. *Letten* 'глина, суглинок', др.-исл. *leŕja*, греч. *λάτῃς* 'остаток вина в чаше', ирл. *laith* 'болото', *lathach* 'ил, грязь'. В балтийских языках эта основа представлена лишь в топонимах: лит. *Lātupė*, *Latuvà*, лтш. *Late*⁷. Можно предположить, что в славянских языках эта старая основа сохранилась как реликт в названии болотных растений. (Ср. любопытное чеш. *latovisko* 'лужа, грязь'⁸, если последнее не германизм).

С не меньшей степенью условности может быть предложена вторая гипотеза. Рассматриваемая группа растений в русских говорах нередко носит название *лопуха*, *лопушника*. Ср. *лопушок* '*Caltha palustris*' (смол. Добр., 381), *лопушечек* (смол. Добр., 368), *лопушки* 'желтые и белые водяные лилии' (дон. Мирт, 174), *лопушки* 'кувшинки' (тобол. Патк., 498), *лопушняк* 'кувшинки' (олон. Кул., 51). В балтийских языках сходная картина: лтш. *ļēpu*

⁵ А. С а р н о у. Dictionnaire étymologique des noms grecs de plantes. Louvain., 1959, стр. 61.

⁶ В. М а с е к. Указ. соч., стр. 260.

⁷ J. Р о к о р н у. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Lfg. 7, Bern, 1953, стр. 654.

⁸ Příruční slovník jazyka českého, D. II. Praha, 1937—1938, стр. 519.

lара 'листья кубышек', лит. *lėpė* 'Seerose', лит. *lėpis* 'Calla palustris'⁹.

Этот корень в индоевропейских языках имеет несколько форм: **lep-*, **lor-*, **lap-* и выступает с основным значением 'лист'. В качестве производных наиболее распространены следующие значения: 'плоский предмет, подобный листу', 'лоскут, заплат, кусок ткани', 'одежда'. Ср. в русских говорах в значении 'лист': *лопух* (причем, в северных говорах это слово нередко выступает в значении 'лист вообще': «Мáленьки лапу́шечки, тáнутя как жилки», (арх., красн. В. М.); *лепест*, *лепень*, *лопье́* 'лопухи' (волог. Бувальц., 287). *лѡпот* 'листья капусты и др. огородных овощей' (олон. Кул., 51), *лепестень*, *лепишок* (пск., твер., осташ. Доп. Оп., 101), *лѡпотник* 'конский щавель' (смол. Добр., 368), *лѡпасть* 'листок, лепесток' (пск., твер., осташ. Доп. Оп., 99). В значении 'лоскут, заплат': *лепѣнь*, *лепѣстье*, *лапѣк* (Доп. Оп., 101); в значении 'одежда вообще', 'плохая одежда' в северных говорах *лѡпоть*, *лопотѣна*. Родственные балтийские формы: лит. *lāras* 'лист', лит. *lōras* 'заплата, тряпка'.

В то же время во всех славянских языках присутствует другое слово в значении 'лоскут, заплат, кусок ткани'— *лѡта*, *латка*, *лѡтица*. Ср. русск. *лѡта*, *латка*, *латань*; укр. *лата*; блр. *лата*; с.-хорв. *лѡтица* 'ластовица (в одежде)'; чеш. *latka* 'материал', словц. *lata*. Эта же основа выступает и в значении 'одежда': русск. *лѡтанье*, *лотѣнье*, *латанѣна*, *лотанѣна* 'худая одежда, изношенное белье и платье, рубище' (Сл. II отд., V, 2, 279); укр. *лѡти* мн. 'рубище'; серб. *лаче* 'порты' (Лавр., 282).

Кроме того, в русском и украинском языках есть прилагательное *латѡтый*. В русских говорах это эпитет горошка: *латѡтый горошек* — *Lotus corniculatus*, собственно 'рогатый горошек, торчащий в разные стороны'. В украинском языке слово *латѡтий* трактуется в словаре как 'широкий', но пример, кажется, говорит о том, что значение этого слова то же, что и в русском: «латѡте кленове листьѡ торкались кам'яної стѣни»¹⁰. Ср. еще *разлѡтый* 'расширяющийся, постепенно увеличивающийся в ширину' (ряз., мещер, Осов.); в том же значении у Л. Тол-

⁹ К. К. Б у г а. Baltica. О литовско-латышском дифтонге *ui*. Балтийские (айстийские) этимологии.— РФВ, т. LXVI. Варшава, 1911, стр. 243—244.

¹⁰ Украинско-русский словарь, т. II. Киев, 1958, стр. 432.

стого в романе «Анна Каренина». От значения 'лоскута, куска, мохра' легко могло развиваться значение 'торчащий в разные стороны', ср. *лѡхма* — *лѡхмѡтый* и т. п.

При разборе двух рассмотренных выше групп слов обнаруживается, что слова с основой **lep-*, **lop-*, **lap-* выступают в значениях 'лист', 'плоский предмет', 'лоскут, одежда', а слова с основой **lot-*, **lat-* в значениях 'лоскут, одежда'. Семантический параллелизм дает основания для построения гипотезы о том, что и последняя основа имела первоначально значение 'лист', так как трудно представить, что первичным значением такого несомненно старого слова было значение 'кусочек ткани'. Как правило названия ткани, одежды семантически производны, они продолжают названия, связанные с ткацким станом, такие, как *треста*, *стануха*, или связаны со значениями 'резать', такие, как *портно*, *порты*, *рубаха*, *рубище* и др., или же произведены от значения 'листа', такие, как *лѡпоть*. Если основа **lat-*, **lot-* первоначально имела значение 'лист', то в этом случае название болотных растений с широкими листьями **lotajь*, **lotatь*, **lotatjь* абсолютно идентично их названиям *лопух*, *лопушки* и значит собственно 'листья, большие листья'.

Выдвигая гипотезу о том, что корень **lat-*, **lot-* в славянских языках имел первоначально значение 'лист', можно попытаться установить его дальнейшие этимологические связи. Эта попытка приводит нас также к двум возможным этимологическим решениям: или корень **lat-*, **lot-* представляет собою отражение того же корня, что и **lap-*, **lop-*, **lep-*, но с иным расширителем, или же это образование от и.-е. корня **uel-* 'волосы, шерсть, трава, лес' в форме **ulō-* с расширителем *-t-*, где *u* в начальном положении перед *r*, *l* должно было отпасть по законам славянской фонетики¹¹. Слово могло обозначать, как и другие слова этого корня, 'то, что вырастает, лист'¹².

ка л у ж н и ц а

В части говоров Московской обл. *Caltha palustris* называют *калужница* (Анн. Прост., 26), это же слово закрепилось за растением как его научное наименование.

¹¹ А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 109.

¹² Материалы для последней гипотезы см.: (E. Вегнекер. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908, стр. 308).

Так же называют это растение на Украине *kalužnyca*, *kałužnyca* (Мак, 71) и в Сербии (Анн. Б. сл., 79). Слово прозрачно и со словообразовательной и с семантической стороны, его этимология проста. Это производное от слова *калѹга*, *калѹга* 'лужа, грязь, болото' или же *калѹжа* 'грязь, лужа, стоячая вода' (Д³, II, 194); ср. укр. *калѹжа* 'лужа, грязь', *калѹжний* 'болотистый, грязный' (Гринч., II, 212), серб. *калѹжа* 'мусорная, помойная яма'. Словообразовательная модель: *калѹжа* → *калѹжний* → *калѹжница*; семантическая схема: 'болото, лужа' → 'болотный' → 'название болотного растения'.

кувшинка

Кувшинками обычно называют как *Nymphaea alba*, так и *Nuphar luteum*, иногда разделяя их на *желтые* и *белые кувшинки*. Обращение к плану «вещей» в данном случае необходимо для объяснения: плоды растения похожи на миниатюрные сосуды, и это обстоятельство дало толчок для появления в языке целого фейерверка метафорических названий, все они постоянно воспроизводят одну и ту же семантическую модель: 'сосуд' — 'раст. *Nymphaea*, *Nuphar*'. *Кубышка*, *кубышки* (кал. Анн. Б. сл., 228; Д³ II, 536); *кубанцы* (сарат. Моис., 56); *самоварчики* (перм. Каюр., 321); *кувины* (смол. Эк. общ., 28); *кувшинчик* (твер., каш. Смирн., 80; яросл. пошех. Копор., 132); *кувшинчики* (арх., виногр. В. М.; влад., ковр. МДК 11, 40); *кувшинцы* (1534 г.— Тр. Любч. Зм., 18); *кувшинка*, *кувшинки* (моск, Анн. Б. сл., 228; Д³ II, 540). Последние формы в отличие от предыдущих получают уже словообразовательную самостоятельность, хотя семантическая производность отчетливо видна. Ср. названия тех же растений: блр. *горлачики*, *жбанки*; укр. *збанок*, *збаночки*, *гелечики* (Гринч., II, 121; Мак, 243).

чайка

Красота цветов *Nymphaea alba* и *Nuphar luteum* и оригинальность *Calla palustris* породили в языке народа целый ряд поэтических метафор. Это главным образом сравнение цветов с птицами: *чайка*, *чаюшка* (арх., приоз. Кимяг.); *лебедушки* '*Nymphaea alba*' (олон. Кул., 48); *курочки*, *белые курочки* (яросл., пошех. Копор., 134; кал.,

смол. Анн. Б. сл., 228; Д³ I, 12, Д³ II, 536); может быть, сюда же вятское *гули* (вят. Гор., 253): «гўл'и — бѣлыѣ цвѣтк'и, как шан'ешка б'ѣлаја» (ср. название голубей — *гули*); ср. еще укр. *гўски* мн. 'Nymphaea alba' (Гринч., I, 342). (Несмотря на кажущуюся прозаичность, этот образ удивительно точен, так как издали белые лилии напоминают плывущую по воде вереницу гусей.) *Calla palustris*, наряду с некоторыми другими растениями, называют *петушки* (см. группу 29), чему способствует характер прилистника, напоминающего гребень. Мне думается, что этой системой образов можно объяснить и польское название *Nymphaea alba grzebień, grzybień*, хотя Мошинский предпочитает его связывать со словом *grzyb*¹³.

болоболка

Целый набор названий *Nymphaea alba*, *Nuphar luteum*, *Trollius europaeus* и некоторых других растений содержит в себе сравнение с бубенцами, шариками, с какими-то качающимися, болтающимися предметами. Наиболее распространенное из этого рода названий — *болоболка*, встречающееся в большей части северных говоров и в некоторых южных (вят. Васн., 11; арх. Подв., 4; твер., осташ. Копор., 93; яросл., пошех. Копор., 83; перм. Анн. Б. сл., 228; Д³ I, 103), *болоболки* (олон. Анн. Б. сл., 228; ряз. Азарх); *балаболожник* (новг., череп. Герас., 21; новг. Гранд., 89; Д I, 41). В то же время *балаболка*, *болоболка* в северных говорах значит еще, по определению Даля, «то, что болтается, висюлька, подвеска, повислый цветок и т. д.»

Аналогичного образования *шабольник*, *шалабольник* (Анн. Б. сл., 228) 'Nymphaea alba', так же соотносимое с глаголом *шалаблнить* 'болтать, болтаться', как *балаболка* с *балаблнить* 'болтать'. Ср. еще *болтавка* 'водяная лилия' (прибалт. Немч., 31), непосредственно образованное от глагола *болтать*. К этой группе названий, по видимому, примыкает новгородское *шольник* (новг., череп. Герас., 95; новг., череп. Ж. Ст. 1893, 387). Скорее всего это образование с суфф. *-ик (-ник)* от глагола *шельнуть, шольнуть* 'шевелить, колебать, колыхать' (Д³

¹³ К. Мосзу́́ски [рец.] F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego. «Język polski», 1956, rocz. 36, № 2, стр. 196.

IV, 1419), имеющим общий корень со словами *швелст*, *шолох*. Упорное воспроизведение одной и той же семантической модели можно наглядно проследить в следующем сопоставлении.

болтать — *бблтавка*
балабблить — *балабблка*
шалабблить — *шалабббльник*
шáболить — *шáбольник*
шбльнуть — *шбльник*.

По-видимому, в этот же ряд входит вологодское название кувшинки *баламайка*, стоящее в связи с глаголом *маять* 'махать, болтать'.

Примыкают к этой группе названий сравнения рассматриваемых растений с бубенцами, шариками. Ср. приводимое Анненковым для Калужской области название *Nuphaea* — *бубенчики* (Анн. Б. сл., 228). *Бобульки*, *бобольки* '*Nuphar luteum*' (арх., приоз. Кимяг), на мой взгляд, семантически аналогично предыдущему. Основа *боб-* часто выступает в названиях различных круглых предметов. Ср. севернорусское *бобки*, *бобошки* 'шарики, игрушки'.

л о п у х

Как уже говорилось выше, значение слова *лопух* очень общо: 'растение с большими листьями'. *Лопухом* называют многие виды семейства сложноцветных (см. группу 13), а также *Caltha palustris*, *Nuphar luteum* и *Nuphaea alba*; *лопух*, *лопушок* '*Caltha palustris*' (смол. Добр., 381). С тем же значением слово *лопух* представлено во всех славянских языках: укр. *лопух*; блр. *лопух*, болг. *лбпух*, *лбпуш*; с.-хорв. *лбпух*; словен. *lorûh*; чеш. *lôrisch*, *lorouch*; польск. *lorisch*; н.-луж. *lorisch*.

Слово, несомненно, старое, оформленное архаическим суффиксом *-ух*. Формы с иным оформлением затеряны в говорах, такие, как приведенные выше *лопъё*, *лбпот*, или сохранились лишь в связанной форме типа *лопо-ухий* 'с большими ушами'. Ближайшим родственным словом в славянских языках считается *лапа*, имеющее значение не только ступни с пальцами у животных и птиц, но и широких веток ели. За пределами славянских наиболее близкие формы в балтийских языках: лит. *lãpas* 'лист'. Ин-

доевропейский корень **lep-*, **lor-*, **larp-* с основными значениями 'быть плоским, ладонь, ступня, лопата, весло' в ряде случаев выступает и в названиях растений: ср. нов.-в.-нем. диал. *laff* 'одуванчик', лтш. *lėpa* 'мать-и-мачеха, кувшинка'¹⁴.

одоленъ

Odoljen joj za pojasom,
Ne mogu joj odoljeti.

Сербская песня

Корневище кувшинок в русских говорах носит название *одоленъ*, *одолен* (олон. Кул., 69; волог. Потан., 53; брянск. Тихан., 37; дон. Мирт., 389; Д³ I, 82). В других славянских языках так называют корень валерианы: чеш. *odolen*; словц. *odolen*; с.-хорв. *odoljen*, *odoljan*, *odolin*; болг. народ. *delenka*; укр. *одолян*. Махек восстанавливает праславянское **odolěňъ* 'Valeriana', производное от глагола **odolěti*, названное так за свои целебные и магические свойства¹⁵. В русском языке название перенесено с валерианы на кувшинки в результате функционального тождества: корневище кувшинок не только употреблялось как лекарственное, но и, по народному поверью, прогоняло злых духов. М. Фасмер, в отличие от Махека, склонен видеть в слав. **odolěňъ* кальку латинского слова *Valeriana*, образованного от *valēre*¹⁶. Трудно выбрать правильное решение, в данном случае могло бы помочь лишь практическое знание, как давно славяне узнали свойства валерианы.

купава

Купавой, *купавкой*, *купальницей* называют целую группу растений: и калужницу, *Caltha palustris*, и кувшинки, *Nymphaea alba* и *Nuphar luteum*, и купальницу, *Trollius europaeus*, и лютик, *Ranunculus acris*. *Купава*, *купавка*, *купальница* (Д II, 219), *купальница* — *Trollius* (арх., виногр. В. М.; киров., медян. Проз., 40); *купаленка* (сарат. Снегир.); *купальница* — *Ranunculus* (во-

¹⁴ J. P o k o r n y. Указ. соч., стр. 679.

¹⁵ V. M a c h e k. *Ceská a slovenská jména rostlin*. Praha, 1954, стр. 224.

¹⁶ M. V a s t e r. REW, II, стр. 255.

лог. Волог. г. в., 1852, 431; волог. Потан.); в Сибири *купава* называют вообще цветочную почку, особенно белую (иркут. Оп., 97; южн. сиб. Гул., 123. Ануч., 52). Потебня связывал слова *купава*, *купавай* с болг. *хубав*, серб. *хубав* 'красивый'¹⁷, но эта этимология предполагает целый ряд допущений: переход *к* > *х*, объяснение отношений *п/б*. Думается, что не будет слишком грубым предположение о связи слов *купавай* (в былинах «купавай добрый молодец», «во беседе купав молодец») и *купава*, *купавки* 'названия растений' с глаголом *купать*. В первом случае *купавай* значит 'чистый' (ср. сиб. *купавай* 'чистый, белый' Д II, 219) и потому 'красивый' (ср. фольклорное «а лицо-то чистое, белое»).

Примером связи значений 'купать' → 'красивый' может служить название растения *Polygonatum multiflorum* *купена*; укр. *кир*, *кирена*, *кирупа* (Мак., 283); блр. *купена*. И. Носович замечает: «купена — трава соломонова печать. Крестьянские девицы употребляют ее для умывания лица, чтобы быть белыми» (Носов., 260). Эту же мысль подтверждает и В. Махек: «ženy i pannu, které se rády fíflují, dělají z něho vodu a líčí se ní» (Mach., 270). Ср. еще: «Купена-лупена. Девушки считают на ней листки и говорят „купена-лупена“. Если верхний листок выйдет соответствующим слову „лупена“, то не румянятся. А если последнему листку отвечает слово „купена“, то румянятся»¹⁸; укр. *купáлий* 'красивый'. «На нашої на вулиці все кушалиї молодці» (Гринч. II, 326). Во втором случае связь более конкретна — все названные выше растения растут в воде, как будто купаются, из воды подымается стебель с цветами. Непосредственно отражают этот признак такие формы, как *купальница*, *купаленка*, а *купава* представляет собою просто более архаичную словообразовательную модель при той же основе, ср.: *красáва*, *черна́ва*, *гряза́ва* и др.

т р и л и с т и к

Ассоциации в названиях клевера, *Trifolium*, и вахты, *Menyanthes trifoliata*, очень устойчивы благодаря

¹⁷ А. А. Потебня. Этимологические заметки. — РФВ, т. XIV. Варшава, 1880, стр. 195.

¹⁸ «Песни Дмитровского уезда Орловской губернии, записанные В. Н. Добровольским». — Ж. Ст., год 14-й, 1905, вып. III, стр. 320.

большому сходству листьев этих растений. Оба растения называются «трилистниками» в научной терминологии, «водным, горьким, бобовым клевером» называют вахту по-немецки, в польском языке она носит названия *trojan*, *trójliśc*, *trzylistek*, в чешском — *třilistník* (Mach., 183). По русским говорам это *трилистник* (волог. Ильин, 9; арх. МДК 11, 172; смол. Эк. общ., 28; смол. Добр., 917); *троелистка* (перм. Каюр., 321). Разнообразие форм по славянским языкам, наличие этих слов в говорах как будто предполагает самостоятельное образование названий, но не исключена возможность и широкого распространения калек через язык-посредник, такой, как польский, например.

бобовник

В русских говорах *бобовником* называют клевер, *Trifolium*, вахту, *Menyanthes* и белокрыльник, *Calla palustris* (Д I, 101; арх. виногр. В. М.), так же называют клевер и вахту в украинском, белорусском и польском языках (Мак., 231; Варш. сл. I, 179); повсеместная форма *бобовник*, но есть еще в украинском *бібнік* то же (Гринч. I, 59). Наряду с этими формами в польском существует еще *bobrek*, *bobrownik*, образованные, по-видимому, от одного из вариантов названий боба в польском — *bober*, *bóber* 'боб' (Варш. сл. I, 196). Последняя форма (*bobrek*, *bobrownik*) получила распространение в пограничных районах Чехии, Белоруссии и Украины.

Корень *боб-/боб-* выступает в славянских языках для обозначения чего-то вздувшегося, мелких, круглых предметов. Ср. например, в сербском *ббба* 'круглая ягода', 'прыщ', 'рачьа икринка', 'гребень индюка'.

Очень показательны в этом отношении севернорусские говоры, где этот корень выступает с большим числом уменьшительных суффиксов, играющих роль словообразующих. Ср. *бббушки* 'шарики на счетах' (вят., уржум. Магн., 10); *боббк* 'нерастворимый кусок теста' (яросл., пошех. Копор., 86); *бббка* 'глава на церкви' (новг. Ерем., 52); *бббки*, *бббушки* 'игрушки' (арх., холм. Гранд., 96); *бббушка* 'игрушка' (арх., ровд. Кимяг.; Волог. сказ.-песн., 262); *бббурки* 'косточки у счет' (вят. Горев., 237) и др.

Так же широко представлен этот корень и в названиях растений, характеризуя главным образом почки, бутоны, отдельные цветы. Ср.: *бабурки* 'бутоны, почки' (олон. Кул., 2); *бабшка, бабшка* 'древесная почка' (моск. Д I, 34); *бабочки* 'ромашки' (арх. виногр. В. М.); *бабочки, ббочки* 'васильки' (олон. Кул., 2, 4); *бабушки* 'васильки' (новг., улом., вауч. Ерем., 52); *бббка* 'цветок' (волог., устюж. Диал. сб., 29); *бббки* 'на лугу редкие цветы' (новг., белоз. МДК. 11, 38); *бабуша, бабушка* 'ромашка' (арх., приоз. Кимяг.); *бабка* 'шишка репейника' (яросл., рост. Волоц., 19); *бобчек* 'цветок' (арх., приоз. Кимяг.); *бобулёк, бобылёк* 'цветок кувшинки' (там же); *бобки, бобовник* 'клевер' (арх. Подв., 7). *Бобками* названы круглые головки клевера, а само растение *бобовником*; с клевера это название было перенесено на вахту и белокрыльник.

вахта

Вахта — литературное название *Menyanthes*. Источником послужило севернорусское вологодско-архангельско-олонецкое название как этого растения, так и *Calla palustris*; в говорах Поволжья *вахтовником* называют кувшинку (Анн. Б. сл., 215).

Сам облик слова наталкивает на мысль о заимствовании. Маценауэр предположил, что в русском языке слово заимствовано из чешского, Фасмер в своем словаре повторил эту этимологию¹⁹. Но на чешской почве слово *vachta* этимологии не имеет. Оно впервые встречается у Пресла и, по утверждению Махека, заимствовано последним из русского²⁰. Махек же делает предположение, что в русский язык слово попало из угро-финских языков. Эту же мысль подтверждает и география этого слова в русских говорах. В олонецких говорах, непосредственно соприкасающихся с целым рядом западнофинских языков, *Menyanthes trifoliata* называют *вахта, вахка, вехк* (олон. Кул., 8). Многие примеры показывают, что при заимствовании из финских языков сочетание *-хк-* на русской почве передается как *-хт-* (см. мою статью о слове *пихта*²¹). Можно заранее

¹⁹ А. М а т з е н а у э р. Cizí slova ve slovanských řečech. Brno, 1882, стр. 361; М. В а с м е р. REW, I, стр. 174.

²⁰ В. М а с х е к. Указ соч., стр. 182.

²¹ В. А. М е р к у л о в а. К этимологии слова *пихта*. «Этимологические исследования по русскому языку», вып. I. М., 1961.

предположить, что русскому слову *вахта* в финском должно соответствовать **vahka*. И действительно, в финском языке есть слово *vehka* (ср. олонецкое *вехк*), которое значит *Polygonum*, *Calla palustris* и *Menyanthes trifoliata* ²², в карельском языке слово *vehka*, *vehku* тоже значит *Calla palustris*, вепсское *vehk* то же, эст. *võhk*, *võha*. Это же слово, по-видимому, достаточно популярное, нашло отражение в названиях карельских и вепсских деревень. Ср. кар. *Vehkutägi*, *Vehkusel'gü*; вепс. *Vehkoja* ²³. Один из вариантов русского олонецкого названия этого растения точно передают вепсскую форму *вехк*; два других являются результатом освоения западнофинского слова на русской почве: *вахка*, *вахта*. Отрывать эти формы друг от друга не представляется возможным, хотя остается неясным вокализм *a*.

Можно с уверенностью утверждать, что в русский язык это слово проникло давно и было устойчиво сохранено благодаря широкому употреблению в пищу корневищ *Calla* и *Menyanthes* как местным финским, так и русским населением (см. раздел «Введение»). Памятники XVI в. уже фиксируют это слово: «Нѣкоего же лѣта бысть гладь в предѣлѣхъ града Вологды, и мнози хлѣбныя ради скудости ядыху траву и коренія, и *вахту*...» ²⁴; «Пища его бѣ быліе и травы і *вахта* и кора сосновая» ²⁵.

хлебница

Это местные названия белокрыльника (*Calla palustris*) и сусака (*Butomus umbellatus*) (Д IV, 553); *хлебница*, *хлебник* — '*Calla palustris*' (петерб. Анн. Б. сл., 215). В Белоруссии это же растение носит название *житница* (Анн. Б. сл., там же). В этих наименованиях

²² Nyky-suomen sanakirja. Porvoo — Helsinki, т. VI, стр. 416.

²³ Карельские и вепсские материалы сообщены мне сотрудницей Петрозаводского института языка, истории и литературы АИ СССР М. И. Зайцевой.

²⁴ Великие Минеи-Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием (XVI в.), т. I, изд. Археогр. комисс. М., 1868, стр. 287.

²⁵ «Житие Кирилла Белого Новоезерского XVI в. с чудесами» (рукопись Ундольского № 1308, XVII в.), Картотека ДРС, № 42.

непосредственно отражено использование растений как съедобных; их называли «хлебными» потому, что из сушеных корневищ делали муку.

уш ь

В Новгородской I летописи есть фразы: «и кядкху люди листь линовъ... инии *оушь*, *мъхъ*, конинуоу» (6636 г.), «ини же мъхъ ядыху, *оушь*, сосну, кору липову» (6738). Летописные сведения о съедобных растениях ничтожны, тем более любопытно загадочное *оушь* Новгородской летописи. Это слово уже подвергалось этимологизации. Г. Ильинский сопоставил его с литовским названием чертополоха *usnīs*²⁶. Один из видов осота или чертополоха (*Cirsium oleraceum*) действительно съедобен. Лтш. *uspa*, лит. *usnė* 'Carduus, Cirsium', вариант *ušri* прекрасно этимологизируются как производные от корня 'жечь, колоть' и имеют соответствие в славянском **uščь*²⁷.

Ф. Филин, приводя варианты этого текста из русских летописей, где слово *ушь* заменено на *ужь*, *ужовый дягиль* (Новороссийский и Тверской списки летописи), считает слово *ушь* вариантом *ужь* с оглушением конечного согласного, а последнее субстантивированным прилагательным *ужов*, «раньше бывшее определением к общеславянскому дягиль»²⁸.

Мне представляется возможной третья гипотеза, отнюдь не снимающая правдоподобности первых двух. Судя по текстам летописей, слово *ушь* было новгородским диалектизмом, в других списках оно было заменено на свои, понятные термины. Современные русские говоры на территории расселения древних новгородцев имеют слова *ушэвник* 'Menyanthes trifoliata' (новг., череп. Герас., 90); *ушкó* — то же (олон. Анн. Б. сл., 215); *ушняк* (олон. Кул., 126). Как область распространения термина, так и его значение, очень четки. Нельзя ли предположить, что в говорах сохраняется старое новгородское название *Menyanthes trifoliata*, лишь осложненное вторичной суффикса-

²⁶ Г. А. Ильинский. Славянские этимологии. — ИОРЯС, т. 23, кн. 1, 1918, стр. 170-171.

²⁷ V a s m e r. REW, III, стр. 198; K. Mülenbacha Latviešu valodas vārdnīca. Burt. XXXVI. Rīga, 1929, стр. 309.

²⁸ Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнекняжеской эпохи, Л., 1949, стр. 752.

цией? Интересна фраза из Вологодской летописи: «вахту жули и траву», где речь идет о том же растении *Menyanthes trifoliata*. Любопытно, что в мещерских говорах *Menyanthes trifoliata* называется *треух* (ряз. Оссов.).

Со словообразовательной точки зрения мне кажется возможным произвести слово *ушь* от *ухо*. Ср. *зернь* от *зерно*. Слово *ухо* в значении 'лист растения' и как элемент названия растения представлено очень широко. Ср. только чешские: *ušica, babí ucho, babské ucho, psí ucho, svíní ucho, volí ucho*²⁹; русск. *медвежье ухо* 'ландыш', *заячьи уши* 'ландыш' (олон. Кул., 54), *треушник* 'клевер' (твер., весьег. Оп., 232), *уши* 'лекарственное растение' (дон. Мирт., 404), *ушкí* (ряз. мещер.) 'Polygonum?'³⁰ и польск. *łanie uszko*, как предполагаемый источник слова *ландыш*.

Что касается идентификации этого термина, то речь может идти только о двух растениях *Menyanthes trifoliata* и *Calla palustris*, нередко носящих общие наименования. У того и другого растения съедобны корневища, может быть поэтому они и не названы в тексте травой или былием.

Нами рассмотрена лишь часть названий, входящих в данную группу; из них отобраны лишь широко известные или представляющие этимологический интерес. Остальные приводятся ниже списком: 'Nymphaea alba' и 'Nymphaea luteum' *запонки* (волог. Потан.; Анн. Б. сл., 228); *запонок* (твер. Н. У., 45; Д. I, 615; волог. тотем. Потан.); *бляушка* (ворон. Торощ., 379); *желтухи* (сарат. Моис., 56); *водянка* (дон. Мирт., 45); *пльвунчик* (волог. Анн. Б. сл. 228); *водяной прострел* (Анн. там же); *водяной цвет* (олон. Анн. там же) (ср. лтш. *upes riķe*); *шпанки* (олон. Кул., 139); *барашки* (сиб. Ануч. 68.), *водяной мак* (Д. I, 168); 'Caltha palustris' *лягушечник* (волог. Анн., 78); *вороньи глазки* (кал. Анн. Б. сл. 78); *козелец* (брянск. Тихан. 37; смол. Анн. Б. сл. 78) — общее с *Tragopogon pratensis*; *копытник* (тобол., берез. Скалоз., 20); *курачья слепота* (твер. Пунар. 200; Д. II, 224); *куриная слепота* (томск. Горст., 105). 'Calla palustris' *белый попутник* (кал. Анн. Б. сл., 78); *болотная трава*, *водяной корень* (олон. там же); *красуха* (петерб. там же; Д. II, 186); *медвежьи лапки* (смол.

²⁹ V. M a s h e k. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954, стр. 218, 199, 83, 218, 219.

³⁰ Ю. Н а г и б и н. Погоня. М., 1964, стр. 88.

Анн. Б. сл. 78); 'Trollius europaeus' *авдотька, авдюшка* (Д, I, 3); *колтушкй, кугольник* (Д, II, 211).

Этот список, разумеется, не исчерпывает всех названий этих растений во всех русских говорах.

2 группа

Многочисленные виды *Potamogeton* и несколько видов *Polygonum* благодаря большому внешнему сходству и общности мест обитания (в воде, по берегам, в болотах) носят в славянских языках общее родовое имя *рдест*. Некоторые виды *Polygonum* имеют еще многочисленные видовые наименования, определяемые своеобразием отдельных растений.

рдест

Выяснение типичной семантической модели для определенного рода наименований может дать ключ к возможному этимологическому решению. Мне кажется, что этот прием может быть применен для анализа слова *рдест*: русск. *рдест* (по-видимому, заимствование из польского); укр. *deresen, deres, drjasen*; польск. *rdest, grdes, derdes, dredešnik*; чеш. *rdesno, rdest, hrdesen, rdesen, dresnek*; серб. *hrdeselj, rdesen, rdesalj, dresan, dresen, dreslin*; словен. *rdésalj, rdésan*; в.-луж. *drost, drěst*; н.-луж. *drest*³¹. Вариантность форм слова велика и очевидна перестановка начальных согласных. М. Фасмер восстанавливает как возможную праславянскую форму **rǫdъstъ*, предполагая, что русские и украинские примеры заимствованы из польского³². В отношении последнего это мало правдоподобно, потому что украинские формы не совпадают с польскими. Далее М. Фасмер сближает **rǫdъstъ* с **rǫděti, *rǫdja*.

Можно предложить и другое объяснение. М. Фасмер, как и его предшественники (Миклошич, Мука, Брюкнер), исходит из формы **rděstъ* как основной, считая форму **drěstъ* вторичной. В. Махек, напротив, понимает **rděstъ* как производную от **drěstъ*, но последняя для него лишь

³¹ S. M a k o w i e s k i. Słownik botaniczny łacińsko-małopolski. Kraków, 1936; стр. 284—286; 290; Д. С и м о н о в и ч. Ботанички речник. Београд, 1959, стр. 369; V. M a c h e k. Указ. соч., стр. 86.

³² V a s m e r. REW, II, стр. 499.

этап эволюции из **nerstь*³³. Если не предполагать столь сложных преобразований слова, можно исходить из варианта с начальным *d*, так как эти формы представлены шире по славянским языкам (ср. приведенные выше примеры). Мы вправе восстановить следующие праславянские формы: **dersьnъ*, **drěсьnъ*, **derstь*, **drěstь* с позднейшей метатезой **drěstь* > **rděstь*. Формы с *-n-*, возможно, как предполагает и В. Махек, по происхождению субстантивированное прилагательное из словосочетания **drěstьno byľje*. Ср. аналогичные образования названий лекарственных растений от наименований болезни: *урѡк* — *урѡчная трава*; *урѡз* — *урѡзная трава*; *усѡв* — *усѡвная трава*; *жаба* — *жабная трава* и т. д.

Повсеместное использование корня *Polygonum bistorta* L. в качестве лекарства от расстройства желудка привело к образованию устойчиво повторяющейся модели названия растения по этому признаку: *завязный корень*, *завязник*, *животный корень*, *мутовое коренье* (при *мутовка* 'понос'), *червунник*, *черевная трава* и др.³⁴ Ср. еще сербские названия того же растения: *прдель*, *желудѡнак* и *дриставец*³⁵; кроме того, украинские *drestun*, *drystun* то же³⁶. Формальные трудности, вызванные предположением об образовании от глагола **dristati* форм с иным вокализмом, могут быть сняты параллельными балтийскими образованиями. Ср. лит. *dergti*, *derkti* 'гадить', наряду с *drėgti*, *drėkti*³⁷.

раковые шейки

Происхождение термина определяется индивидуальными особенностями растения *Polygonum bistorta* L. В основу сравнения положен вид красно-бурого корневища с многочисленными рубцами. В говорах это название существует только в районах, пограничных с Украи-

³³ В. Махек. Указ соч., стр. 86.

³⁴ Н. Анненков. Ботанический словарь. М., 1878, стр. 263—264; А. В. Миртов. Донской словарь. Ростов-н/Д., 1929; стр. 381; Б. А. Моисеев. Словарный состав говора с. Саратовки Соль-Илецкого р-на Чкаловской обл. Канд. дисс. М., 1955, стр. 64; волог., яросл. (Доп. Оп., 299).

³⁵ Д. Симоновић. Указ. соч., стр. 369, 374.

³⁶ St. Makowiecki. Указ. соч., стр. 284—285.

³⁷ J. Rokopny. Указ. соч., стр. 256.

ной (смол. Добр. 779; орл. Сахар., 36; Д. IV, 57). На Украине это название популярно: *rače šyjku*, *račku*, *rakovi šyjku* (Мак., 284-285).

У ж и к

Ужик, *ужовник* (олон. Кул., 124; Анн. Прост., 71). — одно из тех названий, которые могут быть как калькой нем. *Schlange wurz*, так и собственным образованием.

Второстепенные названия *Polygonum bistorta* L. чрезвычайно многочисленны, вот список, приводимый только в Ботаническом словаре Анненкова: *брылена*, *бьяшечки* (яросл.), *винный корень* (вят.), *горец*, *горлец*, *горлянка*, (курск.), *горечавка*, *горчак*, *дикая греча*, *дубровка* (моск.), *животный корень*, *жолуничный корень* (вят.), *завязный корень*, (моск., арх.), *змеевик* (моск., твер., вят.), *змеинник*, *змеинничник* (вят.), *икум* (камч.), *кровоавик красный* (вят.), *макарша* (камч.), *макаршино коренье*, *макаршник*, *мутовое коренье* (шенк., костр.); *медведница* (арх.), *паун*, *поришник* (курск.), *плесняк* (твер. ошаш.), *почечуйник*, *правильная* (вят.), *рак-трава*, *рачки* (смол.), *степной рачек*, *раковые шейки*, *рачы шейки*, *расходник* (костр.), *сабельник*, *сердечное коренье*, *сердечная трава* (нижег.), *собачьи столбики* (олон.), *султанчики* (яросл.), *султаны* (костр.), *полевой султанчик* (уфим.), *сиква* (камч.), *узик* (уфим.), *черевные коренья* (Анн. Б. сл., 263-264).

Второстепенные названия *Potamogeton*, напротив, немногочисленны: *жолга*, *жилига*, *водяная капуста* (перм.), *водяница*, *кушир*, *кушур*, *медвежье ухо*, *водяная крапива* (Анн. Б. сл., 269).

3 группа

Niče li sita bez vlage?
raste li rogoz bez vode?
Jov. 8, 11

Над водой в озерах и болотах поднимаются круглые или плоские, местами как будто переломленные стебли различных растений: камыща (*Scirpus*), ситника (*Jun-*

cus), аира (*Acorus calamus*); кое-где виднеются бархатно-коричневые палки рогоза (*Typha*) или зонтики розовых цветов сусака (*Butomus umbellatus*), колеблются под ветром метелки тростника (*Phragmites communis*). Все эти растения отличны друг от друга, они принадлежат к разным ботаническим семействам, но в то же время в них много общего: растут они в одинаковых условиях, в больших зарослях нецветущие растения трудно различить, все они употребляются для плетения, их стебли идут на приготовление рогож, циновок, сумок, корзин, плотов, канатов и т. п., корневища их съедобны. Поэтому в народном сознании все эти растения связаны и имеют целый ряд общих наименований. Как и в первой группе, мы оставляем без внимания реальные микрополя отдельных говоров, а попытаемся представить себе закономерности внутренних связей данного микрополя в рамках всех говоров русского языка. Мы получим схему, не соответствующую непосредственным микро полям, но в то же время имеющую опору в действительности (табл. 2).

Таблица 2

	'Juncus'	'Scirpus'	'Typha'	'Phragmites'	'Acorus'	'Butomus'
<i>сита</i>	+	+	+	+	+	—
<i>треста</i>	+	+	+	+	+	+
<i>камыш</i>	+	+	+	+	+	—
<i>рогоз</i>	—	—	+	+	—	—
<i>очерет</i>	+	+	+	+	—	—
<i>балаш</i>	+	+	—	—	—	—
<i>аир</i>	—	—	—	—	+	—
<i>сусак</i>	—	—	—	—	—	+

Названия, образующие данное микрополе, не очень многочисленны, они резко подразделяются на старую общеславянскую лексику и поздние заимствования.

... хрупкая *sitá* тут же обломилась, обнаружив нежную, белую, похожую на соты, клетчатку.

Ю. Начибин. «Погоня»

Общеславянское **sitъ*, **sita*, **sitъnikъ* — обобщающее родовое имя для пяти растений данного микрополя, иногда оно относится только к *Juncus* и *Scirpus*.

По русским говорам эта лексема выступает в следующих формах: *сѣта* (арх., приоз. Кимяг; прибалт. Немч., 294); *ситá* (пск. Якуш., 146; пск. Шейн к Д., 41; смол. Добр., 831; ряз мещ. Наг., 88); *ситняк*, *ситовник* (яросл. Якуш., 33; смол. Добр. 831; Д³ IV, 166). Даль приводит такие формы: *ситник*, *ситовник*, *сит* 'Juncus'; *сѣтник*, *ситовье*, *ситняк* 'Scirpus', *сѣтник* 'Typha'; *ситовина* 'Eleocharis'; *ситовье*, *ситовец* 'Butomus umbellatus'; *сит*, *сѣть*, *сѣтá* 'Schoenus'. (Д² IV, 189). Из памятников известны формы собирательности: *ситіе*, *ситоеіе* (Срезн. III, 360). Для слова характерно колебание в роде и в типе склонения. Та же вариантность форм и в других славянских языках: с.-хорв. *сит*, *сита* (Симон., 251, 425); словен. *sít*, *síta*. Для праславянского Фасмер восстанавливает две формы **sitъ* м. р., **sita* ж. р.

Многочисленные индоевропейские связи показывают, что в основе этого названия лежит корень **sei-*, **si-* в значении 'плести, связывать'³⁸. Ср. лит. *siētas*, *saĩtas* 'веревка', *siēti* 'связывать', общегерм. **sib-i(n)*, **sib-a-n* 'сито', др.-исл. *sef* 'осока'. В славянских языках к тому же корню относятся *сѣть* и *сило* (из **soi-ti-* и **sei-dlo*). Все эти слова с первоначальным значением 'плетенка'.

Любопытно, что, кроме значения 'плести', ряд производных и, по-видимому, родственных слов отражает значение 'рубить, раздирать'. Ср. *сѣтовать* 'делать просеки на границе леса, отведенного для порубки' (свердл. Голуб., 315), *сѣтаться* 'трескаться' (арх. Оп., 225); *сѣтовик* 'гриб-моховик, с растрескавшейся шляпкой'.

³⁸ J. P o k o r n y. Указ. соч., стр. 891; K. M ü l e n b a c h a Latviešu valodas vārdnīca. Rīga, 1923, стр. 637, 860.

Игорь князь поскочи
горностаемъ къ тростію...

Слово о полку Игореве

В литературном языке и в значительном числе говоров слово *тростник* выступает как общее родовое название многих озерных растений, перечисленных выше, значительно реже оно является видовым названием *Phragmites communis*.

По русским говорам слово имеет следующие формы: *трестá* (яросл., рост. Якушк., 37; олон. Кул., 121; арх., онеж., шенк. Подв., 174; яросл., рост. Волоц., 93; олон. Рыбн., 378; новг., прооз. Овчин., 349; пск., твер., осташ. Доп. Оп., 720); *тростá* (новг., пск. Якушк., 147; смол. Добр., 918; прибалт. Немч., 327); *тресть* (арх. Подв., 174) *зáтресье* 'часть воды, покрытая трестю или тростником' (олон. Кул., 28); *трость* (смол. Добр., 542). Преобладающие *a*-основы в этом слове характерно главным образом для русского языка, в других славянских языках это слово относится к основам на-*i*. Возможно, что на появление формы *трестá* оказало влияние существование таких слов, как *ситá*, *рогозá*.

Укр. *трость*, *тростина*, польск. *tręćs*, чеш. *třtina* при ст.-чеш. *trest*, *trest'*; с.-хорв. *trst*; ст.-сл. *сѣрѣсть*, *трѣсть*, *тресть*. На праславянском уровне можно восстановить две формы: **trěsbъ* и **trьsbъ*. А. Соболевский предполагает, что корневое *ь* уже в праславянский период появилось на месте *ъ* в результате ассимиляции с последующим *ь*³⁰.

Родственные формы представлены в том же значении в балтийских и греческом: лит. *trušis* 'тростник', греч. *θρυσον* < **truso-m* то же.

Представляют интерес различные производные значения, возникшие у этого слова в славянских языках. Наиболее распространенное значение 'палка, посох'. В литературном языке *трость*, в большинстве говоров совпадающее по форме с названиями тростника — *трестá* (новг. Солов., 54; олон. Кул., 121; пск. Доп. Оп., 720). Те же отношения 'тростник' → 'палка' см. статью *палочник*.

³⁰ А. Соболевский. Мелкие заметки по славянской и русской фонетике.— РФВ, т. LXIV, 1910, стр. 116.

Трестю называется 'часть берда в ткацком стане' → 'часть ткани, полотнище' → 'одежда'. *Трестá* 'полотнище' (Доп. Оп., 720); *однотрéстина* 'толстый холст для мешков' (Оп., 138); о юбке: «ýска треста-то, смотри» (арх., приоз. Кимяг). Первое из этих значений, вероятно, довольно древнее, ср. лит. *strustis* 'тростниковый зубец берда'.

В форме *трестá* слово выступает еще в русских говорах в значении 'льняная солома, нематый лен' (сталингр., ново-анн. Орл., 324; киров. Овчин., 189). Любопытна аналогичная семантическая модель 'тростник' → 'солома' в отношениях греч. *κλῆμος* 'тростник' и соответствующего ему в славянских языках **solma* 'солома'.

Производный от слов *трость*, *тресть* глагол *тростить*, *трестить* имеет два противоположных значения. С одной стороны, 'дробить, расщеплять на части', с другой, 'вить, свивать, сплетать'. Ср. *тростить* 'крутить, скручивать', *тростить веревку* 'вить, свивать' (Д³ IV, 847), *трещить* то же (пск., твер. Доп. Оп., 720); *трисцить* 'тростить, соединять две и более нити для сучения' (блр. Носов., 640) и блр. *трйсцить* 'ломать что слоистое': «Трисцить, потрисцить палку»; *растрысцить* 'раздробить на мелкие части' (смол. Добр., 786), *потрысцить* 'пощепать, поломать на мелкие части': «Баба потрыстила сабе руки нб малину» (смол. Добр., 688). Фасмер склонен рассматривать второе значение как самостоятельный глагол со своей этимологией, но думается, что это неправомерно⁴⁰. На самом деле здесь наблюдается совмещение антонимичных значений в одном слове, отражающих реальную двойственность одного процесса: разделение на части и плетение.

о черет

Для русского языка это слово периферийно и, несомненно, отражает влияние соседних языков. *Очерет* (кур., судж. Доп. Оп., 170), тогда как в украинском это одно из основных названий тростника *черет*, *очерет* (Мак., 266); блр. *чарот* 'тростник', *чаротны* 'тростниковый'⁴¹, польск. обл. *oczeret* 'заросли камыша, тростника'. Территория распространения слова охватывает довольно

⁴⁰ Васмер. REW, III, стр. 141.

⁴¹ М. Байкоў і С. Некрашэвіч. Беларуска-расійскі слоўнік. Менск, 1925, стр. 343.

постоянную триаду для многих названий растений: украинский, белорусский, польский.

Фасмер восстанавливает для праславянского два варианта *čertъ, *občertъ и связывает их с такими словами, как чертить, черта, чертеж 'резать, нарезка, зарубка' ⁴². Шарпантье склонен сближать слав. *čertъ, *občertъ с др.-инд. kṛnātti 'прядет, сучит нитку', cṛtāti 'связывает, скрепляет', греч. κάρταλος 'корзина', κόρτος 'тростниковая плетенка', др.-ирл. curchas 'тростник' ⁴³; иными словами, один возводит славянское слово к и.-е. *ker- 'резать', другой — к и.-е. *ker- 'плести'. О. Н. Трубачев, подробно разбирая терминологию плетения, считает, что в данном случае происходит нейтрализация противопоставления двух основ. «Это дает нам право видеть в таких парах единство исходной лексемы, рассматривая парные основы I и II на уровне вариантов», — пишет он ⁴⁴. Эту мысль он подтверждает обширным индоевропейским материалом: «*del-I 'раскалывать, резать, искусно высекать, отесывать'; *del-II 'плести, вить'; *derbh-I 'раздирать, дергать, чесать'; *derbh-II 'вить, скручивать, плести'; *ker-I 'резать'; *ker-II 'крутить, скручивать, сплетать'; *plek-I 'бить, рвать, драть'; *plek-II 'плести, свивать'; *tek's-I 'тесать, рубить, ломать'; *tek's-II 'плести, ткать'; *wedh-I 'толкать, бить, раскалывать'; *wedh-II 'завязывать, связывать'; *wi-I 'разделять надвое, пополам'; *wi-II 'крутить, гнуть, вить'» ⁴⁵.

Думается, что тенденция такого параллелизма значений продолжала действовать и в отдельных славянских языках, см. приведенный выше материал на глаголы *сiтовать* и *тростить*.

рогѓз

Старое общеславянское название камыша и тростника. По русским говорам слово имеет форму мужского и женского рода: *рогѓз* (моск. Анн. Прост., 97); *рогѓзѓ* (орл. Сахар., 36; орл., дмитр. Ж. Ст. 14, 321; юж. Д² III,

⁴² Vasmer. REW, III, стр. 295.

⁴³ J. Charentier. Slavische Etymologien.— AfsIph, XXXVII, 1920, стр. 48—50.

⁴⁴ О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1965, стр. 247.

⁴⁵ О. Н. Трубачев. Указ. соч., стр. 249, 250.

98). Те же колебания в роде в других восточнославянских языках: блр. *рогоза́*, укр. *розі́з, рогоза́* (Гринч., IV, 27); польск. *rogozie*, чеш. *rakos* (из *rohaz*), с.-хорв. *рогоз*, словен. *rógóz*. На праславянском уровне слово восстанавливается как **rogozь*.

М. Фасмер, вслед за А. Брюкнером, производит слово **rogozь* от **rog-* с суффиксом **-oz*⁴⁶.

Сопоставление славянского слова с германскими названиями тростника гот. *gaus*, др.-в.-нем. *rôg* было предложено Торпом, но опровергалось Хольтхаузенем и Файстом. Ключе отказывается от этого сравнения. Тем не менее Махек возвращается к этой идее, считая слово «доиндоевропейским»⁴⁷. Мысль о связи славянского **rogozь* с балтийскими формами *rezgu, rëgsti* 'плести' высказывается в словаре Голуба и Конечного⁴⁸. Таким образом, выход за пределы славянских языков мало что разъясняет в этимологии слова.

Попытаемся разобраться в его словообразовательных и семантических связях на славянской почве. Слово *рогоза́, рáгоза́* наряду с названием растения имеет еще во всех славянских языках значение 'мочало, грубая ткань, рогожа', то же значение имеет и производное слово *рогóжа*. Ср. *рáгоза* 'мочало' (твер., осташ. Доп., Оп., 132); *рогозі́на* 'платье из грубой редкой материи' (пск., твер., осташ. Доп., Оп., 231); *рогоза́* 'рогожа' (смол. Добр., 793); *рогóзі, рогозка, рогозина, рогожа, рогожина* 'ткапь, плетенка, полсть из рогозы... или из мочал', (Д² IV, 98).

С другой стороны, главным образом в западных говорах слово *рáгоза́* выступает в иных значениях: *рогоза́* 'рогатый прут, суковатое дерево' «Яблынь растеть *рогозою*» (смол. Добр., 793); *рагоза́* 'что-либо колючее, цепляющееся' «Зъчап'іус'а зы *рыгазу* зъ какуйу-га» (смол., слоб. Иван., 122). Отсюда возникают производные значения: 'задира, сварливый, ссора, драка'; *рагоза́* 'сварливый человек' (смол., слоб., Куст., 122); *рогоза́* 'нескладица, ссора, человек неуживчивый' (смол. Добр., 793); *рáгоза* стар. 'свара, ссора, брань'; (сев., симб., пенз.) 'сварливый, неуживчивый человек'; *рáгозить* твер. 'пустословить, врать; возиться и суетиться попусту, вздорно трево-

⁴⁶ V a s m e r. REW, Bb. II, стр. 527.

⁴⁷ V. M a c h e k. Česká a slovenská jména rostlin, стр. 293.

⁴⁸ J. H o l u b. F. K o p e č n ý. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952, стр. 313.

жить' (Д² IV, 7). Развитие значений понятно: от 'развилка, рогатина' к 'тому, что зацепляет, задирает' → 'беспокойство, ссора, задира'. Таким образом, и слово *рогоза* дает семантически близкие производные к производным от *сита*, *трость*. Представление о рогозе как о развилке, рогатине кажется подтверждает его этимологические связи со словом *рог*. Ср. *рогулька*, *рогатка*, укр. *rig* 'угол', тоже 'развилка'.

Слова с суффиксом *-oz-, к которым относится слово *рогоз*, составляют небольшую группу плохо поддающихся этимологическому анализу. Несомненным кажется лишь то, что этот суффикс выступал в нескольких апофонических вариантах: *-oz- / *-ez- / *-ъz- / *-ьz-, может быть *-az-⁴⁹.

п а с о ш ь я

Слово *пáсошья* узкоместное, но оно привлекательно своей архаической структурой. Так называют *Asopus calamus*, аир осенью в русских говорах Прибалтики (прибалт. Немч., 374). Это производное с приставкой *ра-* и суффиксом *-ja* от слова *соха* 'рогатина, развилка'. Ср. с аналогичной семантикой слово *рогозá*.

⁴⁹ Привожу список слов гипотетически с этим суффиксом в русских говорах: *загозка* 'кукушка' наряду со ст.-сл. *зегзицу*, *жсго-з ъла*, *зогица*, *зог ъла* (Срезн., I, 969) позволяет восстановить праслав. **žegъza*. Арханг. *загоза* 'желчь' (арх. Оп. 61), вероятно, из **žeg-оza*, ср. *изжога*. Белорусское название сойки *карбза*, *карёза* (смол. Добр. 455), может быть, содержит суффикс **-oz-* / **-ez-* или же **-ъz-* / **-ьz-*; тоже смол. *комёзый* 'комоль' позволяет выделить суффикс *-ez*; этот же суффикс в таких словах, как *хáлез* (от *хал*), *лапёза* 'аляповатая, нескладная' (смол. Добр., 367), *лобёзка* 'повойник из ситцу или кумачу' (кал. Д² II, 261), *карёзлив* 'задирист' (смол. Добр., 455); может быть допустимо выделить суффикс *-ъz-* в *кбрзать* 'драть'. Суффикс *-ъz-* Фасмер выделяет в некоторых этимологических гнездах: русск. *хабазина* 'палка' при польск. *chabaź*, *chabiź* 'сорняк'; н.-луж. *chabže* 'кустарник'; *хáръить*, *хбрзать* 'сердиться, чваниться' из **харъz-* / **хоръz-*, может быть тот же тип образования в *гомозить*, *гомзá*, *гомзúля*, *гáмуз*. Обращает на себя внимание то, что глаголы, входящие в группу слов с этим суффиксом, семантически близки. Все они передают оттенки значения 'суетиться, двигаться, беспокоиться, болтать, шалить, приставать, задирается, ссориться, противиться': ср. *лебезить*, *ремежить*, *хáлезить*; *гомозить*, *егозить*, *рáгозить*; чеш. *choroziti*; *гбмаать*, *кбрзать*, *хбрзать*, *хáръить*, *лбзить*; создается впечатление, что они имеют и структурное сходство.

лещуга

Лещук, лещуг, лещуга — это тоже местное название двух растений: аира (*Acorus calamus*) и рогоза (*Typha*); так называют их в рязанской Мещере, по Волге, в Пензенской обл. и на Дону: «Обоюдоострые мечи лещуги резали ему кожу ладоней» (ряз., мещер. Наг., 88); *лещук* (2) (пенз., лун. Пашк., 84; доп. Мирт., 171; сарат. Моис., 63). Скорее всего это образование с экспрессивными суффиксами *-уг, -уга* от глагола *лещать, лещить*, который значит 'хлопать крыльями, биться, плескаться, раскалывать, болтать' (Д³ II, 646). Ср. сходные семантические отношения *трость — тростить*. Однокоренное слово *лещедь* значит 'шестик, жердь, камышинка, расколота на конце', а *лещедна* 'щит из соломы и жердей', *лещедни* 'двери из соломы', *лещетень* 'передвижная соломенная стена у риги'⁵⁰. Ср. то же представление о развилке в словах *рогоз, пасошья*.

палочник

Это по преимуществу название *Typha* во всех славянских языках: *палочник* (сарат. Моис., 56; сибир., кург. Анн. Прост., 97; пенз., лун. Пашк., 86); *чернопалочник* (вят. Гор., 348, 349); *напалошник* (урал. Карп., 33); укр. *ра́лка, ра́лку, ра́лошник* (Мак, 384); чеш. *raličku, palaši, palašina*; словц. *palka*, польск. *pałka*; с.-хорв. *palacka* (Mach., 303). Названо так растение за свои соцветия.

кияк

В говорах Смоленской обл. соцветия рогоза, *Typha* и само растение называются *ки́евка, ки́евник* (смол. пореч. Добр., 320). Это название свойственно белорусскому языку и означает, в первую очередь, початок, затем уже соцветие рогоза. На территории собственно русских говоров такого названия не отмечено.

На Украине среди многочисленных названий рогоза есть слово, образованное от той же основы: *ку́яху, ку́яху, ку́яшина* 'рогоз' (Мак., 383). Думается, что отмеченное в говоре уральских казаков слово *кияк* 'растение вроде камыша' (урал. Карп., 28) занесено с Украины.

⁵⁰ Г. Г. М е л ь н и ч е н к о. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961, стр. 104.

И белорусское и украинское названия рогоза образованы от слова *кий* 'палка с утолщением на конце' по сходству соцветия с такой палкой.

б а л а ш

В Старорусском р-не Новгородской обл. камыш, *Scirpus*, называют *балаш*, *балашина*, 'камышина', *балашиняк* 'заросли камыша' (новг., ст.-русс. В. М.). Этого слова нет у Даля, оно отсутствует и у Анненкова. Для этимологии оно представляет большие трудности, неясен самый основной вопрос: принадлежит ли это слово к исконной лексике или оно заимствовано.

Поддается наблюдению лишь то, что в данной местности слово это новое, что раньше это растение называлось иначе: озеро, заросшее камышом, называется *Ситнобе*, название, несомненно, образованное от слова *ситá*, но теперь это растение называется *балаш*. Бурная история Новгорода приводила к активной смене населения. «Известно, что в районе Новгорода потомки древних новгородцев давно уже отсутствуют. В г. Новгороде, кроме фамилий Дербушовых, никого не осталось из коренных жителей, кто бы мог вести свой род последовательно хотя бы от времени падения Новгорода. Наплыв суздальцев, рязанцев, муромы, шведов, литвы и даже ливонцев в Новгородскую область был очень велик...»⁵¹.

Кто же из них принес с собой это слово? Можно высказать несколько предположений, хотя ни одно из них не доказательно.

В чешском языке от распространенного названия рогоза, *Turpha*, *palka* образована форма собирательности *palaši* по типу *šaši*, а от нее путем обратного словопроизводства *palach* то же, *palašina*⁵². Можно было бы предположить, что старорусское *балаш* того же происхождения, но как объяснить несвойственную славянским языкам мену *п/б*? Это же возражение может быть выдвинуто и против производства слова *балаш* от *палаш* 'меч', как первоначальное название аира, который носит еще названия *касатик*, *сабельник*.

⁵¹ Д. К. Зеленин. О происхождении северновеликорусов Великого Новгорода. «Институт языкознания. Докл. и сообщ.», вып. VI. М., 1954, стр. 56.

⁵² V. M a c h e k. Česká a slovenská jména rostlin, стр. 303.

Оставаясь при мысли, что слово *балáш* — заимствование, можно выдвинуть третью гипотезу: оно появилось под влиянием балтийских языков. Лит. *balà, bālos*, 'болото' и 'род травы, анемон', лтш. *bala*, мн. *balas* 'топкая почва'. Подтверждением возможности таких семантических связей служит узконовгородский диалектизм *болото* 'осока' (новг., ильм. Чагищ., 305; новг., пооз. Овчин., 298) при сохранении общенародного значения слова *болото*. Может быть, балтийское слово было использовано для названия озерного растения?

Четвертая гипотеза сводится к предположению об исконном характере слова. Об этом, кажется, свидетельствует наличие топонимов *Балашов, Балашиха*. В таком случае, слово *балáш* было принесено из ярославско-вологодских говоров, где есть глагол *балáхтать* (экспрессивная форма от *болтать*) 'болтать, пахтать, бить, плескаться' (Д³ I, 107). Ср. еще *балахня* 'что очень широко, напр. армяк' (влад. АН ф. 216, № 24), т. е. 'то, что болтается'. В таком случае *балáш* с точки зрения семантической структуры аналогично названию *лещуга* от *лещить* 'бить, плескаться'.

веретельник

Это местное название камыша в б. Меленковском у. Владимирской губ. Вероятнее всего это производное от слова *веретено*. В результате морфологической аналогии *-нн->-льн-* по типу *песельник* из *песенник*, *свящельник* из *священник*, *багульник* из *багунник*⁵³. Реальные основания такому названию лежат в сходстве соцветия камыша с веретеном. Подобны типологически в.-луж. *potáč* 'камыш' при чеш., в.-луж. *potáč* 'веретено с намотанной нитью'.

Для названий этой группы характерно медленное, но активное вытеснение старых славянских названий заимствованиями из тюркских языков, такими, как *камьш*, *куга*, *чакан*, *аир*. Особенно показательны это на судьбе слова *рогоз*, которое почти вытеснено словом *камыш* не только из литературного языка, но и из большинства говоров. Экспансия идет с Украины и Поволжья.

⁵³ См.: В. А. Меркулова. Из истории названий некоторых растений. «Этимологические исследования по русскому языку», вып. III. М., 1961, стр. 17.

к а м ы ш

В Поволжье и на Украине *камышом* называют *Scirpus*, который и в научной литературе носит название *камыш*, и реже тростник, *Phragmites*; в среднерусских и южнорусских говорах *камышом* называют рогоз, *Typha*. (Анн. Прост., 85; смол. Добр., 310; пенз. лун. Пашк., 84; самар. Песн., 178; стал. ново-анн. Орл., 389; дон Мирт., 129). Слово *камыш* — общетюркское.

Наличие единой фонетической формы этого слова в восточнославянских языках позволяет отнести это слово к древним тюркизмам, к заимствованиям из общетюркского источника. *Камыш* (алт., телеут., чулым., казан., крым., куман., осм.) ‘*das Schilf, Rohr*’. (Радлов, II, 487—488). В тюркских языках словом *камыш* называется целая группа озерных растений.

ч а к а н

Чакан, чакон — южнорусское и поволжское название рогоза, *Typha*; чаще всего так называют початки, но иногда и все растение (сталингр. Серг., 17; сарат. Адлив., 529; грозн. Бенск., 233; Доп. Оп., 254; рост., ром. Рожк., 65), в украинском *чакан* то же (Мак., 384). В основе заимствования лежит чувашское название рогоза — *чакан*⁵⁴.

к у г а

Кугбю называют несколько растений *Typha*, *Scirpus*, *Juncus*, иногда так называют только листья *Typha*. Слово это распространено широко, оно охватывает большую часть южнорусских областей, Украину, Поволжье, Урал: (дон., кур. Оп., 95; чкал. Моис., 63; стал. ново-анн. Орл., 387; курск. Робуш., астрах. Серг., 329; куйб., богат. Ухмыл., 343; урал. Карп., 33; ворон. Анн Пр., 85; Д³ II, 541; Мак., 384; южн. тамб., дон., кур., орл., ряз. Шейн к Д., 23). Так же, как и *камыш*, это слово заимствовано из тюркских языков: киргиз. *кога*; казах., шор. *коҗа* ‘тростник, камыш’ (Vasmer I, 680).

⁵⁴ В а с м е т. REW, III, стр. 299; Н. А ш м а р и н. Словарь чувашского языка, вып. XV. Чебоксары, 1941, стр. 130.

а и р

... И душистый гнет он *аир*,
Стебли длинные купавок
Рвет сверкающим веслом...

А. Толстой. Алеша Попович

Но во времена Алеша Поповича *aira* не было в нашей стране. Это растение в XV в. завезли из Индии в Португалию, и оттуда оно распространилось по всей Европе. Русскими оно было названо за мечевидные листья *сабельником*, *касатиком* или же называлось так же, как и другие растения озер и болот. В южных говорах прижилось украинское название этого растения, полученное в свою очередь из османско-турецкого. Турец. *âgir* — заимствование из греч. *ἄχωρος*. В Травнике Любчанина (1934) *Salamus aromaticus* называется *игирь*, слово, возможно, отражающее один из вариантов освоения заимствования. На Украине число таких вариантов очень велико: *ahyr, ajir, ajer, hajir, hajvir, habar, ir, irnyk, jar, javer, javir, javor, jir, jor* (Мак., 6); блр. *яер, явер*; русск. *ир, аир* (кур. Вержб., 419), *ир* (тобол. Скал., 10), *жаер* (орл. Кард. II, 339), *майер* (орл. Тургенев «Льгов»). У Тургенева *майером* называется тростник. Для белорусского и украинского языков характерно развитие протезы *j* и *γ* при освоении этого заимствования, развитие же начальных *ж*, *м* в орловских говорах выглядит несколько странно, нет ли тут ошибки при записи? (Бодуэн де Куртене считает приведенный у Даля пример *жаер* опечаткой). Форма *ир* — результат сокращения при условиях ударения на втором слоге *аир*.

с у с а к

Я сорвал береговой цветок
с грубым названием *сусак*

Паустовский.
Во глубине России

В то же время возможно, что это «грубое» слово значит 'цветок'. *Сусаком* называют только *Butomus umbellatus*: русск. *сусак* (дон. Мирт., 402), *сусаток* (Анн., Б. сл., 498; Д³ IV, 644); укр. *сусак* (Мак., 67); блр. *сусок* (Анн. Прост., 74). Вероятнее всего, что в основе этого слова лежит тюркский элемент, в этом же смысле высказывается и Анненков. Но ни у Радлова, ни в других словарях

тюркских языков такого названия нет. В русских говорах *Butomus umbellatus* наряду с другими растениями называются *ситник*, *ситовник*, *ситовец*, *ситный цвет* (Д³ IV, 644). Но в отличие от других озерных растений сусак цветет красивыми розовыми цветами, за что в научной литературе он получил название *juncus floridus*, давшее такие кальки, как нем. *Blühende Binsen*, фр. *jonc-fleuri*, польск. *sit kwitnący*, русск. *цветущий ситник*. В башкирской научной литературе этот термин калькируется как *səsäklä qatış*. Корень *səskə* в башкирском значит 'цвести', 'цветок'; чуваш. *çeçke* 'цветок'; тат. *səsək* то же. Возможно, что в качестве названия для цветущего ситника было заимствовано слово со значением 'цветок' через посредство восточнофинских языков, ср. мар. *sasak* 'цветок'.

ка р ж л а

В говорах б. Олонецкой губ. тростник называется *кържла*, *гәжла* (олон. Кул., 34). Калима выводит эти формы из олон. *kažlu*, *kažl'a* 'тростник', карел. *kažla*, *kašla*, *kaišla* то же ⁵⁵.

х а н ь г а

Подвысоцким записано в Архангельской обл. название тростника *ханьга* (арх. Подв., 182). Я. Калима приводит в связи с этим камчатские *у́ханьга*, *яханга*, *яхангá* и сравнивает с мансийским *х.агх* 'осока' ⁵⁶.

п р а с т е ч к и

Записанное Г. Куликовским в б. Олонецкой губ. название Турһа *п́растечки* (олон. Кул., 92), судя по форме, полонизм. Ср. польск. *prastka* 'хвоц'. Такое заимствование не должно вызывать удивления, т. к. полонизмы в лексике олонецких говоров составляют значительный процент, ср. такие откровенно польские формы, как *блядый*, *п́ятать* и др. В основе рассматриваемого названия лежит тот же образ, что и в названии рогоза *веретельник*: сходство соцветий с веретеном.

⁵⁵ J. Kalima. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919, стр. 107.

⁵⁶ V a s m e r. REW, III, стр. 230.

Завершая обзор названий, входящих в третью группу, хочется остановиться на некоторых словообразовательных и семантических моментах, свойственных всей группе в целом. Для названий этой группы характерно наряду с основным опорным словом образование форм с суфф. *-ина* для обозначения одного растения и форм собирательности с суффиксами: *-ье, -овье, -ник, -няк* для обозначения зарослей. Ср. *ситина, ситовина, рогозина, трестина, тростина, очеретина, балашина, лабазина, камышина*; укр. *кужашина* и *ситье, ситовье, ситник, ситняк, трестье, тростье, тростник, балашняк*.

Для данной группы характерно несколько устойчивых семантических моделей, из которых наиболее часто воспроизводится модель 'раздирать — плести' → 'название растения, употребляемого для плетения', иногда 'нечто расщепленное, развилка' → 'название растения'.

	'расщеплять — плести' 'нечто расщепленное'	'растение, употребляемое для плетения'	'нечто сплетенное'
и.-е. * <i>sei-</i> , * <i>si-</i>		прасл. * <i>sitъ</i> , * <i>sita</i>	лит. <i>saĩtas</i>
лит. <i>saistyti</i>			прасл. * <i>sidlo</i> , * <i>sěť</i>
и.-е. * <i>ned-</i> , * <i>nod-</i>		др.-инд. <i>nadá-h</i>	
		лит. <i>néndrė</i>	
и.-е. * <i>ker-</i>		праслав. * <i>čertъ</i>	греч. <i>χαρταλος, κέρτος</i>
др.-инд. <i>kṛnatti</i> , <i>cṛtati</i>			
русск., блр. <i>тростить</i>		слав. * <i>trьsta</i>	русск. <i>треста</i>
праслав. * <i>rogъ</i> , * <i>rogozъ</i>		праслав. * <i>rogozъ</i>	праслав. * <i>rogoza</i> , * <i>rogoža</i>
русск. <i>соха</i>		русск. <i>пасошья</i>	
русск. <i>лециуть</i>		русск. <i>лецук</i> , <i>лецуга</i>	русск. <i>лещедна</i> , <i>лещеть</i>
и.-е. * <i>bhendh-</i>		нем. <i>Binse</i>	

Выход за рамки ботанической терминологии подключает названия растений этой группы к терминологии плетения и ткачества, побочные значения для слова *треста*, например: 'бердо'; 'часть ткани, ткань'; 'изделие из ткани'.

Повторяющиеся отношения: 'палка, трость' и 'название растения'; 'растение' → 'солома'.
 Ср.: палка — палочник; кий — киевка; трость — трост.

4 группа

Растения семейства зонтичных столь своеобразны по своему внешнему виду, что они обычно не смешиваются с представителями других семейств. Значительную группу в этом семействе составляют старые культурные растения, такие, как морковь, укроп, петрушка, анис, тмин. Наличие в семействе культурных растений обычно находит активное отражение в номенклатуре дикорастущих растений того же семейства. Названия культурных растений служат своеобразным источником для таких наименований по принципу контраста: *морковь* — *дикая морковь*, *морковник*; *петрушка* — *дикая петрушка*, *собачья петрушка* и т. д. Та же самая картина в семействе крестоцветных, бобовых и лилейных (см. соответствующие группы названий). То, что борщ, *Heracleum*, был культурным растением, отражено в таком противопоставлении, как *пучки* — *собачьи пучки*. Значительная группа дикорастущих зонтичных растений издавна употреблялась в пищу, часть из них даже разводилась в искусственных условиях. Названия дикорастущих съедобных растений этого семейства немногочисленны, устойчивы по говорам, составляют компактную группу. *Дягиль*, *снить*, *борщ* — вот те названия, которые, являясь основными элементами

Таблица 3

	'Angelica'	'Aegopodium'	'Anthriscus'	'Heracleum'	'Chaerophyllum'
<i>дягиль</i>	+	+	—	+	—
<i>дудка</i>	+	+	+	+	—
<i>бугиль</i>	—	—	+	—	—
<i>снить</i>	+	+	+	+	—
<i>борщ</i>	—	+	—	+	—
<i>пикан</i>	—	—	—	+	—
<i>купырь</i>	+	—	+	—	+
<i>пучка</i>	+	—	—	+	—

данного микрополя, путем незначительных перемещений образуют всю его сложную картину во всех говорах. Общая схема микрополя изображена на табл. 3.

Единственная точка перекрещивания с другим полем — названия, объединяющие два растения, борщ (*Heracleum*) и щавель (*Rumex*).

д я г и л ь

В русских говорах называют *дягилем*, не различая, растения *Angelica silvestris* L. и *Angelica archangelica* Hoffm, иногда еще *Aegopodium podagraria* L. и *Heracleum sibiricum*.

Словообразовательные формы этого слова по говорам очень многообразны: *дягил*, (Р. п.) *дягля*, *дягли* (ряз. Гриш., 211); (кург. Скалоз., 14); *дягильница*, *дягльвник* (дон. Мирт., 382); *дигель* (вят. Васн., 57); *дегель* (пенз. (Зелеп., 352). Основные варианты *дягил* — *дягиль* — *дигель* — *дегель*.

В говорах Ярославской и Вятской обл. и в говорах Сибири *Angelica* получает название *дидель* (результат ассимиляции из *дигель*): *дидилья* (мн.) (яросл. Русин. 19; Доп. Яросл., 105; тобол. Скалоз., 14); *дедюльки* (вят. Зелен., 41, 47; арх. Д. I, 425). Процесс регрессивной ассимиляции в этом слове отражен в тех же вятских говорах *гйгель* <*дигель* (вят. Гор., 250; вят. Проз., 13).

По русским говорам слово *дягиль* бытует главным образом в северных, северо-восточных областях и Сибири.

Памятники письменности отражают ту же вариантность форм, что и говоры: *дягиль*, *дягилья*, *дигилья*, *дягель*; наиболее употребительная форма *дягиль*⁵⁷. В качестве имени *Дягиль* (если оно происходит от названия растения) встречается с конца XV в. от. Олонецкого края до Смоленска⁵⁸.

⁵⁷ Тверская летопись (рукопись СПб. Публ. библ., 4° VI.29), л. 358; Роспись травам ко всякому лечению, где которая растеть (рукопись конца XVII в. Моск. ист. муз., из собр. Щук. 285/292), стр. 185; Собрание писем Алексея Михайловича. М., 1856, стр. 52; Акты исторические (1643—1645), т. I. СПб., 1841, стр. 480; Лечебник № 1 (1763), л. 120 (Картотека ДРС № 42); Картотека РГО, ф. 250, № 22 (рукопись XVIII в.); Писцовая книга Обонежской пятины (под 1500 г.), 2-й Московской описи. Киев, 1910, стр. 85.

⁵⁸ Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен (под 1495 г., 1539 г., 1593 г.) «Записки Отд. русск. и слав. археолог. русск. археолог. об-ва», т. VI, СПб., 1903, стр. 197, 598.

Слово *дягиль* распространено во всех восточнославянских и западнославянских языках: укр. *d'ahel, d'ahlyca, d'ahyl, dehel, dehil'* (Мак., 31); блр. *дзягиль*; чеш. *děhel, děhyl*; в.-луж. *dzehel*; польск. *dzięgiel*.

Многие этимологи (Брюкнер, Махек, Славский, Пизани) склонны считать это слово заимствованием из ниж.-нем. *de engil* от лат. *angelica*. Кажется, несколько противоречит этому довольно ранняя фиксация слова в русских памятниках (конец XIV в.), его география по говорам (северо-восток, тогда как заимствования из польского охватывают обычно Украину и южнорусские говоры) и форма слова *дягиль* — позднее заимствование из польского должно было бы дать **денгель* (ср. *вензель*).

Кажется более привлекательной мысль Фасмера об исконно славянском происхождении этого слова: *дягиль* из **degyľ* или **deglь* от корня **deг-* 'здороветь, быть сильным', т. к. дягиль издавна употреблялся как тонизирующее средство⁵⁹. Ср. *дьягнуть* 'полнеть, здороветь, поправляться' (арх. белом. Федор., 45).

б о р щ

Являясь одним из названий зонтичных съедобных растений, слово *борщ* относится по преимуществу к *Heracleum sibiricum*. Несомненно праславянское по своему происхождению, это слово ограничено лишь двумя северными группами славянских языков и словенским. В пределах восточнославянских языков в историческое время возникла семантическая триада: *борщ* — 'название растения со съедобной зеленью' → 'зелень, ботва вообще у разных съедобных растений' — 'суп из зелени, ботвы, главным образом из свеклы'. Лишь последнее значение закрепилось в русском литературном языке, но говоры отражают всю картину развития. Ср. *борщ* '*Heracleum sibiricum*' (киров., медян. Гор., 240; казан. Булич., 13; арх., печор. Ивашк., 98; арх., виногр., В. М.; ворон. Листр. 33; Д I, 118); *борщовки* 'ствол борщевника' (казан. Оп., 13); в Травнике Любчанина бранка урсина — *борщ огородный*.

В значении 'ботва' это слово выступает в севернорусских говорах: «*борш* у бр'у́квы, у с'в'о́клы, у турь'ёпса

⁵⁹ V a s m e r. REW, I., стр. 387.

такој жа борш» (арх., белом. Федор., 10), тогда как южные говоры и значительная часть говоров украинского языка представляют уже позднее состояние.

По славянским языкам слово не имеет формальных вариантов: русск. борщ, укр. борщ, польск. barszcz, чеш. bršť, словен. bršč, праславянская форма реконструируется как *bъrščь.

Этапы формального развития представлены у Преображенского и М. Фасмера следующим образом: *bhъstio > *bъrstjo > *bъrščь — «растение названо так из-за острых листьев»⁶⁰. Не вызывает никакого сомнения если и не обязательность, то возможность такого развития формы, но она вступает в резкое противоречие с обоснованием развития значения. В основу названия борщевника, да и других зонтичных не мог быть положен признак 'острый, колючий', так как листья у борщевника мягкие и по сравнению с другими растениями этого семейства не отличаются большой перистостью.

Это растение, как и ряд других зонтичных растений, издавна употреблялось как съедобное, поэтому правдоподобнее мысль Махека о том, что оно было названо по своим вкусовым свойствам 'кислым'. Махек восстанавливает основу *bъrsk- и сопоставляет с чеш. (o) břesk, польск. obrzazg, словц. zbrzga sa mlieko 'молоко скисло'⁶¹. Основа *bh(e)reu-: *bh(e)rǫ- (Роконь, 144—145) как обозначение кислого, горького, прокисшего представлена и в других индоевропейских языках, ср.: норв. brisk 'горечь', арм. bark 'кислый, острый', балтийские названия тоже зонтичного, но ядовитого горького растения — *Conium maculatum* — лтш. burkšis, burksnis. В русском языке названия *Conium* совмещаются со значениями 'пересол, горечь, яд'⁶².

На славянской почве этот корень отражен в формах *bъrsk-, *broisk-. Первый вариант с различной вокализацией плавного дал праславянское *bъrščь 'кислое растение' и *brъzgati 'киснуть', второй *brězgati 'киснуть'. Наряду с этими формами, отраженными в памятниках: обрѣзнути, обрѣзнути 'прокиснуть' (Срезн., II, 553),

⁶⁰ М. V а s m e r. REW, I, стр. 110—111.

⁶¹ V. M а c h e k. Указ. соч., стр. 165.

⁶² См.: В. А. М е р к у л о в а. Из истории названий некоторых растений. «Этимологические исследования по русскому языку», вып. III. М., 1961.

возникли формы с носовым инфиксом, возможно поддержанные усилением экспрессивности значения: **bręzgnęti* и **br'ozgnęti*. Обе последние формы тоже обозначают действие окисления, брожения, порчи и т. д.: укр. *брезклий* 'сырой'; *збрэзкнути* 'обрюзгнуть', 'сделаться водянистым, покрыться слизью' (о квашении и пр.) (Гринч. I, 96; II, 8); *бреск* 'вологість, плісьнь'⁶³; словен. *brjuzga* 'таящий снег на улице'; русск. *брюзгнуть* 'опухать, делаться водянистым', *брезгá* 'разная дрянь' (пск., порх. Доп. Оп., 12); болг. *бръждя* 'прогоркнуть'.

Любопытно, что те же значения отражены и в формах с другим расширителем *k*. Ср. русск. *брюкнуть* 'мокнуть, киснуть' (ряз. Оп., 16), *брякнуть* 'набухать, расширяться от сырости или влаги' (прибалт. Немч., 37).

Вариантность форм на праславянском уровне такова: **bъršćь* (<**bъrskjo-*), **brъzg-*, **brězg-*, **bręzg-*, **brōzg-*, **bręk-*, **brōk-*.

Разграничение, отделение этих форм друг от друга представляется неправомерным ввиду общности или чрезвычайной близости, перекрещиваемости значений и одновременно близости и взаимосвязанности форм. Название **bъršćь*, на наш взгляд, правоммерно и строго входит в этот довольно обширный ряд⁶⁴.

с н и т ь

По говорам снитью называют различные съедобные зонтичные растения (*Angelica*, *Heracleum*, *Anthriscus*), но чаще всего *Aegorodium podagraria* L.

Распространение слова ограничено восточнославянскими языками, где оно существует в следующих формах: *снить* (арх. Подв., 160); *снить*, *снитьва* (казан., Бул., 326); *снитька* (брян. Тихан., 82; яросл., рост. Волоц., 86; яросл. Мельн., 188; кур. Халан., 374); *снить* (твер. Пупар., № 34); *сньдка* (смол. Добр., 853); *снитька* (кур. Машк., 14; ворон. Малах., 211; тул. Толстой); укр. *snitka*, *snyt*, *snyt'*, *snytka* (Мак., 8); блр. *снитька*, *шнитька*.

⁶³ М. И. О н и ш к е в и ч. Словник бойківського діалекту, стр. 47 (рукопись).

⁶⁴ Мне кажется, что непосредственно от *брезгнуть* 'киснуть' возникло *брезгать* 'гнушаться'. Переход значений вполне закономерен. Ср. при *мбзгнуть* 'гнить' — арх.: «Не помозгуешь?» («Не побрезгуешь?») (арх., виногр. В. М.).

Основной формой для русского языка следует признать *снить* и производную *снитка*, представленную в подавляющем большинстве говоров. Форма *снитка*, характерная для части южнорусских говоров, может быть объяснена влиянием соседних украинских диалектов. В украинском наиболее распространенной является форма *snitka*. В белорусском литературном языке и значительной части говоров это слово отсутствует, оно отмечено в словаре Носовича без указания места; вполне возможно, что оно встречается в смешанных украинско-белорусских говорах, чем определяется рефлекс основного гласного.

Анализ русского диалектного материала позволяет предположить две первоначальные формы **sněť* и **snitъ*. Если ограничиться первой, то остаются неясны южнорусские формы, указывающие на исконное *i*. В такой же степени двусмысленны и украинские данные: *snitka* предполагает **sněťka*, а *snyt* может быть как из **sněť* (например, в закарпатских и буковинских говорах, где этимологическое *ě* местами передается как *u*), так и из **snitъ*. Таким образом, приходится признать для восточнославянских языков две возможные реконструкции **sněť*/**snitъ* с очень четким значением 'съедобное зонтичное растение'.

Обычно этимология восточнославянского слова сводится к сопоставлению его с западнославянским и южнославянским **sněť* 'растение головня'⁶⁵. Формальных возражений против такого сопоставления быть не может, но семантическая сторона такой этимологии оставляет желать лучшего. Несмотря на кажущуюся сумбурность и многозначность народной ботанической терминологии, она подчинена очень строгим законам. Переносы значений возможны только в пределах семантического поля и смежных или перекрещивающихся с ним полей. Мы уже видели, что семантическое поле названий зонтичных растений исключительно замкнуто, выходы за его пределы ограничены только названиями щавеля. Анализ всех элементов, входящих в данное микрополе, позволяет выделить несколько признаков, но один из них обладает наибольшей повторяемостью: 'стебель, ствол' → 'зонтичное растение'. Частота использования этого признака оправдана яркими внешними особенностями растений: это высокие крупнотравяные растения с большим пустотелым стеблем, резко

⁶⁵ V a s m e r. REW, II, стр. 681.

выделяющиеся на фоне других трав. В ряде западнорусских говоров эти растения носят названия *ствол*, *стволья* (см. соответствующую статью). На материале восточнославянских языков мы не имеем для слова *снить* родственных форм, но в западнославянских языках широко распространено однокоренное слово со значением 'ствол, ветка'. Ср. чеш. *snět* 'ветвь', *snět* 'срубленное и нераспиленное дерево', *snítek*, *snítka* 'колода'; словц. диал. *snět* 'ствол дерева'; словц. *sneto* 'ветвь'; польск. *śniat* 'ствол дерева' (XVII в.); укр. закарп. *snit*, *snita* 'колода' (украинские формы могли появиться под словацким влиянием).

Таким образом, празападнославянское **sněť* 'ствол, ветвь' представляет один компонент семантической связи, тогда как восточнославянское **sněť*/**snitь* 'зонтичное растение' — ее второй компонент. Для восточнославянских языков необходимо предположить утрату словом *снить* первичного значения 'ствол'.

Оба слова, различающиеся лишь типом склонения, **sněť* и **sněť* восходят к **snoit-*, соотносимым со **sneit-* 'резать'; ср. гот. *sneiþan*; ср.-в.-нем. *snīdan* (современное *schneiden* 'резать'); др.-исл. *sneid* 'отрезанный кусок', *sneis* 'отрезанная ветвь'⁶⁶. Вариант **snitь* может восходить к более поздней неапофонической форме, производной от той же основы.

Что касается названия растения головни (*Urgo segetum* L.), то оно имеет совершенно независимую этимологию и свою географию распространения. Праславянское **sněť* 'головня' представлено в южнославянских, западнославянских и украинском языках; чеш. *snět'*, *snět*; словц. *sned*; польск. *śnieć*; в.-луж. *sněc*, *snječ*; н.-луж. *sněś*; укр. *снитиця*, *снимій*, *снить*; словен. *smetljaj*; с.-хорв. *снијет*. По мнению Махека, все эти формы связаны с чешским глаголом *nítiti*⁶⁷. Семантические отношения очень логичны: 'разжечь огонь' → 'обожженное полено, головня' → 'растение головня'. Ср. этимологически того же корня прусск. *knaistis* 'головня'. Обширное гнездо слов, производных от глагола **gnětiti* и его вариантов (ср. любопытное прапольск. **kněť* 'мать-и-мачеха'), имеет само-

⁶⁶ V. M a s h e k. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957, стр. 461 (автор говорит только о западнославянском слове).

⁶⁷ V. M a s h e k. Указ. соч., стр. 461—462.

стоятельную историю и совершенно не связано с русским *снить* 'Aegorodium podagraria'. Праслав. **snětz* **sněť* 'растение головня' и праслав. **snětz*, **sněť* 'ствол', 'зонтичное растение' — омонимы, различные по происхождению и географическому ареалу ⁶⁸.

к у н ы р ь

Географические границы слова *купырь* — русские говоры к югу и востоку от Москвы и говоры Поволжья (дон. Мирт., 161; сарат. Моис., 64; ворон. Листр., 35; рост. Рожк., 34; Д II, 221; Анн. Прост., 17). Слово выступает как название целого ряда растений семейства зонтичных, в первую очередь *Anthriscus silvestris* L.

Членение слова на морфемы может быть проведено следующим образом: *куп-* — корень, *-ырь* — суффикс (ср. *пупырь*, *волдырь*, *мизгирь* и др.). Идентификация корня без обращения к реальным свойствам растения представляется затруднительной. В ряде говоров *Anthriscus silvestris* носит названия, характеризующие его как пахучее растение: Ср. *волючка* (Анн. Б. сл. 40), *волявка* (удм., карс. Бараш., 271), «*купырь*'и как марквѧ, а с'в'ѣрху ван'уч'ии» (сарат. Моис., 64).

Если предположить, что и в данном случае растение названо по этой особенности, то становится возможным сопоставление корня *куп-* с лит. *kvėpėti* 'пахнуть', *kvapas* 'запах'.

Слова с корнем **кѡ̅р-*, **кѡ̅р-*, **кѡ̅р-* в значении 'запах, чад' довольно многочисленны в индоевропейских языках, но наиболее последовательно представлены в балтийских. Думается, что славянские языки, кроме общепризнанных *копоть*, *коптить*, тоже могут дать значительный материал. Ср. названия пахучих и медоносных растений *копёр* 'укроп' (из **коръ*), *кипрей* (из **куръь*) ⁶⁹ и анализируемое в этой статье *купырь* (из **кируъ* или **киръ*).

⁶⁸ Примером аналогичных омонимичных форм могут служить слова *жаровый* 'раскаленный' и *жаровый* 'высокий, стройный' (см.: В. А. Меркулова. Слав. **žab-*; праслав. **žarovъь* 'высокий, прямой'. «Этимология. Исследования по русскому и другим языкам». М., 1963, стр. 78—80).

⁶⁹ Глагол *кипеть*, судя по некоторым примерам, мог значить 'пахнуть'. Ср. «м 8 ро благовонно кыпить нам» (Срезн. II, 1418. Мин. — 1096 г.). Мысль о возможности такого значения высказал еще Погодин (РФВ, т. XXXII, 1895, стр. 330).

Вариант суффикса *-yľь, -yрь* может быть вторичного и позднейшего происхождения из первоначальных *-ľь, -рь* и отражает вокализацию сочетания согласного с главным с позиционной долготой в ударном слоге. Если это так, то в словах *копер, кипрей, купырь* — единое суффиксальное оформление при единстве производящего гнезда. Возможно предположение и об этимологическом гласном *o* в корне слова *купырь*, мена *o > y* возможна в предупредительном слоге, ср. *будыль < бодыль*.

б е д р е н е ц

Лекарственное зонтичное растение *Pimpinella saxifraga* носит в славянских языках название *бедренец*: укр. *bedryńeć, bedryč*; блр. *bedrinec*; польск. *biedrzeniec, biedrznik*; чеш. *bedrník*; словен. *bedrńac, będrnik*; с.-хорв. *będrinac, bedrenik*. В русском языке наряду со словом *бедренец* существует в архангельских говорах название тоже зонтичного съедобного лекарственного растения *Angelica archangelica* — *бадрянка* (арх. Подв., 8), *бадрѳнка* (арх., холм. Гранд., 89) и в костромских говорах *бадровь* то же (костр. Азарх).

Так как оба растения обладают тонизирующими свойствами и с древних времен употреблялись как лекарственные, естественно связать праслав. **bedrьньсь* с корнем **bedr-* 'сила, здоровье, бодрость'⁷⁰. Ср. ст.-сл. *бедрьнь* (может быть, сюда же русск. диал. *сбедрить, сбердить*, 'одолеть, победить, справиться с кем' новг., олон., пск. Оп., 198), общеслав. **bьdrь*.

С последней формой могут быть сближены русск. диал. *бадрянка, бадровь, бадрѳнка*. Слово *бадровь* продолжает одну из форм основ на *-ь* типа **bьdry-, -ьve*, ср. аналогичные образования *морковь, свекровь*.

Бадрянка — производное от диал. арх. *бодреный, бодряный* 'бодрый, кренкий, дюжий, дебелый, здоровый на вид' (Д³ I, 106) с суффиксом *-к(а)* и переносом ударения на первый слог (тенденция, характерная для архангельских говоров). Восстановление неэтимологической глас-

⁷⁰ См. обширную статью об отражениях п.-е. **bhedr-* в славянских языках: Ногасе G. L u n t II. Old Church Slavonic *bedrьno*. «Language», 29, 1953, № 2.

ной под ударением при первоначальном безударном положении — явление не единичное. Развитие шло, вероятно, таким образом: *бодрян-ой* > *бодрян* + *ка* > *ба́дрянка*.

дудка

В большинстве русских говоров *дудкой* называют стебли трав, главным образом полые стебли: «Когда *дутка* остар'ёжт — скотина ево не ест» (арх., беломор. Федор., 45).

В связи с тем, что многие зонтичные растения имеют высокие полые стебли, их называют *дудками*. *Дудка*, *дудки*, *дудошник* (название кустов), *сладкие дудки* (олон. Кул., 108; арх., приоз. Кимяг.; тверск., болог., удом. Строг., 56; курск. Кардаш. II, 324). В ряде северных говоров и Сибири это *дудель*, мн. *дудли* (волог., никол., тотем. Потан., 232; арх. красноб. В. М.), *дудельник* (тобол. Сколоз., 14); *дудорник* (удмурт. Бараш, 276; 365). В украинском языке целый ряд зонтичных растений называется *дудва́*, *-ви*, *дудла* (Гринч. I, 453). Характерно, что звукоподражательные основы получают как правило сонантный расширитель: *-в-*, *-л-*, *-р-*.

Куликовский в своем словаре приводит слово *трубошник* 'название какого-то растения' (олон. Кул., 121). Вероятнее всего, это дягиль.

стволья

В западных говорах (Смоленская, Псковская, Тверская обл.) дягиль называют *ствол*, *стволья* (калин., стариц. Фрол., 65; калин., болог., удом. Строг., 56). Семантические аналогии этому названию есть и в других языках, ср. нем. *Stengel*, *Tuten*.

будыль

Будыль, *будылька* как одно из названий купыря (*Anthriscus silvestris*) приводит Даль (Д I, 137). В южных говорах так называют стебли крупноствольных трав вообще. Здесь, как и в предыдущих случаях, растения называются просто стеблями.

пучка

Значительную часть названий зонтичных растений составляют заимствования. Они охватывают периферийные области Европейской части России и Сибири, где активно вытесняют исконные славянские названия. Одно из них *пучка* получило значительное распространение: Архангельская, Пермская, Кировская, б. Олонецкая, Костромская, Оренбургская обл. и Сибирь (арх., красnob. В. М.; свердл. Глазыр., 70; арх., холм. пинеж., мезен. Подв., 143; перм., чусов. Каюр., 321; арх., белом. Мих., 82; арх., оренб., камч., сибир. Оп., 184; арх. Гранд., 257; том. Семен., 498; оренб. Сунгур., 48). Появление этого слова связано с наличием мощного финского субстрата в этих областях; в значительном числе финских языков близким по звучанию словом называют съедобные зонтичные растения.

На стыке своего и заимствованного названия возникают такие тавтологические образования, как записанное мною в Виноградовском р-не Архангельской обл. — *борщовые пучки*.

Источник этого слова лежит в западнофинских и в меньшей степени в восточнофинских языках. Как правило, в говорах б. Олонецкой губ. встречаются формы наиболее близкие к финскому первоисточнику, таковы *путки* и *будка* (Кул., 97; 6). Карел. *putki*, *butki* 'Heracleum, Angelica и др.'; олон. *but'k*; вепс. *butk*; фин. *putki*; эст. *put'k*; удм. *putke*⁷¹; мар. *пуч.* 'ствол, стебель'. Олонецкое *будка* отражают вепсскую и олонецкую формы с начальным *b*, тогда как *путки* соответствуют финской и карельской формам; имеющее более широкое распространение слово *пучка* опирается как на западнофинские, так и на восточнофинские языки и передает прафинскую форму.

Замечательно, что у слова *пучка* наблюдается то же развитие значений, что и у слова *борщ*. *Пучка* 'Heracleum, Angelica' → 'стебли, листья зонтичных растений' → 'суп из зелени'. Ср. *пучка* 'щи' (костр., галич. Оп., 184, 257).

⁷¹ J. Kalima. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919, стр. 191—192.

пикан, пикана

Пикан, *пикана* — диалектное название борщевника и щавеля, распространенное на территории Удмуртии, части Пермской области и в Западной Сибири: *пикан* (вят., перм.), *пикана* (сиб. Анн. Б. сл. 165), *пикан* 'борщевник' (удм. Бараш., 288), *пиканы* (вят., сарап. Зелен., 41), *пикана* 'щавель' (сиб. Доп. Оп., 181).

Морфологическая структура слова (суффикс *-ан* имеет широкое распространение и в удмурдском, и коми языках) и географические границы его существования наталкивают на мысль о его финском происхождении. Кажется о заимствовании свидетельствуют и такие образования, как *борщевый пикан*, *дидильный пикан* (перм. Анн. Б. сл., 390). Ср. *борщовые пучки*.

В чувашском языке есть слово *пикенет* 'название растения'⁷², в хантыйском языке есть слова, близкие по звучанию, со значением 'кислый, тухлый': *рăҫет* 'гнилой', *рăҫе* 'кислый', *рӱк'ит* 'гнилой', *рӱҫет сӗнт'иух* 'волчье лыко'⁷³. Называние борщевника и щавеля одновременно словом, в основании которого лежит признак 'кислый', вполне естественно, но непосредственных прототипов этого слова в финских языках найти не удалось, и поэтому его этимологию следует считать невыясненной. Не исключена возможность и славянской этимологии. В основе слова *пикан* можно увидеть глагол *пикать* 'пицать', так как «из старых (стеблей борщевника) делают сопелки» (Д³ III, 277).

бодран

В среднем Поволжье (Казанская, Горьковская обл.) живет в качестве названия нескольких зонтичных съедобных растений заимствование из тюркских языков *бодран* (Казан. Оп., 11; Д I, 106). Это термин, имеющий распространение в большинстве тюркских языков и в соприкасающихся с ними финских: тат. *baltyrān*; чуваш. *potran*, *poldʹran* (*пултӑран*); мар. *палдыран*; тур. *baldi-*

⁷² Н. Ашмарин. Словарь чувашского языка, вып. X. Чебоксары, 1936, стр. 203.

⁷³ K. F. Karjalainen Ostjakisches Wörterbuch, bearb. u. herausgegeben von V. H. Toivonen, II. Helsinki, 1948, стр. 668—669.

ran⁷⁴. Наиболее близко по звучанию к русскому чувашское слово, которое, возможно, и легло в основание заимствования.

бугиль

В говорах Курской обл. лексическое влияние украинского языка очень велико, одним из таких многочисленных украинизмов является название *Anthriscus silvestris* — *бугиль*. Это название ошибочно перенесено на *Anthriscus silvestris* в результате его сходства с ядовитым зонтичным растением *Conium maculatum*.

В большинстве славянских языков *Conium* носит название *болиголов*. На украинской почве это слово, возможно, в результате табу подверглось многоступенчатым изменениям: *болиголов*, *буглав*, *булав*, *булига*, *булигова*, *бугила*, *богила*, *бугиль* (Мак., 107). Один из этих вариантов проник в русские говоры курщины⁷⁵.

тукмачи

В Кировской обл. записано название съедобного зонтичного растения *тукмачи*. «*Тукмач'и* — трава, на б'ер'егу́ рост'от, на луга́х, похо́жа на морко́ф, же́д'ат ст'е́бл'и». (киров., медян. Гор., 340).

Так как стебли едят у всех рассматриваемых в этом разделе растений, то точная идентификация названия на основании данного контекста невозможна. *Тукмачи́* — слово тюркское, означает 'лапшу, клецки' (Радлов, III, 1274). Та же семантическая модель 'кашка' → 'Trifolium'.

На протяжении всего раздела наглядно видно, как устойчиво повторяется одна и та же семантическая модель 'стебель' — 'съедобное зонтичное растение'.

'стебель'	'зонт. растение'
<i>дудка</i>	<i>дудка, дудки</i>
<i>ствол</i>	<i>ствол, стволья</i>
<i>будыль</i>	<i>будыль</i>
<i>пучка, пучки</i>	<i>пучка</i>

⁷⁴ V a s m e r. REW, I, стр. 46—47.

⁷⁵ J. B. R u d n i c k y j. An Etymological Dictionary of Ukrainian language. Part 2. Winnipeg, 1963, стр. 159.

мар. <i>пуч</i> , фин. <i>putki</i>	фин. <i>putki</i>
<i>пикань</i>	<i>пикан</i> , <i>пикана</i>
нем. <i>Stengel</i>	нем. <i>Stengel</i>
нем. <i>Tuten</i>	нем. <i>Tuten</i>

Типичен и выход в названия кушаний из зелени по схеме: 'зонтичное съедобное растение' → 'стебли, ботва вообще' → 'суп из зелени, из ботвы'. Ср. во всех трех значениях такие слова, как *борщ* и *пучка*.

Менее распространена, но тоже характерна модель: 'быть здоровым, здороветь' → 'зонтичное лекарственное растение'.

<i>*degnoti</i>	<i>*deglъ</i>
<i>*bedr-, *bъdr-</i>	<i>*bedръньсь, *bъdry.</i>

5 группа

От микрополя зонтичных растений связи идут к названиям щавеля, общие у него с борщевником. В этом случае исключительно отчетливо проступает несовпадение планов реального и языкового, хотя языковые отношения всегда имеют опору в реальной действительности. Многочисленные виды *Rumex* в народной ботанической номенклатуре не различаются, все они распределяются на две группы по признаку съедобности и несъедобности. Это противопоставление осуществляется в виде отношения: *щавель* — *конский щавель*. Признак съедобности и кислого вкуса объединяет названия щавеля и борщевника, таковы *пикан*, *путки*, *пучка*, *пучья* и некоторые другие, объединяет их и близость семантической модели названий.

щ а' в е л ь

Этимология слова *щавель* встречает формальные трудности главным образом потому, что приходится признавать для славянских языков наряду со словом **sokъ* 'сок из растений' вариант **sъkъ* — с тем же значением. Именно это обстоятельство удерживает М. Фасмера от признания неоднократно уже выдвигаемой этимологии (Потебня, Брандт, Ильинский). Р. Брандт строит следующую схему **sъkъ* 'сок', **sъсь* ед. ч., **sъси* мн. ч. 'кислый суп',

**sъѣавъ*, * *sъѣавъ* 'кислота, кислая жидкость, кислое растение'; **sъѣавьнъ* 'кислый' ⁷⁶.

В большинстве говоров *щавель* как общее название Рутех противопоставлено названию одного из видов этого растения — *конский щавель*. Ср. *щавель* и *конский, коневий, конюшинный щавель*; *кислица* (=щавель) — *кислица конявья*. В вологодско-архангельских русских говорах во втором компоненте этой пары выступает название *конинный, кобылий счец, счец, счеч* (волог., тотем. Потан; арх., виногр., красnob. В. М.). Это слово может быть реконструировано как **sъѣсь*. Явление цоканья, по-видимому, задержало процесс ассимиляции *сѣ*. Название щавеля выступает в ином оформлении **sъѣсь* как вариант к * *sъѣавъ*. Эта форма доказывает реальное существование реконструкции, построенной Р. Брандтом. Но не только реликты в говорах, но и теоретические посылки подтверждают возможность наличия в праславянском варианте **sъk-*. Такой вариант есть лишь ступень редукции индоевропейского корня без расширителя, тогда как вариант **sokъ* — имеет расширитель -o-: **sokъ* < **suok-* (ср. лит. *svakas*, лат. *sūcus*) ⁷⁷.

Если формальная сторона этимологии имеет определенные обоснования, то и со стороны развития значения данная этимология достаточно доказательна. Предполагая для слова *щавель* значение 'растение с кислым соком', мы находим подтверждение этому в значениях родственных слов: чеш. *šťava*; словц. *šťava* 'сок'; болг. *щава* 'кислота, жидкость для дубления'; с.-хорв. *штава* то же; польск. *szczawa* 'углекислая вода'. Дополнительным аргументом в пользу именно такого развития значений служит и второе название щавеля — *кислица*, имеющее столь же широкое распространение в славянских языках. Ср. еще укр. *квасець* 'щавель' (Гринч. II, 230).

Кроме того, подтверждением может служить и семантический параллелизм. Обычно слова со значением 'сок' имеют производное 'выжимать сок'. Ср.: *сок* — *сочить*, серб. *кљук* 'виноградный сок' — *кљукати* 'выжимать сок'. Такая пара есть и для слова *щавель*. Ср. отношения

⁷⁶ Р. Б р а н д т. Дополнительные замечания к разбору «Этимологического словаря» Миклошича.— РФВ, т. XXIV, стр. 164.

⁷⁷ J. S c h ü t z. Zum Abstufung und Erweiterung in diphthongischen Wurzeln in Slavischen und Baltischen. «Die Welt der slaven». Jahrgang VIII, Hf. 4, 1964, стр. 343.

чеш. *št'ava* 'сок' и укр. *щавити, чавити* 'жать, давить' (Гринч. IV, 522, 442); русск. *защавить* 'придавить' (костр. Оп., 69).

кислица

Названия *щавель* и *кислица* географически четко распределены: южнорусские говоры — *щавель*, севернорусские — *кислица*.

Структурные отношения: основа имени прилагательного + суф. *-иц(а)* — те же, что в названиях ягод; отсюда то же отношение словообразовательных вариантов:

кислица — *кислика*;

с вокализацией сочетания согласного с плавным:

киселица — *киселика* — *киселка*;

с вторичным и избыточным суффиксом прилагательного, возможно, под влиянием словообразовательных моделей названий ягод:

кисленица — *кислѣнка* — *кислянка* — *кисленка* —

кисленца (ср. *земленица* — *землянка*);

с иным суффиксальным оформлением:

кислядь, *кислядка*, *кислуха*.

Доминирующей формой следует признать форму *кислица*, которая зафиксирована на большей части территории (арх., волог., новг., яросл., ленингр., смол.).

Слово *кислица* имеет общеславянское распространение для обозначения различных кислых плодов и трав и кушаний из них. Ср.: чеш. *kyselinka, kyselica*; серб. *киселица*; болг. *киселец*; укр. *kvasec*. Мне неизвестно географическое распределение форм *щавель* и *кислица* на южнославянской почве, но оно, несомненно, имеет место.

Смысловая схема этого названия исключительно проста: 'кислый' → 'кислое растение', но, если мы примем во внимание всю совокупность форм и значений данного этимологического гнезда в славянских языках, то обнаружим исключительный семантический параллелизм этимологическому гнезду, в которое входит слово *щавель*, и окажется, что оба слова выделяют в предмете один и тот же признак.

Ср., например, параллелизм таких образований, как *щавить* 'давить, жать' и *квасить* 'давить' → 'сделать мокрым' → 'сделать кислым'.

Второстепенные названия щавеля немногочисленны: *столбики* (олон. Кул., 113); *путки* (олон. Кул., 97); *пучча* (смол. Добр., 755); *солоника* (арх., лекшм. Кузн.); *кнатца* (перм., верхот. Опис., 45); *булки* (влад., меленк. АН, фонд. 176); *дубель*, *дупель*, мн. *дубли*, *дупли* (арх., приоз. Кимяг.).

6 группа

Растения семейства крестоцветных обладают той же неповторимой оригинальностью формы, как и зонтичные растения; в то же время отдельные виды исключительно сходны между собою. Не считая старых культурных растений, таких, как капуста, репа, редька, брюква, горчица, все они по большей части распространенные сорняки с цветами насыщенно желтого цвета и своеобразной формы, со съедобными горькими листьями и семенами, употребляемыми для добывания масла. Я имею в виду следующие растения: сурепку (*Barbarea vulgaris*), свербигу (*Bunias orientalis*), дикую редьку (*Raphanus raphanistrum*), полевую горчицу (*Sinapis arvensis*) и гулявник (*Sisymbrium officinale*).

Схематическое строение данного микрополя во всех говорах русского языка дано в табл. 4.

Таблица 4

	«Barbarea»	«Bunias»	«Raphanus»	«Sinapis»	«Sisymbrium»
<i>сурепка</i>	+	+	+	+	—
<i>дикая редька</i>	—	+	+	+	—
<i>горчица</i>	—	—	—	+	+
<i>горькуша</i>	+	—	—	—	—
<i>гарлуна</i>	—	+	+	—	—
<i>свербига</i>	—	+	—	+	—
<i>свербигуз</i>					
<i>гулявник</i>	—	—	—	—	+

сурепка

Это обобщающее название целой группы сорных крестоцветных растений. В пределах восточнославянских языков слово *сурепка* выступает в следующих вариантах: *сурéпа, сурéпка, сурéпица, свирéпа, свирéпка, свирéпица*. В польском языке *świerzop* м. р. и *świerzora* ж. р. имеют то же значение, что и названные выше восточнославянские формы. В чешском языке словом *sveřep*, -а называют сорняки, но не семейства крестоцветных, а семейства злаковых (*Bromus, Festuca* и др.). Памятники старославянского языка сохраняют слово *свѣрѣница* тоже в значении сорняк: «Их же (плевель) различ'ни видове: к ѝ коле, *свѣрѣница, сѣн'ца*» (Феоф. Толк. Ев.-Срезн. III, 270)

Реконструируемое для праславянского **sverěpъ*, -а (с деминутивами -ька, -ица) 'название сорного растения' в формальном отношении естественно встает в зависимость от прилагательного **sverěpъ*, -а, -о, являясь его субстантивированной формой.

Памятники показывают, что слово **sverěpъ* имело наряду с другими значениями и значение 'дикий, сорный'. Ср. у Срезневского пример из Жития Феодора: «Бѣ грызѹще былиѣ сверѣпое и пьюще воду морск ѹю» (Срезн. III, 23), греч. ἀγριελαίον калькировалось на славянский словом *сверѣномалина* (Срезн. III, 271); то же значение сохранилось и в современном польском *rzodkiew świerzera* 'дикая редька'.

Таким образом, современные слова *сурепка, свирепица* сохраняют старое значение прилагательного *сверепый* 'дикорастущий, сорный' и значат собственно 'сорняк, дикарь'. Ср. сербское название сурепки *дѣчак*. Вариант слова *сурепка, сурепица* (только в русском) объясняется наличием в русских говорах форм *сурепый* с тем же значением, что и *сверепый*.

Само слово *сверепый* не имеет единой и ясной этимологии. Ф. Фортунатов и Ф. Миклошич сопоставляли его с лит. *šiuŗpti, šiuŗpstu* 'содрогаться'⁷⁸, И. Шмидт с лит. *sarpālius* 'драчливый петух'⁷⁹. Ст. Младенов, более де-

⁷⁸ Ph. Fortunatov. Lituanica.— BB, Bd. III, 1879, стр. 71; F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886, стр. 330.

⁷⁹ J. Schmidt. Zur Geschichte des indogermanisches Vokalismus. 2. Weimar, 1875, стр. 67.

тально проведя анализ форм, связывает это славянское слово с большим числом балто-германских слов в значении 'тяжелый'⁸⁰. М. Фасмер воздерживается от признания какой-либо из названных этимологий⁸¹. Оригинальную гипотезу выдвигает В. Махек, анализируя слово *сви́репый* как сложение из **sve-* (вариант к **svoj*) и корня **rěp-* 'хватать, цеплять'. Ср. лит. *aprėpti*, слав. **rěръьь*. Он справедливо опирается на первоначальное значение 'дикорастущий', некоторое сомнение вызывает приписываемое корню **rěp-* для праславянской эпохи значение 'укореняться, приживаться'⁸².

Формальное членение слова может быть и таким: **sver-ěp-*. Образование с суффиксом *-ěra* приводит Младенов: чеш. *skořera* 'скорлупа'. Суффикс редкий и, возможно, экспрессивный. Ср. *дулёна* 'тыква' (ряз., мещер. Оссов.), укр. *мазена* 'трянуля' (Грин. I, 456), *дурена* 'дуреха' (Гринч. II, 396). В пермско-вятских говорах в абсолютно том же значении, что и слово *сви́репый*, выступает вариант с иной огласовкой корня *сурёный* (Оп., 90). С той же ступенью корня, но с иным суффиксальным оформлением, мы находим слово в псковско-тверских говорах: *сви́рющий* (значение то же, Д IV, 66). Суффикс *-уц* ('*уц*) как усилительный выступает в отношениях слов: *злой* — *злющий*, *большой* — *большущий*. Огласовка корня *сур-*, которая вряд ли случайна, позволяет искать родственные формы с этим корнем. Таковым служит слово *суровый*, представленное во всех славянских языках (польск. *sirowy*; чеш. *sirový*; н.-луж. *sirowy*, болг. *сурав*, *суров*; с.-хорв. *сѣров*). Слова *суровый* и *сви́репый*, близкие по значению в современных литературных языках, в памятниках выступают в совершенно идентичном значении: 'дикий, жестокий, злой, яростный', наречия *суровьно* и *сви́репо* служат переводом греч. ἀγρίως. Например, «сѣмьрти же лютьѣ *соуровьно* лъстьць прѣдалъ кѣсть» (Мин. 1097 г., 162 — Срезн., III, 626).

Если возможно тождество слов *сви́репый* и *суровый* со стороны значения и родственные отношения со стороны формы (**sur-/*sver-*), то определенные связи должны быть и с родственным словом *суровый* словом *сырой*. Можно услов-

⁸⁰ Ст. Младенов. Этимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941, стр. 572.

⁸¹ Васмер. REW, II, стр. 594.

⁸² V. Machek. Указ. соч., стр. 433, 488.

но восстапавить схему развития значений слов *сырой* — *сырой* в славянских языках и выявить их совпадение со значениями слова *свирепый*. Основным и первичным для первых двух было 'мокрый, влажный'; с этим значением слова **syръ*, **syrovъ* выступают в восточнославянских, чешском, сербском и словенском языках. В том же значении слово **sirovъ* отмечено в западнославянских и болгарском. В русском слово *сырой* утратило значение 'мокрый, влажный', оно уцелело лишь в производных словах, названиях низин, болот: *сыротѣк* 'сырая моховина' (арх. Д IV, 643), *сырошка* 'низина' (арх. Подв., 168).

Второе значение слов **syръ*, **sirovъ* 'свежий, зеленый, незасохший', как антоним к **suxъ* 'засохший'. Это значение отражено в памятниках старославянских и древнерусских и в южнославянских языках. Ср. «С Ѹ ши^т дрѣвеса и оувадао^т трав Ѹ *соуровоу*» (о саранче) (Георг., Писид., Похв., Бог.); «В *сырѣ* дрѣвеси» (Срезн. III, 626, 877); ср. хорв. *sirovo granje, trava suha i sirova* (Ivek.-Broz. II, 402), то же в сербском. В значении 'свежесть, цвести' употреблялся глагол *сырѣти*: «Срѣцю же весела щюса лице *сырѣть*» (Панд. Ант. XI в. л. 268 — Срезн. III, 877).

Может быть, в старых устойчивых словосочетаниях *сыр-бор* и *мать сыра земля* прилагательное *сыр* несет именно это значение? *Сыр-бор* в значении 'зеленый бор, не засохший на корню', а земля *сырая*, т. е. 'свежая, зеленая, цветущая', 'не сухая, не бесплодная'. Торжественная ритуальность обращения к матери-земле противоречит современному значению слова *сырой* в русском языке. Ср. еще фольклорное *сырой дуб* («Возле дуба, дуба *сырова...*»), как синоним выражения *зеленый дуб*. Все эти реликты, кажется, подтверждают мысль о том, что и в восточнославянских языках у слова *сырой* было значение 'свежий, зеленый'.

Возможно, что то же значение 'свежий, здоровый' представлено и корнем **sver-*: *сверезжий*, *сверюжий* 'здоровый, видный' (Д IV, 56). Мне думается, что М. Фасмер неправ, предполагая, что *сверезжий* это контаминация слов *тверезый* и *свежий*. Этому противоречит широта распространения слова (арх., вят., влад., иск., твер., сарат.) и необычность такой контаминации. В словах *сверезжий*, *сверюжий* выступают экспрессивные суффиксы *-ег-*, *-уг-* ('*уг-*) так же, как и в слове *свирепый*, *свирибий*.

Третье значение слов **syръ*, **surovъ* 'необработанный, невыделанный, невареный' представлено во всех славянских языках. Из значения 'необработанный' легко могло развиваться значение 'дикорастущий, грубый'⁸³. Ср. русск. *суровец* 'Filago arvensis' и целую группу названий растений (*сурепка*, *свирепка*), рассмотренных выше.

Здесь происходит изменение соотношений. Если вначале выступали последовательно две основы **syр-* и **surov-*, а основа **sver-* находилась на периферии и только перекликалась с ними, то теперь основа **syр-* останавливается в своем развитии, а основы **sver-* и **surov-* сближаются и развивают несколько производных оценочных значений, внешне как бы антонимичных, а на самом деле связанных. С одной стороны, *суровый*, *свиренный*, *сурепный* 'дикий, жестокий, яростный', а с другой — *суровый*, *свиренный*, *свирующий* 'страстный, горячий, бойкий, шаловливый' (но ср. русск. диал. *злой* 'усердный, страстный', *лютый* 'проворный, резвый, охочий, склонный' (Оп., 70, 108). Первое значение характерно для всех славянских языков и в оценке качеств не только человека, но и животного. Ср. польск. *swierzopa* 'необъезженная лошадь' и русск. *суровый* 'бешеный, с норовом, с уросом' (о лошади).

Значение 'страстный, горячий, бойкий' зафиксировано лишь в памятниках и широко в русских говорах. *Свербное дѣши* 'страстность' (Никон. Панд. сл. 30 — Срезн. III, 271); русск. диал. *суровый* 'шаловливый, резвый, бойкий, суровиться 'шалить' и *сверезжий*, *сверюжий* 'бойкий, резвый' (Д IV, 641, 642).

Отсутствие в славянских языках реконструированного для слова *свиренный* первичного значения 'мокрый, влажный' не должно лишать эту этимологию доказательности точно так же, как утрата в восточнославянских языках словом *суровый* значения 'влажный', не мешает нам считать его тесно связанным со словом *сырой*. Современные значения слов *суровый* и *свиренный* оценочного характера, как бы давно ни возникли, вторичны и должны рассматриваться в качестве производных.

⁸³ Пример аналогичного развития значений см. в лат. *crudus* 'сырой, невареный, необработанный' и 'грубый, суровый, строгий'.

горчица

Горчица давно введена в культуру, но, как справедливо полагает Махек, слово *горчица* первоначально скорее всего относилось к полевой горчице, а затем уже было перенесено на культурные сорта. В форме *горчица* слово распространено в восточнославянских и западнославянских языках, тогда как для южнославянских, кроме словенского, характерна иная словообразовательная модель: *goruxa*, *gorušica*. Обе формы отражают распределение диалектных словообразовательных вариантов на праславянском уровне:

* <i>gor-(ěti)</i>	* <i>goruxa</i>
* <i>gorьkъ</i>	* <i>gorьčica</i>

но вполне возможно, что картина была сложнее, число вариантов было больше, ср. хотя бы укр. диал. *gorunka* (Мак., 346).

гарлуна

Это — южнорусский диалектизм, обозначающий несколько растений семейства крестоцветных, внешне сходных между собою (*Bunias orientalis*, *Raphanus raphanistrum* и некоторые др.). Наличие многочисленных фонетических и словообразовательных вариантов слова, наблюдаемое в этом случае,— один из наиболее верных признаков разрушения первоначальной формы: *гарлѹна́*, *гарлупник* (орл. Оп., 36; тамб. Анн. Б. сл., 72; ряз. Будде, 52); *гарлѹна* (пенз. Иссерл., 151); *горля́на* (ворон. Анн. Б. сл., 72); *курлепа́* (нижег. Анн. Б. сл., 72; Д I, 334); *грѹна́* (тул. Оп., 421; Д I, 401); *групена* (ворон. Полик., 467), *крупа́* (моск. В. М.). Задача заключается в снятии всех вторичных сближений и рифмованных форм. Не принимая в расчет слова, осложненные вторичной суффиксацией (*гарлупник*, *груп-ена*), мы вынуждены в первую очередь отбросить вариант *крупа*, как результат замены непонятного слова понятным. Затем вызывают подозрение во вторичном оформлении такие формы, где видны влияния других живых слов языка: *курлепа́* (*кур*, *лепить*), *гарля́на* (*ляпать*), *гарлѹна* (*лупить*). Отчетливо видно желание связать вторую часть слова с какими-то значащими элементами (ср. ее варианты *луп-/люп-/ляп-/леп-*). Откровенное влияние слов

горло и лупить привели даже к появлению народной этимологии, по которой *гарлуна* от того, что «лупит (дерет) горло». Отказавшись от поздних контаминационных форм, мы вынуждены обратить внимание на «ни на что не похожее» *группá*. Можно высказать предположение, что именно оно наиболее близко к исходной форме, но дальше этого русский материал не позволяет продвинуться.

На Украине, в говорах Волынской обл., те же и некоторые другие близкородственные растения семейства крестоцветных, *Bunias orientalis*, *Brassica napus*, *Sinapis arvensis*, называются *горупа* (Гринч. I, 316), *горупка* (Мак., 61). Характерное отсутствие каких-либо вариантов этого названия говорит в пользу его первоначальности. Можно предположить, что именно такая форма с неясной структурой, редким словообразовательным оформлением (ср. *пеструпа́*, *чернупа́*⁸⁴) привела к возникновению большого числа вторичных форм в говорах русского языка: развитие вставного л (*гарлупá* < *горупá*) под влиянием глагола *лупить*, выпадение начального гласного *группá* < <*горупá* (кстати находящегося в слабой позиции).

На почве украинского языка слово *горупа* также изолировано.

Характерно, что большая часть названий крестоцветных растений так или иначе отражает признак со значением 'горький' (ср. *горчица*, *горькушка*, *горькушник*) (стоит обратить внимание и на то, что на Украине слово *горупа* служит названием и для дикой горчицы — *Sinapis arvensis*).

В то же время в древнесербских памятниках зафиксированы слова *gorup*, *gorupan* 'горький', *gorupiti* 'горчить'⁸⁵, словен. *gor(j)up* 'горький'⁸⁶.

Связь между украинским названием горького растения и сербским словом со значением 'горький' в формальном отношении абсолютна, а в семантическом отношении вполне понятна. По-видимому, это — древние украинско-сербские формы, сохраняющие редкий словообразовательный вариант прилагательного 'горький' в праславянском языке **gorup*, -a, -o. Будучи изолированным в слово-

⁸⁴ Г. Пейзен. Этнографические очерки Минусинского и Канского округов Енисейской губернии. — Ж. Ст., год 13-й, 1903, вып. III, стр. 303, 304.

⁸⁵ Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. zv. 10, стр. 296.

⁸⁶ V. M a s h e k. Ceská a slovenská jména rostlin. Praha, 1954, стр. 182.

образовательном отношении, он был вытеснен в сербском более продуктивными формами, а в украинском сохранился лишь как диалектное название горьких растений.

свербига, свербигуз

Связь названий *свербига*, *свербигуз* с глаголом *свербеть* лежит на поверхности. Глагол *свербеть* в значении 'чесаться, зудеть, беспокоить' широко распространен в русских говорах (главным образом, южных) и отражен в литературном языке. Наличие только формы со значением состояния говорит о том, что в литературном языке данное этимологическое гнездо представлено неполно. И действительно, в говорах существует глагол *сверби́ть* 'чесать, щекотать, беспокоить' (пск., твер. Доп. Оп., 237) и отглагольное имя *свороб* 'терпуг, напильник' (иркут. Доп. Оп., 237). Производное имя *сверби́на* 'щель, расщелина в стене' (пск., твер. Доп. Оп., 237) предполагает для глагола *свербить* значение *'колоть'. *Сверебить* значит 'сердить', *своробить* 'буянить' (Д IV, 146), ср. семантически аналогичное *задирать*; *своробатый* 'шероховатый' (твер. Доп. Оп., 237). Вся совокупность семантических переходов и нюансов указывает на откровенную близость с семантикой глаголов *драть* и *чесать*; кстати, глаголы *чесать* и *свербить* противопоставлены друг другу в плане лингвогеографическом.

Названия растений отражают заключенное в глаголе *свербить* значение 'драть'; они передают вкусовые ощущения от горьких растений, ср. выражение «дерет рот» и серб. прост. *свр̀бигуз* 'шиповник (ягоды)'.
Слово *свербига* образовано с помощью суффикса *-ига* от основы *сверб-*; *свербигуз* — это старое сложение глагольной основы *сверби-* с именем *гуз*. Ср. словообразовательную модель в словах *сорвиголова*, *перекати-поле* и др. Вторая часть сложения представлена в таких оценочных именах, как *ленгуз* 'лентяй', укр. *боягуз* 'трус' и др.

Распространены слова *свербига*, *свербигуз*, *свербейка* как названия *Bunias orientalis* и *Sinapis arvensis* главным образом в южных говорах (пенз. Иссерл., 159; оренб. Сунгур., 48; кур., обоян. Арх. АН ф. 216 № 91, Д III, 55) и искаженное *сергибос* (орл., дмитр. Добр. Ж. Ст. XIV, 321).

гулявник

Гулявником называют *Sisymbrium officin.* и *Nasturtium*, укр. *hulavnyk*, *hulavyk* (Мак., 239). Происхождение слова неясно, отношения с глаголом *гулять* и именем *гуля* 'шар' затемнены главным образом из-за необоснованности со стороны реалий, хотя формально возможны. Ср. *гуля* 'клубень, опухоль, нарост', *гулява* 'картофель' (Д³ I, 1008).

Еще несколько растений семейства крестоцветных, с одной стороны, образуют небольшую самостоятельную группу, объединяясь под названием *жеруха*; с другой стороны, тесно смыкаются с рассмотренными выше, так как носят названия *горчица полевая, водяная* и т. п. Это следующие растения: *Cardamine pratensis* L., *Lepidium ruderales* L. и различные виды *Roripa* (или *Nasturtium*); все они имеют острый горький вкус, недаром *Nasturtium* этимологизируется как *quod nos tortium*.

жеруха

Так называется несколько сходных и близкородственных растений в восточнославянских и западнославянских языках. В русском и украинском это название *Roripa*, *Lepidium* и *Cardamine*, в чешском и словацком — *Lepidium* и *Cardamine*, в польском — *Cardamine*; русск. *жеруха*, укр. *жеруха*, *резуха*, чеш. *řeřicha*, словц. *žerucha*, *žerušica*, польск. *żerzucha*, *rzerucha*, н.-луж. *žeruš*, *žoruš*.

В южнославянских языках, кроме сербского, слово *жеруха* отсутствует, а растения эти называются *горуха*: болг. *горуха*, хорв. *gorušica* (RJA 10, 296). В большинстве этимологических словарей славянских языков слово *жеруха* не анализируется. В. Махек связывает это слово с чешским глаголом *žrati* 'разъедать'⁸⁷, в Варшавском словаре делается предположение о связи слова *жеруха* с корнями *žer-* или *žeg-*⁸⁸. Мне кажется правдоподобной мысль о связи слова *жеруха* с вариантом праславянского корня **gor-/žer-* 'гореть'. Такая ступень корня с близ-

⁸⁷ V. M a c h e k. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954, стр. 60—61.

⁸⁸ J. K a r ł o w i c z, A. K r u ś k i, W. N i e d ź w i e c k i. Słownik języka polskiego, V. Warszawa, 1912, стр. 820.

кими значениями отражена в слове *žeravъjъ 'раскаленный, горящий', словц. žeravjъ 'жгучий'⁸⁹, словен. žerāvica 'изжога'.

Для группы названий, в которую входит слово *жеруха*, типична следующая модель: 'горький, нечто горькое, жгучее' → 'название растения'

'горький, нечто горькое'	'название растения'
праслав. *gor-	*goruxa
праслав. *gorькъjъ	*gorьčica
русск. горький	горькушник
укр. перець	укр. перечниця
укр. хрін	укр. хрiниця
укр. гірчиги	укр. гірчак
польск. gorczyca	польск. gorczycznik
польск. pieprz	польск. pieprzyca

Предположение, что растение этой группы (*жеруха*) называется горьким, жгучим (*gor-/ *žer-), не противоречит общим соотношениям. Формально интересна вариантность корня при единстве модели *goruxa, *žeruxa, географически распределенная по славянским языкам следующим образом: восточнославянские и западнославянские языки *жеруха*, южнославянские — *горуха*.

Для группы названий растений семейства крестоцветных точно так же, как и для других групп, типично устойчивое и постоянное воспроизведение одних и тех же семантических моделей. В дополнение к приведенной выше схеме 'горький, нечто горькое' → 'растение семейства крестоцветных' можно привести еще укр. *горунка* 'Sinapis arvensis' (Гринч. I, 316), укр. *horuška* 'Barbarea vulgaris'; *hirčak*, *hirček*, *horčučka* 'Raphanus raphanistrum' (Мак., 52).

Вторая модель менее распространена, но выражена достаточно отчетливо: 'дикий, сорный' → 'растение семейства крестоцветных': *суренка*, *дикарка*; серб. *дѣчак* и др.

⁸⁹ А. В. И с а ч е н к о. Slovensko-ruský prekladový slovník, II. Bratislava, 1958, стр. 815.

7 группа

Седьмую и восьмую группу образуют названия семейства бобовых. Как правило, если в семействе присутствуют старые культурные растения, их наименования являются организующим центром, вокруг которого группируются названия других растений этого семейства. Таким отправным словом для семейства бобовых служит слово *горох*. Огромное число бобовых растений имеет составные названия, в которых в качестве основного входит слово *горох* (или *горошек*) (тем самым это растение как бы относится к тому же роду) и эпитет, показывающий, что это горох «ненастоящий», непригодный или мало пригодный для человека. Чаще всего в роли таких эпитетов выступают имена прилагательные, образованные от названий животных или птиц, причем эти определения отнюдь не говорят о том, что эти растения употребляются соответствующими животными или птицами, их функция чисто отрицательная, основанная на противопоставлении: *горох* — *кошачий горох*. Это отношение с точки зрения семантики равно следующему: 'настоящий горох' — 'ненастоящий горох'.

В народной номенклатуре растения *Astragalus arenarius* L., *Caragana arborescens* Lam, *Lathyrus silvestris* L., *Lathyrus pratensis* L., *Lathyrus vernus* Beruh., *Lotus corniculatus* L., *Vicia cracca* L., *Vicia sativa* L. носят названия: *кошачий горох*, *мыший горох*, *гороховик*, *гороховник*, *гусиный горох*, *мышинный горох*, *воробьиный горох*, *журавлиный горох*, *дикий горох*, *желтый горошек*, *лататый горошек* и др. Иногда эти названия подвергаются сокращениям: *гусиный горох* и наряду с этим *гусинец*; *журавлиный горох* — *журавлина*. Этот момент приходится учитывать при выяснении происхождения названия. Установление непосредственной прямой связи между словами *журавль* и *журавлина* не только ничего не объясняет, но и уводит нас от истины.

Наряду с многочисленными названиями, характеризующими бобовые растения как разновидность гороха, есть и более узкие наименования, которые относятся к одному виду или нескольким видам. Таковы слова *донник*, *буркун*, *чина*, *лядвенец*. *Лядвенец* — это индивидуальное наименование *Lotus corniculatus*; *чина* — *Lathyrus vernus*; *донник* служит названием для *Melilotus alba* и

Melilotus officinalis, а также для растения другого семейства *Spiraea*, *буркуном* называют виды *Melilotus* и *Medicago*.

донник

Словообразовательный анализ слова прост: *дно* → → *донный* → *донник*, но такое членение ничего не дает для объяснения реальной мотивировки названия. Обращаясь к особенностям растения, мы обнаруживаем, что оно издавна использовалось как лекарственное: «И употребляется оно в лекарстве от некоторых болезней»⁹⁰. В славянских языках существует слово *дна* для обозначения целого ряда болезней: польск. *дна* 'артрит, лом в костях'; чеш. *дна* 'подагра'; болг. *дъна* 'болезнь, зараза'; ст.-сл. *дъна* 'какая-то болезнь', др.-русск. *дъна*, по Срезневскому, обозначало болезни органов брюшной полости и подагру. Ср.: «Болѣзньнами стрстыми непретърпынами ѿ оутробы стражющи, *дною* беспрестани болѣзнь имяще» (Жит. Козм. Дам.); «*Дна* есть подѣступила» (Ипат. л. 6660 г.); «*Дна...* акы молніином Ѹ подбств Ѹ подбѣщиѸ скороѸ имѣтъ и въ все входит и гор Ѹ, и долѣ, и в жилы, и члѣны, и въ кости» (Срезн. I, 768). От этого существительного было образовано прилагательное русск. *донный*; польск. *denny*, *dnawy*. Мысль о том, что *донник* назван по своему лечебному использованию, высказал еще Анненков. Он пишет в своем Ботаническом словаре: «Название *донника* произошло, вероятно, от названия какой-то болезни, что подтверждается словами одного находящегося у меня старинного рукописного цветника, где говорится: «*Донник* употреб. от выхождения *донной*, пить, тереться и посыпать на *донную*» (Анн. Б. сл., 212). Ср. еще: «*днище*, *дно* выходит» — выпадение прямой кишки (олон. Кул., 9); болг. *дънак* 'слепая кишка'⁹¹.

Об употреблении *донника* от подагры есть многочисленные свидетельства. Таким образом *дно*, *днище*, *донная* —

⁹⁰ Подробный словарь увеселительного, ботанического и хозяйственного садоводства. На российский язык переведенный и азбучным порядком расположенный Н. И., ч I. СПб., 1792, стр. 99.

⁹¹ Болг. *дънак* 'слепая кишка' так соотносится со словом *дъно* 'дно', как лит. *dugnolis* 'слепая кишка' соотносится с *dūgnas* 'дно': К. Б у г а. Славяно-балтийские этимологии. — РФВ т. LXX, 1813, стр. 106.

органы, расположенные в нижней части брюшной полости, *дна* — болезни этих органов и подагра⁹², *донник* — название растения, используемого от подагры и болезней органов брюшины. Ср. еще *донная трава* 'Pтармица' (ряз., мещер. Оссов.). В результате словообразовательная модель принимает несколько иную форму: *дно, дна* → *донный* → *донник*⁹³. Время возникновения самого слова *донник* может относиться как к праславянской эпохе, так и ко времени самостоятельного развития русского языка.

чина

Происхождение слова *чина* — один из примеров непосредственной связи названия с реальными свойствами растения. В русских говорах слово *чина* отмечено только на Дону, зато широко известно на территории Украины (Гринч. IV, 462).

Особенность растения *Lathyrus tuberosus* заключается в том, что оно имеет усики и, только цепляясь ими за другие растения и предметы, способно расти. Если предположить, что именно это свойство послужило основой наименования, то слово *чина* можно связать с украинским глаголом *чипити, чипати* 'цеплять', ср. русск. *чипаться* 'зацепляться' (пск. Доп. Оп., 300). Этимологически в этом глаголе *e*, так что можно восстановить глагол как **čepiti*. В украинском языке *i* возможно в результате вторичного удлинения. Производное имя должно иметь форму **čepna*, что на украинской почве могло дать только *чина*. Аргументом в пользу высказанной этимологии служит русское народное название чины и некоторых других бобовых растений — *вязель*, образованное от глагола *вязаться* 'цепляться'.

буркун

Слово *буркун* как название донника и люцерны в русский литературный язык попало несомненно из украинского языка. В русских говорах оно распространено

⁹² О словах **дно*, **дна* 'болезнь', см.: F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1952, стр. 149.

⁹³ На связь названия растения *донник* с названием болезни указывал еще Потебня («Этимологические заметки». — РФВ, т. VII, № 1, 1882, стр. 63).

только в южном Поволжье и в южных говорах, пограничных с Украиной. На русской почве это название изолировано, не имеет вариантов и каких-либо этимологических связей.

В украинском языке число вариантов этого слова очень велико: *birkin, burkinčuk, burkinčuk, burkinec, burunduk, borkoń, borkin, burkovyna, vorhin* (Мак., 226—227, 229). Анненков приводит варианты этого названия на Украине: *буркун* (вол., под., тавр.), *желтый буркун* (ставр.), *буркунец* (тавр., ворон.), *барко* (ворон.), *бурундюк* (екат.), *бурундук, бурунчик, бурунчук, борончук* (укр. без указ. места, Анн. Б. сл. 210), *борконь* (Гринч. I, 87).

В говорах южной курщины *бурунчук* — явный украинизм (кур. Кард. 263).

Характерные для вариантов этого слова суффиксы *-чук* и *-чик*, отмеченная в ряде примеров гармония гласных, мена *б/в* говорят о тюркском происхождении этого названия. О наличии названия *бурунчук* у ногайских татар пишет Анненков (Б. сл. 210).

Этимология этого слова на тюркской почве не выяснена. Возможны ассоциации, параллельные русскому названию *кропило*. Ср. корень *бўрк* (кирг.)/*бўрўк* 'брызгать'; *birkin* (караим.) *бўркўн* 'быть обрызганным', *бөрөк* 'брызгать водой' (Радл. т. IV, 1890, 1754, 1719). С другой стороны, *бурчак* — тюркское название гороха (Радл. IV, 1832), *мірәмчак* 'чечевица' (чагат.) (Радл. IV, 2158).

е м у р к а

юмора, юморка, юморки, ямурка — донское и терское название люцерны (терск. Караул., 91; Д IV, 667). Фасмер считает слово неясным (Vasmer, REW, 470). Внешний облик слова и его география позволяют предположить иноязычный элемент, скорее всего тюркский. Ср. татарское (казанское) название дикого гороха *јумырчка* (Радлов III, стлб. 576). Напомним, что люцерна — бобовое растение, и названия типа *дикий горох* очень распространены в данной группе.

Слово *јумырчка* в тюркских языках не одиноко: ср. *јумур* 'круглый' (осм., крым., чаг.), *јөмөркә* = *јумурта* 'яйцо', *јумак* 'клубок' и т. д. (Радлов III, стлб. 577).

лядвенец

Это название характерно для ряда славянских языков: русск. *лядвенец*, укр. *лядвеніць*, польск. *leđzwian* 'вид гороха', *leđżwiec* 'земляной орех'. Фасмер считает эти слова образованными от: словен. *ledvice* мн. 'почки'; чеш. *ledvina* 'почка'; русск. *лядвья* (Vasmer II, 81). Семантическая связь опиралась, вероятно, на реальное сходство бобов с почками.

8 группа

В некоторых украинских говорах клевер тоже называют горохом, ср. *горішок білий* (*Trifolium montanum* L.), *горішок червоний* (*Trifolium pratense*) (Гринч. I, 312). В русских говорах клевер обычно не смешивается с другими бобовыми, а имеет многочисленные связи с растениями других семейств. Эти связи определяются и формой цветков, и строением листьев, и употреблением и т. д. Число названий клевера в русских говорах чрезвычайно велико, но есть несколько типичных семантических моделей, которые многократно воспроизводятся.

дятлина

Единственным старым общеславянским названием клевера является слово *дятлина*. *Дятлина* (смол., ельн. Эк. общ., 30); *детелина*, *дятля*, *дятлевина* (пск., твер. Доп. Оп., 45); *дятливіна* (яросл., роман. Якуш., 44); *дятловка*, *дятловник* (твер., остап. Копор., 60); *дятловник* (волог., тотем. Потан., 53); укр. *дятлина*, *дятловина* (Гринч. I, 463; Мак., 377); чеш. *dětel*, *d'atelina*; словц. *d'atelina* (Mach., 121); польск. *dzięcielina*; болг. *детелина* (Берн., 152); серб. *дѣтелина*; словен. *detelja* (Mach., 121); праслав. **dețelina*.

Обилие вариантов на русской почве показывает, как и во многих других случаях, свободу словообразовательного моделирования в говорах.

В памятниках русской письменности отражены два варианта: *дятлина* и *дятлевина*. «*Дят'лина* есть трава а растет' по лугам' и по нискимъ мѣстамъ... а потому ея познати что на нее часто пчелы и шмели садятся и медве-

ную сладость себѣ собирають»⁹⁴. «у *дятлевины* красные»...⁹⁵ Словообразовательная связь слов *дятел* и *дятелина* лежит на поверхности, но семантические отношения вызывают большие трудности. Одни авторы ограничиваются только указанием на связь этих слов (М. Фасмер, например), другие пытаются связать слова *дятел* и *дятелина* через значение 'пестрый' (Бернекер, Ягич), третьи, видя малодоказуемость таких попыток, хотя и видят в слове *дятелина* другой корень (так, Махек связывает *детелина* с *дуть*). Думается, что поиски семантической связи между словами *дятел* и *дятелина* обречены на неудачу, возможно, что этой связи никогда не существовало. Отношения между *дятел* — *дятелина* могут быть такими же, как у описанных в группе 7 *журавель* — *журавлина*. Тенденция к такого рода наименованиям очень древняя, она опирается на необходимость отличать употребляемые человеком растения от сходных с ними. Названия типа *волчий горох*, *собачий хлеб*, *заячья капуста* есть в большинстве индоевропейских языков. В этом случае значение прилагательных отрицательное, их обычная семантика выхолощена, они свободно заменяют друг друга. Полные отношения представлены в украинском:

гриб правдивый — *гриб собачий*
x + *x* —

Наиболее типичен случай, когда положительная характеристика отсутствует, но предполагается в случае противопоставления: *петрушка* — *собачья петрушка*; *щавель* — *конский щавель*.

В условиях, когда из подобного словосочетания образуется однословное название, отношения усложняются:

лук — *гусиный лук* — *гусинец*
горох — *мышинный горох* — *мышьяк*

Среднее звено может быть утрачено и тогда в нарушение схемы связей к оставшимся *гусинец*, *мышьяк* притягиваются *гусь*, *мышь*. Возникают попытки установить логическую связь между понятиями, которые до этого связаны не были.

⁹⁴ Роспись травам ко всякому лечению, где которая растет (рукопись конца XVII в. Моск. Ист. музей, из собр. Щук. 285/292), л. 203.

⁹⁵ Лечебник № 2 конца XVII в., гл. 109. Картотека ДРС.

В случаях, когда это с трудом, но возможно, появляются объяснения вроде «эту капусту любят зайцы», «этот щавель едят кони» и т. д.; в случаях парадоксальной связи типа *кошачий горох* объяснение отсутствует.

Набор прилагательных, встречающихся в русском языке в такого рода названиях, достаточно велик, но частота их употребления различна. Наиболее типичны *собачий* и *волчий*, они постоянно употребляются по отношению к несъедобным растениям. Есть такие, которые встречаются редко: *кошачий*, *кукушкин*, *петушиный*. Возможно, что к такого рода редким определениям относилось и *дятлин*, *дятлиный*. Так как в некоторых славянских языках клевер называют *горохом*, мы вправе предположить для праславянского такую картину:

**gorxъ* → **dętelinъ gorxъ* → **dętelina*.

При утрате второго звена остается странное и непонятно как относящееся к дятлу название клевера *дятелина*. Ср. аналогичные названия клевера в русских говорах *петушовник* (вят., урж. Магн., 68); *кукушечник* (пенз. Иссерл., 155).

кашка

Воздух весь напоен свежей горечью полыни,
медом гречихи и «кашки».

Тургенев. Лес и степь

По всей России клевер называют *кашкой*. Анненков пишет об употреблении этого названия в Вологодской, Саратовской, Астраханской, Воронежской, Костромской, Тульской, Ярославской губ. и на Кубани; кроме того, в пермских говорах (Каюр., 321), вятских (Проз., 32), ярославских (Мельн., 81). Кроме клевера, *кашкой* называют еще несколько видов сложноцветных растений с мелкими цветами, а в северо-восточных говорах молодые цветы сосен (вят. Васн., 104; вят. Гор., 264, 270; вят. Зелен., 66; вят. Оп., 66; перм. Доп. Оп., 93; Д I, 644), они носят еще названия *засы* и *крупки*. *Кашкой* называют те растения или их части, которые при перетирании в руках образуют некое подобие крупы.

хлебцы

Кроме сравнения с кашей, цветы клевера вызвали многочисленные сравнения с хлебом: *хлебцы* (новг. Герас. Мат., 408); *мякушка* (новг., новг. Чагищ., 310); *мякушечки*, *мякушечник* (олон. Кул., 59) при *мякушка* 'коврига хлеба'; *житник* (арх., приоз. Кимяг.) при первом значении слова *житник* 'хлеб из житной муки, буханка хлеба'; *папки*, *папушки* 'цветы клевера' (олон. Кул., 78); *папки* (смол., ельн. Добр., 577); *папушник*, *папачки* (орл., малоарх. МДК 10, 103); *папынька* 'цветок клевера' (нижегор., сергач. МДК 11, 36) при *папа*, *папушник* 'хлеб'. Как и в случае с названиями кувшинки и мальвы, постоянно воспроизводится одна и та же семантическая модель.

сосульки

Это название записано в говорах б. Олонецкой губ. Оно возникло в результате того, что дети обычно сосут цветы клевера. *Сосульки* 'цветы клевера' (олон. Кул., 111; арх., приоз. Кимяг.); *сусянка* (олон. Кул., 116); *сусяк* (арх., приоз. Кимяг.) (ср. *суслить* 'сосать'); *сладки соски* (олон. Кул., 109); *заячьи соски* (олон. Кул., 29).

солоник

Солоник, *солоничек* 'белый клевер' (арх., виногр. В. М.). В соседних олонечких говорах *солоник*, *солоничник*, *солоница* 'щавель' (олон. Кул., 110), *солоника заячья* 'заячья капуста' (арх., приоз. Кимяг.).

На первый взгляд кажущееся странным явление, что сладкое и кислое растения названы солеными, объясняется тем, что слово *солон* имело в древности, по-видимому, довольно широкое и обобщенное значение, выражая различные вкусовые качества в их противопоставлении пресному.

медовик

Название *медовик*, мн. *медовики* (вят. Гор. 285) характеризует клевер как медоносное растение и включает его в целую группу растений с аналогичными названиями (см. статью *медуница*).

коничина

В русском языке это название тяготеет к северо-западу (петерб. Анн. Прост., 95). Оно является одним из основных названий клевера в западнославянских и в украинском языках. Ср. укр. *коничина*, *конюшина* (Гринч. II, 279; Мак., 375—379); польск. *koniszyna*; чеш. *konečina*, *kuničina*, *kunčina* (Mach., 121). Ср. еще с.-хорв. *konjska djetelina*; словен. *konjska detelja* то же. Возможно, что в русские говоры это название проникло с запада.

кумки

Кумки, *кумушки* (олон. Кул., 46). В связи с тем, что клевер часто называется в сравнении с хлебом, можно сопоставить это слово с костромским *кумянка* 'род тоболки, ватрушки, шаньги' (Д II, 218).

Возможно, что такого же типа *гогоleckи* 'цветы клевера' (новг., череп. Доп. Оп. 34; Д I, 364) при олонцеком *гоголька* 'толокно с маслом на воде' (Д. там же).

Эпизодические названия клевера: *сахарна травка*, *сахарок* (арх., приоз. Кимяг.); *красноголовка*, *белоголовка* (арх., красnob. В. М.; моск. Анн. Прост., 95); *черноголовка* (олон. Кул., 132); *собачья лапа* (арх., печор. Ивашк., 205); *бобки*, *бобовник* (арх. Подв., 7) — см. группу 1.

9 группа

Семейства крестоцветных, зонтичных, бобовых объединяют растения исключительно сходные внешне, поэтому и в народной ботанической номенклатуре они обычно не смешиваются с другими растениями. В отличие от этих семейств семейство сложноцветных включает в свой состав огромное число растений исключительно разнообразных по форме и обладающих различными свойствами. В связи с этим в народной систематике нет представления о существовании этого семейства как такового, есть несколько групп и несколько растений, выделяемых как самостоятельные виды. Одну из самых значительных групп составляет группа сорных колючих растений.

Это различные виды *Arctium*, *Carduus*, *Cirsium*, *Sonchus*, *Aggrimonia*. У части из этих растений крупные листья и у большинства цепкие плоды. Схематически отношения

	«Arctium»	«Carduus»	«Cirsium»	«Sonchus»	«Agrimonia»
репейник	+	+	+	—	+
осот	—	+	+	+	—
чертополох	+	+	+	—	—
лопух	+	+	+	—	—
будяк	—	+	+	—	—
волчец	—	+	+	—	—
дедовник	+	+	+	—	—
татарик	+	+	+	—	—
мордвин	+	+	+	+	—

между видами растений и их народными названиями могут быть представлены в табл. 5.

Естественно предположить, что характерные отличительные признаки этих растений отражены в их названиях. Значительное число этих названий имеет общеславянское распространение.

осот

Так, во всех славянских языках называют многие виды вышеназванных растений. Русск. *осот*, *осота*, *осоть*; укр. *осот*; блр. *осот*; др.-русск., ст.-слав. *осѣтъ*, *триволоѣс*; болг. *бѣтъ*; с.-хорв. назв. места *Ōsam*; словен. *ósət*; чеш. *oset*; польск. *oset*. Праслав. **osъtъ*. В балтийских языках при абсолютной идентичности формы значение слова иное: лит. *āsutai*, *ašutai* мн. 'толстый конский волос', *āšatas* то же; лтш. *asnis*. В греческом языке тот же корень, но с иным суффиксальным оформлением, используется для образования названий колючки, шипа и колючих сложноцветных растений. Ср. греч. *ἄκνωϛ* 'чертополох', *ἄκωνα* 'острие, шип', *ἄκωνθος* 'колючка'. Наличие в слове *осот* древней морфологической структуры и словообразовательная вариантность этого слова по индоевропейским диалектам позволяют отнести время его возникновения к индоевропейской эпохе. Слово *осот* наряду с другими словами, обозначающими острие (*острый*, *ость*, *оселок* и др.), восходит к индоевропейскому корню **ak-* 'острый'⁹⁶.

⁹⁶ A. Meillet. *Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave*. Paris, 1902—1905, стр. 299.

репей

Слово общеславянское, обозначает вышеописанные колючие растения, но в отличие от слова *осот* не только сами растения, но и их плоды, иногда выступает и в более широком значении 'шип, колючка вообще'. Русск. *репей*, *репейник*, *репях* (дон Мирт., 273); укр. *репик*, *реп'ях*; ст.-слав. *рѣпнии* 'репейник, шип'; болг. *репей*; с.-хорв. *репух*; словен. *repjè* соб. 'репейник'; чеш. *řepík*; слвц. *repík*; польск. *rzep*, *rzepień*, *rzepik* то же. Вариантность форм на праславянском уровне: **rěpъ*, **rěpъjь*, **rěpъje* соб. Если не считать словацкого *repit' sa* 'chytati se, prissati se, слово *репей* в славянских языках выглядит изолированным.

Но привлечение диалектных форм, таких, как польск. народн.: «kwiat łopuchu wrzepił się we włosy». (Mach., 255), позволяет думать о реальности праславянского **rěpiti se* 'хвататься, цепляться', хотя в современных языках он сохранился лишь частично. Поэтому этимологически наиболее обоснованным представляется сравнение слав. **rěpъjь* с целым рядом форм в других индоевропейских языках со значением 'хватать, цеплять'. Ср. лит. *aprėpti*, *aprėpiu* 'охватить', *rėples* 'щипцы', др.-прусск. *raples* то же, лат. *rapio*, *-ere* 'похищать', греч. *ἐρεπτομαι* 'отрываю', алб. *rjep* 'сдираю'⁹⁷. Растения названы так за «цепляющиеся, хватающие» плоды. Ср. аналогичные образования польск. *chwast* 'zielsko' — экспрессивный вариант к **xvatati*⁹⁸.

бодяк

Третьим общеславянским названием этих колючих растений служит слово *бодяк*. В русских говорах это слово представлено главным образом в районах, граничных с Украиной: ср. *будяк* (орл. Сахар. 8; дон Мирт., 29), зато на Украине это название имеет многообразные варианты (*bodak*, *bod'ak*, *bodlak*, *bud'ak* — Мак., 79), достаточно широко аналогичные образования распространены в других славянских языках; ст.-польск. *bodlak*, *bodak*,

⁹⁷ V a s m e r. REW, II, стр. 513; A. B r ü c k n e r. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927, стр. 475.

⁹⁸ F. S ł a w s k i. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. I. Kraków, 1952—1965, стр. 91.

bodziak; чеш. *bodlák*; словц. *bodliak*; словен. *bodak*; с.-хорв. *badelj*, *badalj*. Все это образования или непосредственно от глагола **bosti*, или от его производных форм. Ср. ст.-сл. *бодль* 'шип, колючка'; чеш. *bodlavý* и др. Неисконность этого слова в русском языке объясняется, вероятно, тем, что глагол *бодать* на русской почве имеет суженное значение и активно вытесняется глаголом *колоть*.

к о л ю х а

Производные от глагола *колоть* в качестве названий для *Cirsium*, *Carduus* и др. растений этой группы очень многообразны в русских говорах. В северных областях к глагольной основе присоединяется активный суффикс *-уха*. *Колёха* (арх., виногр. В. М.; олон. Кул. 40), *колюшка*, *колюшник* (олон. Кул. 40; арх., онеж. Подв., 69); *колёха*, *колушник* 'сорняк' (новг., болог. Строг., 63; арх., печор. Ивашк., 163); *колюшки* (волог. Потан., 233).

Производное с суффиксом *-уша* от прилагательного *колкий* ограничено говорами Новгородской обл. *Колкёша* (новг., новг. В. М.; новг. новг. Овчин., 297; новг. Чагищ., 310). Ср. укр. *kolkovnyk* (Мак., 79).

В олонечких говорах с тем же значением встречаются производные от причастных форм. *Колотуха*, *колетуха*, *колетушка* — *Cirsium* (олон. Кул., 39). Ср. отпричастные образования в украинском *kolučka*, *kolučnik* то же (Мак., 79).

Производные от глаголов **bosti* и **kelti* повторяют на материале праславянского или отдельных славянских языков ту же модель, что отражена в старом индоевропейском названии *осот*.

л е п у х а

Растение или плоды их обладают способностью прилипать, приставать незаметно к платью, к волосам, так же незаметно, как пристаёт болезнь, следовательно, эти растения обладают волшебной силой. В результате этого простейшего умозаключения всем липким, цепким растениям были приписаны магические свойства.

Плоды репейника прилипают, за что они названы *лепёльник*, *лепёлки*, *лепёльник* (твер. Д II, 248), *лепушка* (Д³ II, 722); *лепушки*, *лепушник* (новг., череп. Герас., 52);

укр. *lyrnyk* (Мак, 15); чеш. *lerík* (Mach., 255); значит они могут играть роль волшебных символов. Ср. фразу, приводимую Махеком: «*Či vezmu sizozemkyni, a v hřívu lerík dám, bych zjednal vrahům vůdkyni...*» (Mach, 255).

ч е р т о п о л о х

Репейнику приписывались не только вредные для человека свойства, но и способность воздействия на злых духов. Так название *чертополох* (калин. стар. Флор., 72) отражает особую медико-магическую функцию репейника — отгонять нечистую силу. Этими растениями окуривали хлевы, стремясь охранить скот от болезней. «Чертополох употребляется для изгнания бесов, вообще «нечистой силы» из дому»⁹⁹. «Во время припадка (падучей болезни) лежащего больного очерчивают кругом и бьют «нещадно» травю чертополохом»¹⁰⁰.

Слово *чертополох* сложное: первая часть **čьrt*—‘черт’, вторая **rolx* — глагольная основа, ср. *пoлбoхaть* ‘пугать’, *переполохаться* ‘испугаться’ и др. Значение переводится как «пугающий чертей». Ср. аналогичное *чертогон* ‘чертополох’ (волог. Потан., 191). Ст.-польск. *char-toptoch*.

ш и ш о б а р

Шишобар-травa — всем травам травa

(Запись в с. Шоломя Красноборского р-на Архангельской обл.).

В вологодско-вятских говорах и пограничных с вологодскими архангельских, а также в части говоров Сибири существует слово *шишобар* ‘репейник’ (волог. Д³ IV, 1444; волог., вят. Анн. Б. сл., 185; волог. Оп., 266; тобол. Скалос., 22; арх., красн. В. М.). Н. И. Анненков считает слово неясным, А. К. Матвеев на том основании, что в коми языке есть слово *шышыбар* ‘репей’, причисляет его к русским заимствованиям из восточнофинских язы-

⁹⁹ А. Ш у с т и к о в. Тавреньга. — Ж., Ст., год 5-й, 1895, вып. II, стр. 198.

¹⁰⁰ М. К. Г е р а с и м о в. Материалы по народной медицине и акушерству в Череповецком уезде Новгородской губ. — Ж. Ст., год 8-й, 1898, вып. II, стр. 173.

ков, но этимологии на финно-угорском материале не дает¹⁰¹; в то же время Вихман считает это слово русизмом¹⁰².

Мне представляется верным последнее. *Шииобър* имеет структуру сложного слова с соединительной гласной -о-: *шии-о-бър*. Можно попытаться соотнести обе части сложения с определенными значащими элементами в русском языке. Некоторую услугу при этом могут оказать другие названия репейника с аналогичной структурой: ср. *черт-о-полох*, *черт-о-гон*.

Предположив, что слово *шииобър* есть нечто подобное переводу слова *чертополох*, мы можем соотнести первую часть сложения с диалектным названием черта (*шии*). Последнее имеет приблизительно тот же ареал распространения, что и слово *шииобър* — севернорусские говоры: *шии*, *шии́га*, *шии́ган* 'нечистый, сатана, бес', *шии́-мора* (вост.) 'кикимора, привидение', *шиика*, *шии́кб* 'бес, черт' (новг., твер., пск. Лавр., 381; Д³ IV, 1445). В основе своей это название, по-видимому, табуистического происхождения¹⁰³.

Во второй части сложения слова *шииобър* можно предположить элемент *бор-* от глагола *бороть*. Все слово должно было бы выглядеть как **шииобър* 'побарывающий, побеждающий чертей'. Наличие же в слове элемента *-бар*, а не *-бор*, мне кажется, может быть объяснено активно действующим в последние полтора столетия процессом замены в определенных морфологических позициях ударного *о* на ударное *а*. Ср. уже утвердившееся в литературном языке *оспа́ривать*, *зараба́тывать* и т. д. В говорах, где все тенденции развития проявляются активнее и последовательнее, аналогичное чередование зафиксировано и после мягких согласных: *прот'ока́т* — *прот'ака́иват*.

Думается, что в слове *шииобър* мы наблюдаем некое подобие этому явлению, мену ударного корневого гласного, но в составе сложного слова. Ср. *чистоган* (вм. *гон* от

¹⁰¹ А. К. М а т в е е в. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. Свердловск, 1952, стр. 40.

¹⁰² G. W i c h m a n n. Syrjänscher Wortschatz. Bearb. von T. E. Uotila. Helsinki, 1942, стр. 83.

¹⁰³ См.: Д. К. З е л е н и н. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии, ч. 2. «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. 9. Л., 1930, стр. 102.

знать), *горлопан* (вм. *пон*, ср. *опона*, *попона*, *запон* и др., синонимичное слову *горлопан* — *горлопял*, *горлопятай* и выражение «пялить горло»¹⁰⁴).

волчец

Думается, что названия осота, репейника *волчец*, *волчок*, *волчняк*, *волчевник* нет необходимости считать производными от глагола *волочить*, как это делает Горяев. Производные отглагольные имена имеют форму *вблок*, *волочёк*, *свблочь* и др., а перед нами явно уменьшительные от слова *волк*: *волчец*, *волчок*.

Это не единственное название растений этой группы, где активно выражен отрицательный эмоциональный момент; ср. такие наименования, как *татарин*, *мордвинник*, *собачки* и др. Среди животных отрицательная оценка концентрируется именно на фигуре волка. Поэтому все без исключения ядовитые растения носят названия *волчьих*. Естественно назвать *волцецом* сорное растение с острыми шипами и назойливыми цепкими плодами.

дед, дедовник

Значительную часть названий растений составляют слова, образованные путем метафорических переносов значений слова в результате омонимии. Это случаи, когда формальный анализ бессилён, а необходимо выяснение фольклорных, мифологических образов, легенд, элементов быта, стилистической, эмоциональной оценки предметов, животных, экспрессивной характеристики личных собственных имен. К такого рода сложным для анализа словам относится и русское диалектное название репейника *дедовник*: *дед*, *дедовник* (пск., опоч. Оп., 53); *дедовина* (калин., осташ. Копор., 102); *дедовник* (новг. Якуш., 78); *дедки* мн. (кур. Кардаш., 290). Те же формы в украинском языке: *did* (Мак., 79), *d'adok*, *didovnyk* 'осот' (Мак., 100) и в сербском *djed* 'Carduus', *деде*, *djed* 'Cirsium' (Симон., 97). Потанин высказывает предположение, почему это растение получило название *дедовник*. Описывая патриархальную

¹⁰⁴ Существующая этимология слова *горлопан* от *горло* + *пан* (А. А. Соболевский и др. — РФВ, т. XXXI, 1912, стр. 443) мне не представляется убедительной.

семью, где глава семьи, не выделяя сыновей, единовластно управляет всем хозяйством, Потанин добавляет: «Такое деспотическое воспитание оставило по себе память в народном названии растения *дедовник* (*Cirsium*), которое своими колючками кровавит руки жнецов...»

Возможно, что это слово имеет и иное объяснение. Как и слово *шишобър*, оно, может быть, скрывает в себе эвфемистическое название черта. Ср. укр. *дідько* 'черт' (Гринч. II, 207), *дідьчий* 'чортів, дияволів' (укр., буков. Колес., 41). Терминология родства в качестве эвфемизмов — явление очень распространенное, ср. названия лихорадки *тетка*, *кума* и др.

Как мы видели, в названиях колючих сорных растений воспроизводится несколько семантических моделей.

'острый, колоть' 'название растения'

*ak'-	*osъtъ, греч. ἄκνος
*bosti	*bodль, *bodлакъ *bodакъ
*dъrati	словен. <i>drač</i>
колоть	колюха
колкий	колкуша

'цепляться, прилипать' 'название растения'

*rěp-	праслав. *rěръьь
*xvatati	польск. <i>chwast</i>
*lěp- *lip- *lьp-	русск. <i>лепуха</i> , <i>лепельник</i> чеш. <i>lepík</i>

Как второстепенные модели выступают такие, как 'отгоняющий, побеждающий чертей' и выраженная в разных наименованиях отрицательная оценка. Ср. *татарин* 'чертополох всех видов' (дон. Мирт., 321); *мордвинник* то же (симб. Мотов., 25) и *басурманская трава* (Д I, 53), *собака* 'репей' (яросл. Мельн., 189), *собака* 'шишка на репейнике' (твер., осташк. Оп., 210).

10 группа

Большое число растений, несходных внешне, относящихся к разным семействам, объединяется под общим названием *молочай*. Все эти растения обладают одним ярким признаком — из стебля выделяется белый сок, «молоко». В эту группу входят чистотел (*Chelidonium majus*),

козлобородник (*Tragopogon*), осот огородный (*Sonchus oleraceus*), латук (*Lactuca scariola*), разные виды одуванчика (*Leontodon*), молочая (*Euphorbia*) и некоторые др. Название *молочай* служит тем узлом, который связывает все эти растения, в то время как по другим признакам они входят в другие группы и имеют большое число общих и индивидуальных наименований. Я остановлюсь лишь на части из них.

м о л о ч а й

Структура названий очень многообразна и сложна, хотя во всех в качестве семантического основания лежит понятие 'молоко'. По русским говорам вариантность форм такова: *молосная трава* (волог. Потан., 53; арх., красн. В. М.); *молочная трава* (олон. Кул., 56); *молочница* (там же); *молочай* (дон. Мирт., 187; ворон. Тороп., 357); *молочайник* (сарат. Моис., 57); *молочник* (тобол. Патк., 499; орл., малоарх., МДК 10, 101; тул. Л. Толстой); *молочажник* (ворон. Тороп., 344); *молокайник* (ворон., дмитр. Листр., 39); *молокан* (Анн. Прост., 52), *молоканка* (дон. Мирт., 187); *молоковник* (калин., болог. Строг., 64; перм., чувов. Каюр., 320); *молокѣнница* (вят., медян. Проз., 351).

Эти названия отражают разнообразные модели, действующие в говорах, и свидетельствуют о нескольких словообразовательных процессах. Простейшие наименования типа *молочная трава* лишь указывают на типичный признак; характерные для названий растений и очень продуктивные в говорах суффиксы *-ица* и *-ник* дают более экономный способ выражения: *молочница*, *молочник*. Форма *молочай* представляет архаичную словообразовательную модель, тогда как формы с восстановленной нейотированной основой несомненно более поздние.

В других славянских языках инооформленные, но сходные названия: чеш. *mlěč* (Mach., 233); польск. *mlecz*; укр. *толошак*; хорв. *mličac*, *mličak* и др.; словен. *mleč* и др. (Mach., 234); макед. *млеч*, *млечка*; болг. *млечок*, *млечка*. Аналогично семантически немецкое *Milchdistel* 'осот'.

Общеславянская основа **melkj-* с разным суффиксальным оформлением по языкам. Название многократно воссоздавалось вновь по свежим словообразовательным моделям, сохраняя семантическую модель неизменной.

К сожалению, мы не можем представить картину конкретных отношений внутри отдельных микрополей по говорам из-за отсутствия данных. Имеющиеся сведения случайны и неполны. Так, Миртов говорит о том, что в донских говорах *молочай* — это *Sonchus oleraceus*, а *Tragopogon pratensis* — *молоканка* (дон. Мирт., 187); по другим говорам у нас свидетельств нет.

о д у в а н ч и к

Литературное *одуванчик* — одно из многих названий этого общеизвестного растения. Даль приводит форму без уменьшительного суффикса *одуван* (Д³ II, 1687). Слово образовано с суффиксом *-ан* (активным в северо-восточных и уральских говорах) от глагольной основы *одуть*, равной литературному *обдуть*. Ср. у Даля: «*Одуй* пальцы, ожжешься» (Д. там же).

Это одно из названий, отражающих особенность растения — его опушенные семянки сносятся ветром или дуновением. *Одуванчик* (перм., чувов. Какор., 321); *сдуванчики* (твер. Съед., 36); *пустодуй*, *дуванчик* (Сл. Оби, 1, 136); *ветродуйки* (урал. Сл., 75).

п о п ы

Внешние ассоциации привели к возникновению латинского названия: *caput monachi*; нем. *Pfaffenblat*. Кальки этого названия: чеш. *pleš*; ст.-чеш. *pleška* (Mach., 233); укр. *plešyveč*, *porove hutenpe* (Мак., 366—367). Из украинского название проникло в донские говоры: *попово гуженцо* (дон. Мирт., 248). Возможно, что в результате вторичного осмысления появились названия *одуванчика попы* (волог. Потан., 53), *попик* (дон. Мирт., 247).

п а в к и

Сходство лишенного семянок цветка с пауком отражено в олонцеком *павки* 'одуванчики' (олон. Кул., 77) при *пáвка* 'паук'. Ср. укр. *пауку* (Мак., 366).

кульбаба

А там, по луках,
світила жовта *кульбаба*,
як зорі на небі.

Коцюбинский

Кульбаба, куйбаба, куйбабка южн., а точнее донское название одуванчика *Leontodon* (Д³ II, 557; дон. Мирт., 159). В других говорах это слово отсутствует, зато широко распространено на Украине, главным образом западной: *kulbaba, kulbababa, kulbaha, kulbaka, kulbavka* (Мак., 366), *кульбабок, баба-куль*. Фасмер считает слово неясным¹⁰⁵.

Выяснение его происхождения, действительно, представляет большие трудности. Остается нерешенным вопрос и об исконности слова. Если оно образовано на местной почве по типу *бой-баба, резь-баба*, чеш. *řimbaba*, укр. *кіці-баба*, непонятна его первая часть. Если слово заимствовано, неясен источник.

11 группа

Ее составляют растения семейства сложноцветных, лекарственные свойства которых известны издавна. Это общеизвестные тысячелистник, девясил, пижма и ромашка. В народной номенклатуре соотношение форм и значений таково: *девясил* '*Inula salicina* L., *Inula britannica* L., *Achillea millefolium* L., *Tanacetum vulgare* L.', *ромашка* '*Tanacetum vulgare* L., *Chrysanthemum leucanthemum* L., *Anthemis tinctoria* L.' и разные виды '*Matricaria*'. Каждое из названных растений имеет еще очень большое число наименований, из которых я остановлюсь лишь на двух, относимых к *Tanacetum vulgare*, *пижма* и *рябинка*.

ромашка

Снова выплыли годы из мрака
И шумят как ромашковый луг.

Есенин

Это популярное слово, одно из немногих слов, принадлежащих к ботанической лексике и известных любому носителю русского языка, появилось сравнитель-

¹⁰⁵ В а ш е г. REW, I, стр. 689.

но недавно. Его появление связано с проникновением на Русь многочисленной средневековой медицинской литературы в виде травников и лечебников. В средневековой латыни растения, которые сейчас носят название ромашки, именовались *anthemis romana*, *chamaemelum romana*. Быстрое усвоение этого термина было связано с огромной популярностью лекарственной ромашки как медицинского средства. В травниках растения называются *романом*, *романовой травой*, *романовым цветом*: «...емли *цвѣту романова*»¹⁰⁶; «*романова трава*»¹⁰⁷; «...вели мне дать для моей головной болезни... масла *романова*...»¹⁰⁸; «О *рамане*. *Раманова трава* варена в воде, ꙗ оною водою ротъ полощем, ртныя болячки от того заживляеть»¹⁰⁹; «160 пучков *роману*» (1677 г.)¹¹⁰.

Все эти примеры говорят о возможности проникновения слова непосредственно из средневековой латыни без языка посредника. Думается, что усвоением именно этой формы является северное, архангельское и олонекое, название *романник* (арх. Гранд., 262; олон. Кул., 101; арх., мез. Подв., 158). (На севере особенно долго сохранялись и читались старинные травники.)

В то же время многочисленные украинские и белорусские формы наименования ромашки, заимствованные, в свою очередь, из польского языка, проникали и в смежные русские говоры и в научную литературу. Укр *ромѣн*, *ромнѣнок*, *роман*, *романѣць*, *руманѣць*, блр. *рамѣн'*, *рамѣнак*, *ромон* (смол. Добр., 779) отражено в южнорусских *ромен*, *рамен* (Д IV, 103), в донском *роман* (дон. Мирт., 398) и в памятниках: «О желтости. давай в питье истолокши *ромену* тако^ж желчь с лица згонить»¹¹¹; «цвету *румоного*»¹¹².

¹⁰³ Травник Любчанина (1534 г.), стр. 646.

¹⁰⁷ Там же, стр. 199.

¹⁰⁸ «Материалы для истории медицины в России», вып. I—IV. СПб., 1881—1885.

¹⁰⁹ Лечебник. Рукопись из собр. В. Н. Перетца, Q № 76 (конец XVII — начало XVIII в.), гл. 50.

¹¹⁰ И. Е. Забелин. Домашний быт русского народа в XVI—XVII ст., т. 1. М., 1918, стр. 566.

¹¹¹ Лечебник. Рукопись из собр. В. Н. Перетца, Q № 74 (1763 г.).

¹¹² «Материалы для истории медицины в России», вып. I—IV (1662 г.).

Любопытная форма отражена в прибалтийских старожильческих говорах: *рамулька*, «*раму́л'к'и то́жа л'а-ка́рства харо́шты́а*» (прибалт. Иван., 274).

От слова *роман* не без влияния имени собственного была образована уменьшительная форма *ромашка*. Эта форма впервые зафиксирована в конце XVIII в.: «У меня для таких случаев есть всегда... одинъ декоктъ. Одна часть буквицы, другая *ромашки*, третья *шалфея*»¹¹³.

Эта русифицированная форма, утвердившаяся в литературном языке, широко распространилась и в говорах. Таково слово *ромашка* в диалектных записях (влад., ковр. МДК 11,40; перм., чусов. Каюр., 32; чкал. Моис., 54; олон. Кул., 23).

Названия ромашки в других славянских языках, несмотря на близость формы и несомненно тот же первоисточник (ср. с.-хорв. *ра́ман*, *ра́менак*; словен. *rtân*, *rotân*; чеш., *rtenek*, *romenek*, *rtáni*, *ortan*; польск. *roten*, *romien*, *rumen*, *rumien*, *rumin*, *rumnek*, *rumian*), тем не менее имеют свою, часто очень интересную и сложную, историю¹¹⁴.

Исконно русские названия растений, известные под названием ромашки, довольно многочисленны:

Anthemis tinctoria: *пунава* (ворон.), *пунавка* (моск.), *пупки* (смол.), *желтушка*, *желтый цвет*, *желтый пугвенник* (Анн. Прост., 17).

Chrysanthemum Leucanthemum: *белюшки* (волог. Потан., 232), *белоцветка* (удм. Барашк., 279), *калитка* (арх., лекшм. МГУ), *поповник* (моск.), *попы* (смол.), *белиж*, *желтушка*, *кутки-трава* (вят.), *белоголовник* (ворон.), *белица*, *нивянк*, *иванов-цвет* (Анн. Прост., 55).

Matricaria inodora: *проход*, *пугвена* (вят.) (Анн. Прост., 59).

Matricaria chamomilla: *сосонька*, *моргун* (Д IV, 103).

д е в я с и л

В этом названии отразилась магия числа «девять». Предполагалось, что растение излечивает от девяти недугов, ср.: нем. *Neunkraft*. Первоначально эта

¹¹³ [Болотов]. Сельский житель, экономическое в пользу деревенских жителей служащее издание, ч. I—II. М., 1778.

¹¹⁴ V. M a c h e k. Česká a slovenská jména rostlin, стр. 244—245.

способность приписывалась растению *Inula helenium* L., обладающим тонизирующими свойствами, а затем была распространена и на другие лекарственные растения семейства сложноцветных.

С.-хорв. *devesil*, *nevesilj*; болг. *devesil* 'Inula' (Mach., 241); укр. *debasyl*, *debatosylnyk*, *debatosyl*, *debat* 'syl', *debatosylnyk*, *divosyl*, *dybasylnyk*, *dybasyl*, *dyvesyl*, *dyvosyl* тоже (Mak., 189—190); чеш. *devětsil* 'Petasites' (Mach., 251); польск. *dziewięćsił* 'Carlina'.

Русск. *девясил* (томск.), *девятибрат* (перм. Анн. Б. сл., 349); *девятыха* (арх., красноб. В. М.; арх., приоз. Кимяг.); *девятуха*, *девятильник* (вят., перм., сибир. Анн. Б. сл., 349). Форма *девятильник* может быть результатом упрощения из *девятисильник*.

Праславянская реконструкция выглядит как **deve-silь*. Соболевский высказал мысль, что первая часть сложения в этом слове — старая форма винительного падежа числительного¹¹⁵.

п и ж м а

Путь этого слова тот же, что и у слова *ромашка*. Древневерхненемецкое *bisamo* 'мускус' проникло в польский и чешский языки в виде чеш. *pířto*, польск. *piřto* то же. В украинском, куда оно пришло из польского или чешского, слово было перенесено на *Tanacetum vulgare*, так как листья этого растения заменяют корицу и мускатный орех: укр. *пижмо*, *пизьмо*, блр. *пижма*. В русском языке слово встречается лишь в пограничных с Украиной и Белоруссией говорах: *пижма* (брянск. Тихан., 66), *пижма́к* (смол. Добр., 599). Русские литературные названия растений — как правило, южнорусизмы.

р я б и н к а

Собственно русское название *Tanacetum vulgare* *рябинка*. Растение названо так потому, что соцветие напоминает гроздь рябиновых ягод. Использованный в этом случае прием создания слова очень характерен для

¹¹⁵ А. Соболевский. Мелкие заметки по морфологии. — ФВ, т. LXIV, 1910, стр. 155.

названий растений вообще: ср. такие образования, как *колокольчики*, *баранчики*, *бубенчики* и т. д.

Название встречается в памятниках: «Трава имя ей *рябинка*; а годна та трава: бываетъ у челоуѣка въ гортани жабная болѣзнь, и тою траву парити въ горячемъ винѣ или въ ренскомъ уксуѣ, и тою травую теплою парить около гортани...» (1674 г.)¹¹⁶.

12 группа

В эту группу входят совершенно различные по форме, по цвету, по ботаническим признакам, но объединенные одним характерным свойством растения — все они медоносы. Во всех славянских языках их названия образованы от слова *мед*. В русском языке такие названия имеют *Spiraea ulmaria* L. (таволга), *Trifolium* (клевер), *Galeopsis tetrahit* L. (жабрей) и *Pulmonaria officinalis* L. (медуница).

медуница

Термин *медуница* наиболее архаичен из всех этих названий, суффикс *-н* присоединяется здесь непосредственно к старой *-и*-основе. Наличие этой формы во всех славянских языках позволяет восстановить для праславянского **medunica* 'название медоносного растения'.

Словообразовательная вариантность этого названия по русским говорам исключительно велика: *медуника* (сарат. Леоп., 36), *медуница* (смол. Добр., 407; брянск. Тихан., 37; моск., ворон. Анн. Прост., 76; курск. Вержб.); *медвянка* (пск., твер., ошаш. Доп. оп., 111); *медѣк* (влад., ковр. МДК, 11, 40); *медовик* (киров., вожгал. Гор., 285); *медовник* (ворон., бобр. Тороп., 344); *медовичник* (олон. Кул., 54); *медушник* (новг. Якуш., 82), *медуничник* (арх., красн. В. М.; смол. Добр., 407; брянск. Тихан., 37; твер., болог., удом. Строг., 58).

Мена суффикса *-ика/-ица* та же, что и в названиях ягод. Значительная часть форм выступает в значении соби-

¹¹⁶ Акты, относящиеся до сбора лекарственных трав и корней около Якутска. «Доп. к Актам историческим», т. VI. СПб., 1857, стр. 363.

рательном: *медуница* — *медуничник*; *медовица*, *медовик* — *медовичник*.

Распределенность значений этого слова имеет географические границы, так в олонецких говорах — это клевер, в архангельских и тверских — таволга, в московских и воронежских — медуница и т. д.

Украинский язык представляет то же обилие форм: *medovnyk*, *medovyčok*, *medunčyky*, *medunka*, *medynyča*, *medynyčnyk*, *medynyka*, *medynyšnyk*, *med'anik* (Мак., 32); чеш. *medulka*, *medunice*, *meduvka*, *medunek*, *medovnik*, *medunka* (Mach., 191 и др.); ст.-польск. *miodunka*.

к о н ь б а

Это — костромское диалектное название *Pulmonaria officinalis* L. (Анн. Прост., 76). Это отглагольное производное с суффиксом *-ба* от глагола *кѡнить* 'болеть, ныть, мозжить' (симб. Д³ II, 384). Последний сопоставляется с литовским *kanoti* 'quälen'¹¹⁷.

Pulmonaria издавна использовалось как лекарственное растение, о чем говорит и его латинское название.

13 группа

По своей структуре эта группа аналогична предыдущей. Многочисленные и разнообразные растения, обладающие способностью цепляться, виться, носят в русских говорах названия, отражающие этот признак. Географическая распределенность значений по говорам та же, что и в случае с любым другим диалектным словом. Теоретически число конкретных семантических микрополей равно числу возможных сочетаний всех элементов поля.

Обобщающим словом для называния вьющихся растений в русском языке служит слово *повилика*.

п о в и л и к а

Все словообразовательные варианты этого названия в качестве отправного пункта содержат глагол *вить*. Регулярное производное от *вить*, *повить* — *повой*,

¹¹⁷ J. Z u b a t ý. Slavische Etymologien.— AfslPh., XVI, 1894, стр. 395.

осложненное вторичной суффиксацией *повбень*; отричастные производные: *повитой* — *повитуха*, *повитѣль*; *повилой* — *повилика*, *повилица*. Причастие на -л- от глаголов *вить*, *повить* в русских говорах сохранилось хорошо: *повилая трава*, *повилой стебель*, *вилая капуста* (Д³ III, 362-363). Однокоренные образования от этого же глагола, но с иным суффиксом, *вьюн*, *вьюнок*, *вьюнчик* (Д³ III, 362).

Вариантность суффикса *-ика/-ица* абсолютно необоснована семантически; каждый из этих вариантов имеет притяжение к определенным территориям говоров (огрубленно *-ица* — север, *-ика* — юг) и отражает результаты фонетических процессов: *повилица* (смол., бельск. Добр., 612; вят. Прозор., 350); *повялика* (кур., орл. МДК 10, 106).

Близкие формы имеются в большинстве славянских языков: польск. *powój* 'Convulvulus', диал. *powójka*; укр. *повій*, *повійка*; н.-луж. *powitka*, *powiś*; в.-луж. *powitka*; словен. *rovitec*; болг. *повитица* то же; с.-хорв. *rovitka*. Семантическая модель повторяется и в других названиях: укр. *porłotyśa* от глагола *плетти*; ст.-чеш. *svlak*; полаб. *sávlok*; болг. диал. *svlak*, *slačec*, *sávlek*, образования, по мнению В. Махека, от корня **vel-* 'вить-ся'. Ср. лат. *convulvulus* то же.

14 группа

Небольшое семейство толстянковых включает оригинальные растения с мясистыми листьями: *Sempervivum soboliferum* Sims. и несколько видов *Sedum* L. Названия этих растений объединяют их с различными, главным образом лекарственными растениями других семейств. Так, *узик* — это *Sedum acre* L. и *Polygonum bistorta* L., *молодило* — *Sedum* и *Convallaria majalis* L. и т. д.

По сути дела данная группа названий объединяет целый ряд лекарственных растений, часть из которых съедобны.

узик

Все растения, носящие в русских говорах название *узик*, употребляются, выражаясь языком современной медицины, в качестве вяжущих средств. Это воздей-

ствие на организм издавна обозначалось глаголами *вязать*, *завязать*. Название *ýзик* есть старое отглагольное имя: (**vez-ati* > **oz-ikъ*) с суффиксом *-ikъ*. При воспроизведении той же модели, но современными словообразовательными средствами, растения назывались *завязный корень*, *завязник*. (См. Анн. Прост., 69, 74, Анн. Б. сл. 263; Д³ I, 1673 и др.)

о ч и т о к

Это литературное научное название *Sedum*, в говорах оно отмечено лишь в Воронежской обл., куда несомненно принесено украинским населением, так как в русском языке это название изолировано, а на Украине распространено очень широко в различных вариантах.

Соблазнительная мысль связать это слово с серб. *чити*, *-а, -о* 'целый, невредимый' должна быть отвергнута, потому что в русском языке (только псковские говоры) слово *читый* значит 'трезвый'; форма *очиток* предполагает наличие глагольной основы, отсутствующей в славянских языках. Приходится остановиться на более прозаическом объяснении: в украинском языке *Sedum* носит названия: *čysteč*, *čystyk*, *očystnyk*, *očystok*, объясняемые тем, что, как уже говорилось выше, эти растения употребляются от расстройства желудка или же, по другим сведениям, «свежая толченая трава прикладывается к раковым язвам, которые очищаются. Смешанный с коровьим маслом сок служит хорошим средством, уничтожающим сыпь и гнойные корки на голове» (Залес., II, 734). Один из вариантов названия, возникший, возможно, в результате забвения этимологических связей, *očytok* (Мак., 339), проник вместе с волной украинского населения в Воронежскую обл. В русских говорах встречается название *чистик* (Д³ IV, 1347).

р а с х о д н и к

— *Sedum* (орл. дмитр. Добр. Ж. Ст. 14, 321). В орловских говорах это явный украинизм, больше нигде в русских говорах это название не отмечено. Укр. *roschidnyk* имеет соответствия как в западнославянских, так и в южнославянских языках: чеш. *rozchodnik*, польск. *rozchodnik*, хорв. *razhodnik*.

В. Махек повторяет мысль Ростафинского о том, что расходник назван так потому, что он «расходится по земле» (Machek, 95), дает побеги, отростки (ср. укр. *rozchidki* 'отростки'), которые способны укореняться. Ср. латинское видовое определение *soboliferum*.

молодило

Произрастание сие есть род растения, называемого *молодило*.

Травник, 1792 г.

Слово *молодило* уникально с точки зрения формы, это почти единственный случай использования среднего рода в названиях растений в русском языке (ср. еще *просо*).

Мблодёнъ, молодило, молодильник, молодильная трава — *Sedum acre* (вят. Анн. Прост., 86; новг. череп. Герас., Ж. Ст. 177), кроме того, так называют *Sempervivum soboliferum* и *Convallaria majalis* (ландыш).

Последнее обстоятельство позволяет думать, что название отражает тонизирующие свойства растений; суффикс *-ло* (<**dlo*) несет значение орудия действия.

заячья капуста

Наиболее распространенное название всех растений семейства толстянковых (смол., ельн. Эк. общ., 30; смол. Добр., 262; дон. Мирт., 111; моск. и др. Анн. Прост., 86; Д³ I, 1673), укр. *zajača kapusta* (Мак., 340).

Словообразовательный тип названия отмечался нами неоднократно (см. статью *дятелина*); он исключительно широко распространен в названиях растений, ср.:

овес — *заячий овес*

греча — *воробьиная греча*

репа — *свиная репа, собачья репа* и т. д.

Нет ни одного названия культурного растения, которое не явилось бы основой для образования названий сходных дикорастущих растений.

Характер расположения листьев и съедобность отдельных видов (*Sedum Telephium*, *Sedum purpureum*) служит основанием для называния растений данной группы *капустой*. Эпитет *заячий* значит 'ненастоящий, дикорастущий'.

15 группа

Теперь я перехожу к названиям, обладающим меньшей степенью обобщения; это названия рода или даже одного вида растения, очень устойчивые по говорам и по языкам, по степени устойчивости нередко приближающиеся к названиям культурных растений. Это результат не только их внешнего своеобразия, индивидуальности, но и того, что они были несомненно прекрасно известны и использовались постоянно. Таково слово *лебеда*, которое во всех славянских языках служит названием трех близкородственных видов *Chenopodium album* L., *Chenopodium rubrum* L. и *Atriplex patula* L.

лебеда

Сею-вею лебеду на берегу.

Русская народная песня

По славянским языкам слово имеет несколько варьирующихся форм: *лебеда*, *лобода* и *лобуда*, которые распределены следующим образом: *лобода* — русские (диал.), укр., блр., словц., польск., в.-луж., н.-луж., болг., с.-хорв., словен.; *лебеда* — русск., укр. (диал.), чеш., польск., словен.; *лобуда* — русск. (диал.). В русских говорах наиболее распространенная форма *лебеда*, окраинные говоры *лобода* (арх., виногр. В. М.; орл., дмитр. Ж. Ст. 14, 321) и ярославское *лобуда*, наряду с *лобода*, *лебеда* (яросл., углич. Русин., 11).

Большинство авторов сходится во мнении, что это слово пережило ассимиляцию гласных¹¹⁸. Наличие в южнославянских языках форм с начальным *le-*, *lo-* говорит о том, что на праславянском уровне корень выступал на ступени редукции **lb-*; менее устойчиво представление о структуре суффикса **-oda* (тот же тип, что в слове **ag-oda*) или **-eda* (аналогии в близкородственном слове *лебеда* < **lbedь*), возможно, что существовали формы и с тем и с другим суффиксом, что привело к различным ассимиляциям. Ср. отраженный в памятниках древнерус-

¹¹⁸ V a s m e r. REW, II. стр. 21—22; F. S p e c h t. Der Ursprung der indogermanischen Declination. Göttingen, 1944, стр. 197; K. M o s z y ŋ s k i. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Wrocław, 1957, стр. 71; H. M a r z e l l. Wörterbuch der deutschen Pflanzennamen I. Leipzig, 1943, стр. 511.

ского языка вариант *лобеда* (Срезн., II, 37)¹¹⁹. Вариант *лобуда* может продолжать **olb-ǫda*. Очень характерен формальный параллелизм с названиями лебеда:

ǫb-ed-ь*/olb-ǫd-ь*

ǫb-ed-a*/olb-ǫd-a*

возможно, что существовали еще формы типа **elb-oda* и **olb-eda*, давшие различные результаты ассимиляции.

Оба слова, и *лебеда* и *лебеда*, восходят к общему корню со значением 'белый', широко представленному в других индоевропейских языках: лат. *albus* 'белый'; умбр. *alfu* 'белая'; греч. *ἄλφος* 'белая сыпь'; алб. *elr*, *elbi* 'ячмень'; н.-в.-нем. *Elbe* 'Эльба'; лат. *Albis* то же, первоначально 'Белая'.

Лебеда названа белой за светлые листья, как будто мукой обсыпанные, ср. укр. диал. название лебеда *мучник*¹²⁰.

Вторая, менее распространенная точка зрения на этимологию слова *лебеда* — стремление связать его с балтийскими формами (ср. лит. *balanda* 'лебеда') и объяснить появление одной из них перестановкой слогов¹²¹.

м а р ь

Это второе название *Chenopodium album* L., распространенное только в восточнославянских языках (Мак., 93). Так как «из травянистых частей (*Chenopodium album* L.) готовится красная краска» (Нейштадт, 187), то мы вправе сопоставить это слово с глаголами *марать*, *марить* и именами *маркий*, *марэна* (название растения, дающего красную краску). В таком случае слово *марь* — производное имя типа *бель*, *синь*, *чернь* и т. д. от корня **mar-* 'пачкать, красить'.

¹¹⁹ А. Соболевский. Мелкие заметки по славянской и русской фонетике. — РФВ, т. LXIV, 1910, стр. 117—118.

¹²⁰ Развитие у слова *лобуда* вторичного значения 'взор, пустяки', возможно, произошло из значения 'суи из лебеда, пустые щи'.

¹²¹ J. J. Mikko. Baltisches und Slavisches. Helsingfors, 1903, стр. 46.

бульняга

Местное, записанное мною в Новгородском р-не Новгородской обл., название лебеды *бульняга* может быть связано со словом *былье* 'трава', ср. польск. *bulica*.

Второстепенное название лебеды *паровица* (арх., красн.-б. В. М.; удм. Барашк 239) образовано от слова *пар* 'паровая папня'.

16 группа

Крапива — имя собственное для видов растений семейства *Urtica* L. Они не смешиваются с другими растениями, а имеют по говорам устойчивые и по форме и по значению наименования.

к р а п и в а

Слово общеизвестное (арх., виногр. В. М.; калуж., мещев. Черн., 155; ворон. Тороп., 340; перм., чув.-сов. Каюр., 320; курск. Халан., 105; орл. Будде, 125; тул., калуж. Будде, 42 и др.). В той же форме оно присутствует в других восточнославянских языках. Западнославянские языки дают вариант *коприва*: чеш. *kopřiva*; словц. *kopřiva*; в.-луж. *kopřywa*; н.-луж. *kopřywa*; полаб. *kjöpřewa*; польск. *pokrzywa*. Для праславянского реконструируются два диалектных варианта: **kopřiva* и **kropřiva*, в одном из которых несомненно наблюдается перестановка. Это не единственный случай перестановки в группах *kopř-/korp-*: ср. русск. *копреть* и *кропать*, *копер* (<**koprъ*) и *укроп*, старое название шелка *коприна* (так в южнославянских языках) отражено в древнерусском как *кропина*. Ср. в легенде о походе Олега на Царьград (Повесть временных лет) «паруса *кропинные*».

Думается, что М. Фасмер прав, считая исходной форму **kropřiva* и указывая на ее связь со словами *кропить*, *крапать*, *укроп* 'кипяток' (Vasmer I, 655), но семантическая аргументация, выдвигаемая им, мне кажется мало обоснованной. М. Фасмер пишет: «Эта этимология подтверждается со стороны реалий тем, что крапива применяется в качестве корма скоту, причем ее предварительно обваривают кипятком». Трудно представить

себе столь опосредствованное название растения. Крапиву дают скоту как в вареном, так и в сыром виде (изрубленные листья крапивы примешиваются к отрубям и соломе), она употребляется в пищу человеку, издавна крапива использовалась для приготовления сетей, веревок, мешковины и т. д., но все же самым основным и ярким признаком крапивы остается то, что она жжется. Этот признак отражают все другие названия крапивы: русск. *жегала, жигучка, стряжива*; чеш. *paláčka*; укр. *žaťuva, rekička, žalačka, žhička*.

Связь слов *кра́пить, кра́пать, укроп, крапива* мне представляется следующим образом: *кра́пить* значит 'брызгать', *кра́пать* 'падать редкими каплями, брызгами', *крап* 'мелкие пятна на фоне иного цвета', *укроп* 'кипяток' = 'вода, от которой летят брызги', *крапива* 'растение, обжигающее брызгами, пятнами'. Ср. еще одно название крапивы *стряжива* и *стрекать* 'доить корову, брызгать' (твер. Оп., 217), *стрекастый* 'пестрый в мелких пятнах', *острекатся* 'обжечься крапивой'. Ср. устойчивый фольклорный оборот «Ты, крапива, *стрекающая*» (Русские песни из собрания Якушкина, стр. 82).

Кроме того, зависимое отношение *кра́пить* — *крапива* подтверждается структурными деталями. Если бы слово *крапива* значило 'то, что поливается кипятком', то мы имели бы образование типа *бэливо, грúзиво, клáдево, тбчиво, крбшево, ма́кево, хлебово, жарево* и многие другие со значением результата действия, тогда как в слове *крапива* мы имеем образование со значением действия или орудия действия: ср. *молочíво* 'молотьба', *бруснева* 'снаряд для очистки льна' и др.

с т р е к а в а

Стрекива, стрекйша, стракива, стрякашина — название крапивы в русских северо-западных говорах (пск. Иероп., 592; петерб. МДК 11, 183; новг. МДК 11, 58; калин., болог., удом. Строг., 60; олон. Кул., 114). Все это производные от глагола *стрекать* 'обжигаться (крапивой), жечь, жалить', *стрекавый* 'жгучий, колючий'. *Стрека́ва* собственно 'жгучая', *стрекй́ва* образована по типу *крапива*.

Судя по многочисленным производным значениям у глагола *стрекать* наиболее древним является именно значение 'колоть, жечь'. Ср. еще *свербуха* 'крапива всех видов' (дон. Мирт., 286), при *свербить* 'колоть, чесать'.

ж г у ч к а

Жигучка (кур., орл. Кардаш. II, 348; смол. Куст., 9, 138); *жгучка* (яросл. Доп. Оп., 50), *жегала, жагала* (твер. каш. Оп., 56; твер. РФВ, 2, 191; твер. стариц. Флор., 77) — все это производные от глагола *жечь*, от-причастные в курских говорах: *жгучий* — *жгучка* и с суффиксом действующего лица *-ла* в тверских (ср. *запе-вала, обедала* и др.).

Близкие формы в большинстве других славянских языков: польск. *żegawka*, кашуб. *żogovka, żogawica*, н.-луж. *žagaјса*, в.-луж. *žahalca*, чеш. *žahavka*, словц. *žihl'ava*, словен. *ožagalica*, с.-хорв. *žigavica*.

От глагола *жалить* образовано томское название крапивы *ожальник* (Сл. Оби, 2, 210).

к о с т р и к а

Это название крапивы (ворон. Трост., 25) Даль дает с пометой [яз.] (Д³ II, 449).

Это слово входит в обширную группу родственных образований во всех славянских языках. В русском языке это в первую очередь название жесткой коры льна и конопли, отделяемой при трепании: *костйца, костйка, костйга, кострийца, кострийка, кострийга, костра́*. Кострика, сложенная в кучи, бабки, обычно сжигалась, отсюда возникло значение слов *костер* 'куча': «костер дров», «костер хворосту» и затем уже значение слова *костер*, известное литературному языку. Вероятно, от значения ненужной жесткой кожицы льна и конопли, составляющей отходы, сор, при обработке этих растений возник перенос этих названий на многочисленные сорные растения: русск. *костер, костра́, костёр* (*Bromus*); болг. *кострява* (*Alopecurus pratensis*); с.-хорв. *кострава* (*Festuca*), *кострба* (*Festuca*), *кострика* (*Ruscus*); словен. *kostreva, kostreba* (*Agrostemna githago*). Все это многочисленные производные от основы **kost-* (ср. *кость*) с расширителем *г*. Подтверждением этому служит не

только структура слов и их значения, но и наличие вариантов без расширителя: *костика* и др.¹²² На праславянском уровне реконструируется несколько парадигматических и словообразовательных вариантов: **kostrь*, **kostrь*, **kostra*, **kostrica*. Соотношение в русском языке форм *кострица*, *кострика*, *кострига* отражает типичные для русского языка словообразовательные синонимы суффикса *-ица*.

17 группа

В названиях хвоща различаются возрастные категории: ростки хвоща, молодой хвощ и взрослый хвощ.

п е с т и к

Молодые ростки хвоща в русских говорах называются *пестики*. Образ, лежащий в основе названия, прозрачен: молодой хвощ похож на пест.

Пестики, *пестье* (вят. Съед.); *пестóвник* (твер. Пупар., 200; арх., виногр., красnob. В. М.); *пестóк*, *пéстуха*, *пéстух*, *пестушняк*, *песткí*, *пéстка* (олон. Кул., 81; арх., приоз. Кимяг.); *пéстюшки*, *пестыши* (калин., стариц. Флор., 75); *пестигí* (костр., боговар. Азарх); *пестышкí*, *пестушки*, *пестик*, *пестовник* (Д³ IV, 1180); *опестыш* (олон. Кул., 72; влад., ковр. Доп. Оп., 161). Многообразие словообразовательных форм отражает степень словообразовательной свободы слова в говорах. Любой из уменьшительных суффиксов (*-ик*, *-ок*, *-ка*, *-ух*, *-уха*, *-ыш*) создает новое слово.

Аналогичные названия со стороны значения смоленское *толкачик* (*Equisetum* 'молодой') (смол. ельн. Эк. общ. 27) при *толкáч* 'пест'; олонекское *рогатка* 'хвощи вообще' при *рогатка* 'мутовка' (олон. Кул., 100), ср. еще лит. *piestelis* 'хвощ', нов.-в.-нем. *kolben* то же.

е л к а

Подростший *Equisetum* получает название *елки* (влад. Анн. Прост., 134; влад. Доп. Оп., 161; прибалт.

¹²² V a s m e r. REW, I, стр. 642.

Немч., 86) или *сосенки* (симб. Мотов., 30), так как напоминает хвойное деревце. То же образование в украинских названиях хвоща: *ivka, jałynka, smerička, sosanka, sosonka* (Мак., 139).

х в о щ

Так называется взрослое растение в русских говорах повсеместно (ряз., мещер. Строган., 227; перм., чусов. Каюр., 320; арх. Подв., 182; смол. Добр., 958; калин., стариц. Флор., 75; орл., тул. Будде, 144). Это название отражено в большинстве славянских языков: польск. *koszczka*; ст.-польск. *chościk, chwoszczki* pl.; польск. мазов. *chwoszczka*; укр. *хвоц*; блр. *хвошч*, словен. *chvošč*, с.-хорв. *hvošće*, болг. *хвоц*. Внешняя форма растения очень своеобразна, его сходство с пучком волос, хвостом отражено во многих других названиях *Equisetum* как в индоевропейских, так и неиндоевропейских языках. Ср. ст.-польск. *koński ogon* 'Equisetum hyemale'; польск. диал. *koci ogon, lisi ogon*; с.-хорв. *opašica*; макед. *коњски опаш*; болг. диал. *konska opaška, lisiča opaška* то же¹²³. Этот же семантический признак присущ и в латинском названии растения *-setum* из *saeta* 'щетина, жесткие волосы у животных' (ср. название хвоща в языке коми *урбѡж* собственно «беличий хвост»).

Олонецкие формы *фоцá* (олон. Кул., 127) и *воцá* (олон. Кул., 12) — отражают особенности произносительные, характерные для этих говоров: мена *хв > ф*, ср. *фост* 'хвост' и *в > ф*, ср. *фѣрес* 'верес'.

к ó р т е г а

В Заонежье, в Карелии хвощ называется финским словом *кóртега, кóртег, кóртюх, кóртюха* (олон. Кул., 41). Я. Калима выводит эти слова из кар., олон. *korteh* 'Equisetum', фин. *korte* то же. Русские *-ега, -ег, -еха* передают карельско-олонецкое *-eh*¹²⁴. Вариант названия

¹²³ W. Budziszewska. Słowiańskie słownictwo dotyczące przyrody żywej. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965, стр. 204.

¹²⁴ J. Kalima. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919, стр. 132.

хвоща *óхтага* (олон. Кул., 76) скорее всего следует считать ошибочным вместо *кóртага*.

Второстепенные названия хвоща: *кунья́к* (арх. Подв., 78); *песочна трава* (олон. Кул., 81), *пастушкí*, -ов мн. (пск., холм. Оп., 153); *пупышí*, -ей (пск., опоч. Оп., 153); *парбушки*, *бульбушки* (олон. Кул., 37); *земляные орешки* (Д³ IV, 1180; влад., ковр. Доп. Оп., 161).

18 группа

Все виды обширного семейства Polypodiaceae в народной ботанической систематике не различаются и носят одно общее имя.

папоротник

В русском литературном языке и архангельских говорах *папоротник*, *папертник* (олон. Кул., 78; дон. Мирт., 391); *пáпороть* (смол. Добр., 576; брянск. Тихан, 38; орл. болх. Сахар., 35), *пáпортъ* (прибалт. Немч., 207); укр. *папороть*; болг. *папрат*; с.-хорв. *páпрат*; словен. *páпрат*; словц. *papradie*; польск. *papróć*; в.-луж. *papróć*; н.-луж. *papróś*; праславянская форма **paportь*.

Ближайшим родственным словом в славянских языках служит русск. *пáпороток* 'птичье крыло', ср.: «*Папоротки* расправляет» (о птице) (яросл. Мельн., 141). Дальнейшие индоевропейские связи устойчиво повторяют модель: 'перо' — 'папоротник': лит. *papártis*, *papartỹs* 'папоротник'; лтш. *papaĩde*, *paparkste*, *paparksts* то же; др.-инд. *parṣāt* 'крыло, перо', авест. *parəna*- ср. 'крыло, перо'; др.-в.-нем. *farn* 'папоротник'; ирл. *raith* то же (из **prati-*). Семантическая аналогия в отношениях греч. πτερίς 'папоротник' и πτερον 'крыло'¹²⁵.

С точки зрения структуры все примеры делятся на слова с расширителем *-t-* (славянские, балтийские, кельтские) и с расширителем *-n-* (древнеиндийский, авестийский, древневерхненемецкий); кельтская форма отличается от балтийско-славянских иной ступенью основы.

¹²⁵ Mülenbacha Latviešu valodas vārdnīca. Brt. 3, стр. 80; V a s m e r. REW, Bd. II, стр. 313.

к у п о р о т н и к

К возникновению этой формы привел процесс диссимилиации, прошедший не только в части русских говоров (вят., урж. Магн., 30; тобол. Патк., 497), но и в чешском и словацком языках (чеш. *kaprad*, др.-чеш. *kapratie*, слвц. *kapratie*).

к о ч е д ы ж н и к

Это — тверское название папоротника (калин., стариц. Флор., 77). Это форма собирательности от слова *кочедыг* 'шило для плетения лаптей' (последнее, вероятно, тюркское по происхождению, ср. *кочедык*, *кодочик*, *ичетык*¹²⁶). Семантические основания этого названия не совсем ясны.

19 группа

Дикорастущий цикорий, хотя и относится к семейству сложноцветных, благодаря своей оригинальности не смешивается с другими растениями. На голых, лишенных листьев стеблях распускаются крупные голубые цветы.

б а т о г и

Основным народным названием цикория в восточнославянских языках служит слово *батогі*, *батожкі* (ворон.), *синие батогі* (вят. Пупар., 200), *петров батог*, *петровы батогі* (Д³ I, 92; Анн. Б. сл., 38). В украинском языке это литературное название цикория: «Обік нього виганяв сіре та вузлувате стебло *петрів батіг*» (Коцюбинский. Ак. сл. I, 36). *Батогі*, *-гов* 'высокие стебли щавеля' (смол. Кустар., 133).

В польском и украинском языках батогом называется плеть, в том числе плети огурцов, кабачков, тыкв, тогда как в говорах русского языка *батог* — это чаще всего палка, посох.

¹²⁶ И. С. В а х р о с. Наименования обуви в русском языке. I. Древнейшие наименования, до Петровской эпохи. Хельсинки, 1959, стр. 91—92.

На Дону калька украинского названия цикория звучит как *петров кнут* (дон. Мирт., 228).

Характер цветения цикория, напоминающего цветение тыквенных растений, вероятно, породил это название. В русский язык этот термин проник скорее всего из украинского, так как по-русски стебли такого рода растений носят название *плеть, плети*. Слово *плети* в значении 'стебли огурцов, тыкв' отмечено повсеместно в русских говорах (орл., болх. Сахар., 34; ворон. Жук., 330; моск., кашир. Манаен., 76; ряз., мешер. Строган., 215; пенз., лун. Пашк., 86; сарат. Чмых., 64; смол. Жак. 361; дон. Мирт., 231; яросл. Доп., 119; влад., ковр. МГУ), а слово *батогі* в этом значении не зафиксировано.

щербак

Приводимое Анненковым, как взятое из старинной рукописи, название цикория *щербак* (Анн. Б. см., 38) вероятнее всего восходит к западнославянскому источнику, где этим словом называется один из видов цикория: чеш. *šterbák*; укр. *щербак* (из польского?).

Наши старые рукописные лечебники пестрят польскими и чешскими названиями, поэтому сам факт не может вызвать удивления.

Слово *щербак* — производное от *щерба* 'зазубрина', возможно, в связи со струговидной формой листьев (Vasmer, REW, III, 450).

Второстепенные названия цикория *придорожная трава* (Анн. Б. сл., 38, без помет) при укр. *pryodorožnyk* (Мак., 97); *синий цветок* (сарат. Анн. там же); ср. серб. *модар цвијет* (Симон., 122).

20 группа

Пои же емоу пѣсни половецкыи оже ти
не восхочеть даи емоу поухати зелья
именемь *евшанъ*.

Волынско-галицкая лет. 6709 год

Острый горький запах придает удивительное обаяние этому внешне невзрачному растению. Два вида полыни не только отличаются в народном сознании от всех других видов растений, но не смешиваются и между собой: *Artemisia absinthium* L. — *полынь*, *Artemisia vulgaris* L. — *чернобыль*.

Равно ксть гор(е)сть ^т *пелына*^А
^т *нати* и ^т слова дерзновени
^т рѣзати

Пчела в список. XIV—XV вв

Полынь — символ горечи, «горький, как полынь», «полынь горькая трава» стали просторечно-фольклорными штампами, в аналогичных контекстах слово *полынь* встречается, начиная с древнейших памятников письменности.: «Наслаждает грѣтань твою, нослѣд грѣчее пелына обра- щещи» (Пов. вр. лет. по Переяслав. сп., 6488 г.); «Гор- ко велми боле пелына» (Жит. Андр. Юр. — Срезн. I, 13); «И медуу пелынь... подасть горесть, а медъ ни сЖгоубъ пелынь своеа сласти» (Григ. Наз. XI в. 170 — Срезн. II, 895).

По мнению С. Младенова и М. Фасмера, этот яркий признак лежит в основе названия полыни¹²⁷. Слово *полынь* считается родственным глаголам *полѣть* 'гореть', *палить* 'жечь'. Связь значений 'гореть, жечь' → 'горь- кий' очевидна. Махек тоже связывает слово *полынь* с *палить*, но объясняет это отношение тем, что полынь сжигали, ею окуривали в качестве профилактического средства от эпидемий¹²⁸. Предположение о связи слова *полынь* со словом *половый*, высказанное Преображенским¹²⁹, мало удачно и было опровергнуто Мейе.

По говорам и языкам слово *полынь* имеет незначи- тельное число вариантов: русск. *полынь* (орл. Добр.; дон. Мирт., 246; тоб. Скалоз., 14; перм., чусов. Каюр., 320; сарат. Чмых., 65), *полын* (колым. Богораз, 113; куй- быш., богат. Ухмыл., 343; дон. Мирт., 246; орл. Будде, 132; тул., калуж. Будде, 57), *попынок*, *попынки* (дон. Мирт., там же); *попыня* (калин., стариц. Флор., 76; прибалт. Немч., 238; ряз. Будде, 349); *пелымка* (тоб., тур. Скалоз., 14). Та же вариантность форм в других восточнославянских языках: *полын*, *попынь* (блр. Бойк., 218; Мак., 39), южнославянские языки продолжают

¹²⁷ С. М л а д е н о в. Этимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941, стр. 417; V a s t e g. REW, II, стр. 401.

¹²⁸ В. М а с х е к. Указ. соч., стр. 247—248.

¹²⁹ А. П р е о б р а ж е н с к и й. Этимологический словарь русского языка, т. 2. М., 1910—1914, стр. 103.

старославянские формы *пелынь*, *пелынь*. Западнославянские языки наряду с аналогичными формами (польск. *piolyn*, чеш. *pelyn*) сохраняют еще вариант с иным суффиксом: польск. *piolun*, чеш. *pelun*, луж. *połun*. Пра-славянская реконструкция неизбежно должна отразить колебания парадигматические: **pelunъ* м. р., **pelyni* ж. р., имевшие лингвогеографическую приуроченность.

ч е р н о б ы л ь

«Черною травой» *Artemisia vulgaris* L. названа за красноватые метелки в отличие от «седой» полыни (*Artemisia Absinthium* L.).

Это старое общеславянское слово: русск. *чернобыл*, *чернобыль*, *чернобыльник* (дон. Мирт., 354; новг., череп. Герас., 95; урал. Карп., 82; орл. Добр., 321; тобол., тур. Скалоз., 15; влад., мелен. Арх. АН. ф. 250, № 22); укр. *čornobyl*; чеш. *černobýl*; с.-хорв. *crnobil*, *crnobilnik*; словен. *črna bil*; праслав. **čъrnobylъ* — образовано сложением из **čъrn-* ‘черная’ и **bylъ* ‘трава’.

Называют чернобыль и просто травой: *быльняк* (пск., опоч. Оп., 19), *былец* (новг., череп. Герас., 22); польск. *bylica* ‘полынь’; в.-луж. *bul*, *bulica* то же (вероятно, из **byl*, **bylica*).

н е х в о р о щ ь

Это второе название *Artemisia vulgaris* L. *Нéхворощь*, *нефорощь* (яросл., рыбин. Водар.) Анненковым и Далем приводятся без помет. Учитывая лекарственное использование чернобыли, можно было бы связать слово *нéхворощь* с *хворощь* ‘болезнь’, но этому противоречат украинские формы: *нéхворощь*, *нéхвороща* (Гринч. II, 561), где место ударения скорее говорит о связи с *хворощь* (укр.). Мысль о том, что слово *нéхворощь* образовано от *хворощь* по типу *неглинок*, *неклен* и т. д., высказал Потеня, аргументируя это тем, что из полыни и чернобыли обыкновенно делали веники¹³⁰.

Оригинальную этимологию высказал В. Махек. Опираясь на обширный славянский материал и на сведения, что в древности разные виды полыни употреблялись как

¹³⁰ А. А. П о т е б н я. Из записок по русской грамматике, т. III. Харьков, 1899, стр. 47.

средство, предохраняющее от грома и молнии, он связывает это название с глаголом *chřestnúti* 'загрохотать'¹³¹. Западнославянские и южнославянские формы не противоречат такому мнению: чеш. *netřesk*; ст.-чеш. *nechrastь*; польск. (из чеш.) *netrzesk, nietrzasek*; словен. *netresk, natresk, natrsk, natrst, nastrk*; хорв. *netresk, netresak, netrest* и др. при ст.-чеш. *hromotřěsk*; ст.-нем. *Donnerkrut*.

Объяснение восточнославянских форм возможно только при условии предположения о проникновении формы типа ст.-чеш. *nechrastь* и освоения ее на местной почве с развитием полногласия и возникновения вторичного *в*.

евшан

как название полыни встречается только в Ипатьевской летописи под 1201 г. (*евшанъ, емшанъ*) и использовано в знаменитом стихотворении Майкова. Это тюркское название полыни чагат. туркм. *jaušan*, башк. *jušan* (Радлов, IV, 173), монг. *žuulan*, калм. *zulŋ*¹³².

Эпизодические названия полыни: *сухолом* (тоб., ялут. Скалоз., 15); *куровник* (куйб., богат. Ухмыл., 343); *конковник* (тоб., Скалоз., 15); *старик* (тоб., ялут. Скалоз., 15), *горькуша* (новг., череп. Герас., 165), *коневник* (тоб. Патк., 496).

21 группа

Манник (*Glyceria fluitans* L.), зерна которого употреблялись на приготовление каш под именем манной крупы (см. «Введение») наряду с зернами кровавого проса (*Digitaria sanguinalis*). Называли *манной* еще шишки чистяка (*Ficaria verna*).

манник

Широкое использование зерен манника славянами в древности (находки в Старой Ладогe VII—IX вв.¹³³)

¹³¹ V. M а с h e k. Указ. соч., стр. 96.

¹³² V а з м e r. REW, I, стр. 390.

¹³³ М. М. Я к у б ц и н e р. О составе зерновых культур из старой Ладоги. «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры», вып. 57, 1955, стр. 12.

заставляет склониться к объяснению этого слова, высказанному О. Н. Трубачевым. Он считает, что сближение слова *манник* с библейской *манной* — явление позднейшее. Слова *манник*, *манка* — славянские и связаны с глаголом *манить* 'обманывать' благодаря сходству *манника* с кровавым просом¹³⁴.

Соглашаясь с этой этимологией, я считаю возможным, однако, несколько иначе объяснить семантические отношения слов *манка* — *манить*. Естественно было бы назвать «обманным» несъедобное растение, а не то, которое пользовалось большой популярностью. Дело в том, что глагол *манить* в славянских языках значит не только 'обманывать', но и 'привлекать, соблазнять'. Ср. только в русских говорах: *манá* 'приманка, прикормка, привада, сласть, соблазн, что прельщает' (Д II, 773). «Ягода — *манá*, орех — сатана, гриб — пища» (смол. Добр., 398); «вино — *манá*», «*мана* манит, да бог хранит» (Даль, там же); *манкий* 'заманчивый, соблазнительный', *манко* 'привлекательно, приятно' (нижегор.), безл. 'хочется, желательно' (пск., твер. Даль, там же); «Как утерпеть, больно уж *манко*», «маслице *манко*, лиса не утерпела», «Хоть и *манко*, да удержусь» (вят. Васн., 129), *манный* 'лакомый, вкусный' (яросл. Мельн., 108). От значения 'приятный, привлекательный' естественный переход к значению 'сладкий, нежный'; *мань* 'вообще все привлекательное, сладкое' (кал., жиздр., мосал. Воскр.). *Манный* вкус 'сладковатый, нежный, мягкий', *манность*, 'мягкость, бархатистость, нежность' (Д II, 773—774). «Мед-то настоящая *манность*» (ворон. Д³ II, 775); «Одне ягоды сладкие и *манные*, а другие ягоды пьяные» (самар. Шейн, 57). Ср. еще польское диалектное название малины *manie*, *táń* (Варш. сл. II, 873). Естественно, что растение, из зерен которого варили нежную мягкую кашу, получило название *манника*, *манной травы*, *манки*, а каша тоже название *манной*. Позднее так стали называть кашу из молотых зерен пшеницы.

¹³⁴ О. Н. Труба ч е в. Из истории названий каш в славянских языках. «Slavia». Praha, 1960, seš. 1, стр. 13-15.

22 группа

В обширное семейство злаковых входит много старых культурных растений и еще большее количество сорняков. Как мы уже видели на примере названий растений семейств крестоцветных и бобовых, наименования культурных растений образуют независимый ряд, а наименования сходных с ними дикорастущих, сорных — ряд зависимый, производный. Эта зависимость выражается или присоединением эпитета со значением «ненастоящий», или суффиксацией. В группе названий злаков эти отношения выражены следующим образом:

рожь — *ржанец* (Phleum, Alopecurus, Dactilis, Festuca)

жито — *житец* (Bromus secalinus)

овес — *овсюг*, *овсюган*, *овсец* (Bromus secalinus, Avena pubescens)

Определение места лексемы в этом поле — задача некоторых, иногда уже решенных этимологий. Я остановлюсь на названии только одного злака *Triticum repens* L.

пырей

Происхождение слова *пырей* установлено давно: оно восходит к старому индоевропейскому наименованию пшеницы. Греч. *πυρός*, лит. *pirai*, в старославянском слово *пыро* значило 'полба' (один из видов пшеницы *Triticum spelta*), это же значение сохранилось в сербском и словенском языках: серб. *пйр* м. р.; словен. *pir* м. р., *pira* ж. р. 'полба'. В западнославянских и восточнославянских языках *пыреем* называют сорное растение (тоже один из видов пшеницы *Triticum repens*). Принято считать, что здесь произошел перенос названия с культурного на сорное, аналогичный процесс в древне-прусском и англосаксонском языках (др.-прусск. *pure* 'костер', англосакс. *fyr* 'пырей').

На самом деле здесь, вероятнее всего, имел место другой процесс. Слово *пырей* из **pyrjь* по форме прилагательное, образованное с суффиксом *-ь* от существительного **pyro*, сохранившегося лишь в части языков. Ту же производность форм можно наблюдать и в западнославянских языках: польск. *perz* из **pyrjь* или **pyrjь* с суффиксами прилагательных *-ь* или *-jь*; аналогичное образование чеш. *pyř*; блр. *пырник* — производное с суф-

фиксом *-ик* от основы имени прилагательного. Таким образом, в западнославянских и восточнославянских языках мы имеем не основное, а производное слово, значение которого может быть сформулировано как 'пшеничный, хлебный'.

В представленной выше схеме: (*рожь — ржанец* и т. д.) слово *пырей* занимает второе место, тогда как название культурного растения утрачено. Процесс замены старых названий культурных растений другими можно проследить на судьбе слов *жито*, *рожь*, *ячмень* в славянских языках.

Таким образом, словообразовательная структура слова *пырей* и его место в схеме предполагает не перенос названия с культурного растения на сорное, а утрату в восточнославянских и западнославянских языках старого названия пшеницы или вида ее: **pyro*.

В. Махек склонен давать происхождению слова *пырей* иное объяснение. Он апеллирует к мнению древних о возможности перерождения культурного растения в сорное¹³⁵. Эта точка зрения имеет определенные основания, но зависимое положение слова *пырей* в системе отношений: название культурного растения — название сорняка — остается постоянным.

Triticum repens L., кроме названия *пырей* (куйб., богат. Ухмыл., 343; тоб., тюкал., тур. Скалоз., 11; кург., галк. Старц., 133; ставр. Пан., 91; сталингр., ново-анн. Орл., 29; сарат. Моис., 55), называется еще *ржанец* (олон. Кул., 100; моск. Анн. Б. сл., 362; ульян. Алекс., 182), *житец* (орл. Анн. Б. сл. 362) и *поляк* (тоб., ишим. Скалоз., 11).

23 группа

Из семейства мальвовых на территории России распространены лишь два вида *Malva neglecta* Wallr. и *Malva pusilla* With. Старое славянское название мальвы *слез* в русском языке отсутствует. Зато очень широко распространены многочисленные названия, отмечающие очень своеобразную форму плодов мальвы, напоминающих печеный хлеб.

¹³⁵ V. M a s h e k. Указ. соч., стр. 283.

п р о с к у р н я к

А въ тѣ поры его (Юрия Васильевича)
парили въ корытѣ *проскурнякомъ*.

Из писем Василия Ивановича
к царице Елене, 1523 г. ¹³⁶

«Ти хóчишь, я табе *проскúрку* дам?» — говорят дети, играя семенами мальвы (смол. Добр., 737); *проскурка*, *проскурняк* (волог. Анн. Прост., 58); *проскурник* (влад., меленк. Арх. Ан. ф. 250, № 22); укр. *proskurky* (Мак., 224). Эти слова сохраняют широко представленный в древнерусских памятниках вариант названия просфоры — *проскура*.

Называют мальву и *просвирки* (Анн. Б. сл., 207) и *просвирняк* (орл. там же). Как в названиях кувшинок, так и в названиях мальвы постоянно воспроизводится одна и та же семантическая модель, в данном случае ‘изделие из муки, вид печенья’ — ‘растение’. Ср. *калачики* (моск. Анн. Прост., 58; дон. Мирт., 127; Д II, 77; Сл. Оби., 267); *пышечник*, *пышечка* (сарат. Моис., 55; тамб., семен. Анн. Б. сл. 207—208); *пряничник* (алт. Анн. там же); *лепешник* (пенз. Иссерл., 155); *плюшки* (моск., воскр. Ж. В.).

То же многообразие сравнений с различного рода печеньем и в других славянских языках. Ср., например, приводимые В. Махеком чешские названия: *chlebík*, *chlebiček*, *resenek*, *ragašky*, *kolačiky* (Mach., 147).

24 группа

Названия двух видов растений *Solanum nigrum* L. и *Solanum dulcamara* L. стоят особняком и относятся только к этим растениям. В севернорусских говорах это *паслен*, а в южных — *бзника*.

п а с л е н

Слово ограничено восточнославянскими языками: русск. *паслен*; укр. *паслин*, *паслина*, *паслін*. По мнению М. Фасмера, все эти формы восходят к **пасльнъ* или **пасльнъ*, состоящим из префикса *па-* и ступени чередо-

¹³⁶ Цит. по кн.: А. Ф. З меев. Былое врачебной России. СПб., 1890, стр. 24.

вания слова *слина* 'слюна'. Этимологию М. Фасмера подтверждает украинское название паслена *слуппук* (Мак., 349).

Слово *слина* 'слюна' отмечено в ряде северных говоров (прибалт. Немч., 301; яросл. Мельн., 187; олон. Кул., 108), *слиновáтик* 'молокосос, слюнтяй'.

б з н и к а

Несколько вариантов этого названия распространены в южной России: *бзника* (рост., роман. Рожк., 6; дон. Мирт., 21; чкал. Моис. 57; тамб., стал. Орл., 18; ряз. Дитт., 206); *бздю́ка* (брянск. Тих., 35; курск. Халан., 363; курск., орл. Кардаш., 229); *бздуні́ка* (орл., болх. Сахар., 8; кур. Кардаш., 229); *бзню́ка* (дон. Мирт., 21; ворон., нижнед. Полик., 320); *бздю́ква* (орл. Кардаш., 229); *бзника* (пенз., лунин. Пашк., 87); *позника* (пенз., лунин. Пашк., 87).

Растение использовалось как слабительное средство, отсюда название.

Второстепенные названия: *заматба́ка* (урал. Сл. 177); *собачьи ягоды* (урал. Сюз., 42).

25 группа

Выяснение названий, входящих в эту группу, достигается лишь в результате этимологического анализа. Исходными служат названия нескольких видов *Eriobium* — *кипрей*.

к и п р е й

Первоначально это слово считалось производным от названия острова Кипр¹³⁷. В. Махек предполагает, что *кипрей* — результат преобразования из *скрипун*, но все же считает слово неясным. Ф. Славский первый высказал мысль о праславянском характере этого слова и дал его развернутую этимологию. Название *кипрей* представлено во всех славянских языках: русск. *кипрей*; диал. *кипер*, *киперь* 'Stipa capillata'; укр. диал. *кипрей*

¹³⁷ В а ш е г. REW, I, стр. 559.

‘*Epilobium*’; польск. *kiprzyca* ‘*Epilobium*’; др.-польск. *kypr*, *kyprz* ‘*Galeopsis tetrahit*’; чеш. *kyprej* ‘*Lythrum*’; словц. *kypra*, *kyprina*; словен. *kĩprej*, *kiprc*, *ciper*, *ciprc*¹³⁸. Праслав. **kyprь*, **kyprь* с различными вторичными суффиксами в отдельных славянских языках: *-ica*, *-ina* и т. д. Ф. Славский считает, что слово **kyprь* образовано от глагола **kyrěti* ‘кипеть’ с тем же суффиксом *-r-*, что в словах **xutrь*, **mokrь*, **pьstrь*. Возможность такой производности со стороны значения он аргументирует многочисленными примерами из славянских языков, где существует прилагательное **kypru*: чеш. ‘рыхлый, пышный’, н.-луж. ‘слабый, утлый’, в.-луж. *kipru*, кроме того, еще ‘ломкий’; укр. диал. *kypruj* ‘пористый, мягкий, рыхлый’, болг. диал. *kipьr* ‘дородный, складный’, макед. *kipra* ‘красивая’, *kipri se* ‘украшать’¹³⁹. По Ф. Славскому, все эти значения развились из одного представления об увеличении чего-то, кипении, откуда, с одной стороны, значение ‘пористый, губчатый’, с другой — ‘слабый, бессильный’ и противоположное ‘дородный, красивый’. Ср. эпитет *пышный* для обозначения красоты. Название растения, по мнению Ф. Славского, возникло из-за опушенных семян, высыпаящихся («кипящих») из семенной коробки¹⁴⁰.

Эта мысль последовательна и вполне доказательна; отношения глагола *кипеть* и производного *кипрей* могут быть и такие, как у *буришь* ‘лить через край’ и *бурьян* ‘сорняк’. *Epilobium* разрастается очень бурно, особенно на порубках.

Но возможно и иное объяснение семантических отношений при сохранении формальной схемы. Есть основания предполагать, что глагол *кипеть* наряду с основным значением имел еще значение ‘пахнуть’ (ср. статью *купырь*). Вряд ли случайно, что различные пахучие растения носят в славянских языках однокоренные наименования: *кипрей*, *купырь*, *копер* (на праславянском уровне: **kyprь*, **kiprь*, **koprь*, дающие регулярные отношения гласной корня *u/ou/o*).

¹³⁸ Словенские примеры взяты из кн.: F. B e z l a j. Etimološki slovar slovenskega jezika (poskusni zvezek). Ljubljana, 1963, стр. 16.

¹³⁹ «Речник на македонски от јазик», I. Скопје, 1961, стр. 329.

¹⁴⁰ F. S ł a w s k i. Słownik etymologiczny języka polskiego, стр. 168—169.

иван-чай

Один из видов кипрея *Epilobium* (или *Chamaenerium*) *angustifolium* L. носит название *иван-чай*. По А. Соболевскому, имя *Иван* распространяется в России с XIV в. и приобретает большую популярность. Значительное число растений получает названия, связанные с этим именем: *иван-да-марья*; укр. *иван-зилля* 'синий зверобой', *иванок* 'зверобой', *иванчик* 'подмаренник', *ивасик* 'белый клевер' (Преобр. I, 262-263); русск. арх. *иванчики* 'колокольчики': «*ивáну'ик'и* — ива́ныма зва́л'и» (арх., приоз. Кимяг.), *иван-трава* '*Epilobium angustifolium*' (дон. Мирт., 383).

Растение было названо *чаем* потому, что его обычно заваривают вместо чая [ср. *дикий чай* '*Epilobium angustifolium*' (яросл. Якуш., 44)], но почему оно было названо *ивановым чаем*, сказать трудно. М. Фасмер считает, что растение назвали так потому, что из него готовили русский чай, но он же не исключает возможности связи с топонимом *Иван-город*¹⁴¹.

Несмотря на то, что само название возникло в русском языке довольно поздно, структура его очень архаична. Возможно, что первоначально слово имело форму **ивань-чай*, с позднейшим отвердением *н*.

копорка

Epilobium angustifolium назывался еще *копоркой*, *копорским чаем* (арх. Подв., 70). По мнению М. Фасмера, это наименование возникло от местного названия Копорье, где изготовляли чай из кипрея¹⁴².

горма

В говорах б. Олонецкой губ. это растение называется словом, заимствованным из финских языков: *гбрма*, *фбрма* (олон. Кул., 16). Я. Калима выводит это название из карельского *horma* (название того же растения), фин. *horma* то же. «Если слово было заимствовано из лапландского,— пишет он,— то понятен и вариант с *ф*, так как

¹⁴¹ V a s m e r. REW, I, стр. 468.

¹⁴² Там же, стр. 620.

в лапландском наблюдается мена *h/f*, ср. лапл. *horbma* 'Eriobium angustifolium', *foarbma* или *hoarmma* 'Rumex domesticus'»¹⁴³.

Эпизодические названия кипрея *скрыпень* (брян. Тихан., 80) и *красноголовник* (арх., красн. В. М.).

26 группа

Название растения *Agrostemna githago* L. *куко́ль* входит в семантическое поле слова *колокол*, как будет видно ниже.

куко́ль

Гой еси ты, солнце красное, не пали и не пожигай ты овощ и хлеб мой, а жги и пали *куко́ль* и палынь-траву.

Русская народная песня

Общеславянское и праславянское **kǫkolь* есть один из звукоподражательных вариантов названия колокола: **kolkol-* > *колокол*, **konkol-* > **kǫkolь* > *куко́ль*. В подтверждение этой этимологии М. Фасмер приводит англ. *cockle*, нем. *Klockenblome*. Один из дополнительных аргументов в пользу этой этимологии дают русские говоры. Головки льна и конопли по говорам носят названия *колоко́лка*, *колоко́лина*, производные от *колокол*. Абсолютно с теми же значениями выступает и слово *куко́ль*: 'головки льна после околачивания', 'головки конопли', 'семена и шелуха сорных трав'. Думается, что абсолютное совпадение значений здесь происходит потому, что это два варианта одного и того же слова.

Цветок растения *Agrostemna githago* L. напоминает колокольчик, образ, достаточно широко применяемый в названиях растений.

В. Махек склонен считать праслав. **kǫkolь* результатом метатезы слова, близкого по форме к нем. *Lolch*, в основе своей доиндоевропейском¹⁴⁴. Думается, что более простая этимология Фасмера ближе к истине.

¹⁴³ J. K a l i m a. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919, стр. 93.

¹⁴⁴ V. M a s h e k. Указ. соч., стр. 77.

27 группа

Названия дикорастущего лука и чеснока образуются по тому же принципу, что и названия других дикорастущих растений, сходных с культурными:

лук — дикий лук
гусиный лук
каменный лук и т. д.
чеснок — мыший чеснок
полевой чеснок
заячий чеснок и т. д.

Но в то же время есть несколько самостоятельных названий: для *Allium ursinum* — *черемшá* и *калбá*, для *Allium paniculatum* — *скородá*.

ч е р е м ш а

Это одно из самых древних слов в названиях растений, на индоевропейском уровне оно не имеет праформы, к которой могло бы быть возведено, а существует как цельное слово с тем же значением, что и в современных языках. По сути дела оно отражено почти во всех индоевропейских языках: греч. *χρέμωον* Hes. и *χρόμωον* < **kremisom*; в кельтских языках: ср.-ирл. *crim*, Gen. *creta*, кимр. *craf*; германские языки представлены многочисленными формами: англосакс. *hramsan*, англ. *ramson*, норв., швед., дат. *rams*, ср.-н.-нем. *ramese*, *remese*, др.-в.-нем. *ramusia*, н.-в.-нем. *rams* < прагерм. **hramusan*; литовское *kermùšė* параллельно славянским формам: праслав. **čermъša*, **čermixa* (русск. *черемшá*, *черемица*, *черемушка*, польск. *trzemucha*, серб., продолжающее формы с *k̂*, *srijetuš* m - *ša* f; *srijetuž*, -*ža*); сюда же относят санскритское название вида перца *kramika-h* и даже венетское *Cremona*¹⁴⁵.

¹⁴⁵ J. P o k o r n y. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949—1959, стр. 580—581; E. B o i s a c q. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Heidelberg, 1907, стр. 520; H. M a r z e l l. Wörterbuch der deutschen Pflanzennamen. Leipzig, 1937, стр. 210—211.

скорода

Южнорусское и поволжское название дикорастущего лука и чеснока (ряз. Дитг., 222; пенз., лунин. Папк., 87; Д IV, 204; ворон. Анн. Прост., 13). Миртов приводит донское *скбрда* то же. Ф. Миклошич и М. Фасмер считают слово заимствованным из греческого: ср.-греч. *схóрдоу*, греч. *схóродоу* 'чеснок'¹⁴⁶. Но ср. еще укр. зап. *скородь* 'полевой дикий лук и чеснок'¹⁴⁷.

калба

В Сибири (главным образом на территории б. Томской губ.) старое славянское слово *черемшá* вытеснено заимствованным *калбá* (том., ачин., кузнец., минус. Сл. р. яз. IV, 1, 207; IV, 5, 1422; камч. Д³ II, 341). Так, в шорском, лебединском, сагайском, койбальском называют то же растение *kalba*, телеутское *kalma*¹⁴⁸.

28 группа

Эта группа объединяет четыре водных растения: шильник (*Alisma plantago* L.), стрелолист (*Sagittaria sagittifolia* L.), водяные орехи (*Trapa natans* L.) и козелец (*Scorzonera tuberosa* L.). Первые два растения близко родственны и сходны внешне, но стрелолист отличается одной особенностью — его листья напоминают наконечник стрелы, вторые два растения внешне не сходны, но тоже растут в воде и имеют съедобные корневища или клубни. Схема отношений реалий и названий (вернее форм и значений) изображена в табл. 6.

батлачик

В научную литературу, как и в литературный язык, иногда проникает один из произносительных вариантов заимствования, не всегда наиболее точно соответствующий

¹⁴⁶ М. Фасмер. Греко-славянские этюды. СПб., 1909, стр. 185.

¹⁴⁷ И. Свенцицкий. Опыт сравнительного словаря русских говоров (галицко-бойковский говор). — Ж. Ст., год 10-й, 1900, стр. 227.

¹⁴⁸ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. II. СПб., 1899, стр. 270—272; Vasmег. REW, I, стр. 507.

	«Трапа»	«Alisma»	«Sagittaria»	«Scorzonera»
<i>батлачик</i>	+	—	+	+
<i>чилиим</i>	+	—	—	—
<i>водяные орехи</i>	+	—	—	—
<i>стрелица</i>	—	—	+	—
<i>шильник</i>	—	+	+	—

щий первоисточнику. Руководствуясь только литературным *батлачик*, трудно установить происхождение слова. В низовьях Волги, в Астраханской обл. и в примыкающих украинских говорах растения *Sagittaria*, *Trapa natans* и *Scorzonera tuberosa* называют *батлачик*, *мадлачик*, *батманцук*, *бодманцук*, *банцушник*, *батланцук*, *батлан*, *батманчук* (Анн. Б. сл., 73, 321, 356; дон. Мирт., 377; Мак., 322). Все эти варианты — результат всевозможных модификаций с заимствованным из татарского языка названием водяных орехов (*Trapa natans* L.) *batmanсыq*¹⁴⁹. Наиболее близка к исходной форма *батманчук*. В татарском языке слово *batmanсыq* — уменьшительная форма к слову *batman*, имеющему значение различных мер веса (в том числе ‘полный горшок, кувшин’)¹⁵⁰, так что *batmanсыq* может значить ‘кувшинчик, горшочек’, название водяных орехов по форме, аналогичное русскому *котелки* тоже (Д I, 407).

чилиим

Уральское название водяных орехов (урал. Карп., 83; урал. Шейн., 49, Д³ IV, 1340) тоже несомненно заимствование из тюркских языков: кирг. *джилим*; тат. *чилиим*, *шюлим*, *гилим* (Анн. Б. сл., 356-7).

стрелица

Русское архангельское название *Sagittaria sagittifolia* — *стрелица* (арх., приоз. Кимяг.) соответ-

¹⁴⁹ Tatarca-ursca syzlek. Казань, 1931, стр. 42.

¹⁵⁰ *Патман* ‘полный горшок’, *батман* ‘глиняная посуда вроде кувшина’: Г. Г. Мельниченко. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961, стр. 29.

ствуует украинскому *strila, striłka, strityća* (Мак. 322), польскому *strzałka* то же. Как и в случае со словом *трилистник*, кажется более правдоподобной мысль, что это собственно славянское слово, а не калька латинского термина. Выделяемый признак растения настолько ярок и оригинален, что названия такого рода могли самостоятельно возникать в разных языках: ср. чеш. *šipenka*, в.-луж. *šipica* (при *šipica* 'стрела') (Mach., 262), хотя В. Махек склонен считать все эти названия кальками с латинского. Но ср. еще: н.-луж. *mil*, блр. *милица*, сопоставляемые с лит. *smailūs* 'острый'¹⁵¹, польск. *uszycą, uszne liście*, которое может быть производным от корня в значении 'колоть'.

водяные орехи

Болотные орехи, колкие орехи, чертовы орехи — имеющие общеславянское распространение названия *Трапа natans* L. Ср. укр. *orix bolotnyj, bolot'anuj, čortiv, plavňovuj, vod'anuj* (Мак., 374); чеш. *vodní, blatní, čertív ořech*, польск. *orzech wodny*, с.-хорв. *vodani orah* (Mach, 151). Трудно сказать, что здесь самостоятельно, а что является калькой немецких названий *Wassernuss, Teichnuss, Stachelnuss, Seenuss, Spitznuss* и т. д.

Второстепенные названия *Трапа natans* *рогозники, рогольки* (том. Анн. Б. сл., 354); *Sagittaria* *гусиные лапки* (дон. Мирт., 71), *болотник* (твер. Пупар.), *гусятник* (сарат. Анн. Б. сл., 308), *kozy* (там же).

29 группа

Два растения небольшого семейства касатиковых *Iris* (ирис) и *Gladiolus imbricatus* (шпажник) имеют часть наименований общую с растением другой группы — аиром (*Acorus calamus*). Все названия этих растений метафорические и отражают их сходство с тем или иным предметом.

¹⁵¹ О. Н. Трубачев. О праславянских лексических диалектизмах серболужицких языков. «Серболужицкий лингвистический сборник». М., 1963, стр. 16.

касатик

Слово *касáтик* — старое праславянское название *Iris*. Ср. русск. *касатик*, *касатник*, *косарь*, *косица*; укр. *kosateń*, *kosyteń*, *kosatyk*, *kosaryky*; польск. *kosaciec*; чеш. *kosatec*; праслав. **kosatъсь*, **kosatikъ* от **kos-at-* в значении 'растение с листьями, похожими на косы'.

сабельник

Подобно чеш. *teřík*, русские названия ириса, аира и шпажника — *сабельник* (так же, как и *шпажник*) — вероятнее всего калька нем. *Schwertel*, лат. *gladiolus*; ср. аналогичное польск. *mieczyk*, хорв. *mačic*, *mačinas*.

петушки

Петухами, *петушками* называются многие растения. Этот образ так же устойчив, а название так же обобщающе, как *лопух* или *кашка*. Как *лопухом* называют любое растение с крупными листьями, *кашкой* — растения с мелкими цветами, собранными вместе, так *петушками* обычно называются растения с голым стеблем и кистью цветов наверху. Достаточно вспомнить детскую игру «в петуха и курочку». По говорам *петухами* называют цветущий щавель (вят. Зелен., 113; твер. МДК, 345), цветы клевера (олон. Кул., 97); льнянку (там же); *кочеток* 'стебелек' (ряз. Будде, 57).

Названия *Iris* и *Gladiolus* в украинском и русском языках отражают все многообразие названий петуха:

петух — *петушки*, *pitušky*

кочет — *кочеток*, *кочетки*

когут — *kohutyk*

певень — *певенники*, *pivnyk*, *pivnyky*,
pivonnyk

30 группа

Два растения в русском языке носят странное название *буквица* (*Betonica officinalis* L. и *Primula veris* L.), первоцвет, известный в народе под именем *баранчиков*. Я оставляю в стороне многочисленные иные названия этих растений, а останавлиюсь только на названных двух.

б у к в и ц а

Это общеславянское название *Betonica officinalis*: русск. *буквица*, *буковица*, *буковина*; укр. *bukvúca* (Мак., 55); ст.-чеш. *bukva*, *bukvice* и *bukovice*; словц. *bukvica*; польск. *bukwica*, *bukwa*, *bukwica*; хорв. *bukvica* (Маш., 198—199).

В русском языке это слово широко распространено в говорах: *буквица* (тул., орл. Будде, 117; олон. Кул., 7; Д I, 139); *буковица* (смол., ельн. Добр., 43; орл., кур. Кардаш., 259; орл. Добр., 321). Ср. еще: «Вели, государь, миѣ дать для моей головной болѣзни из своей аптеки:... водокъ: свороборинной, *буквиной*...»¹⁵².

Попытка этимологизации этого интересного названия есть лишь у Ростафинского. Он объясняет происхождение его тем, что *Betonica* имеет сросшиеся, как у бука, листья.

Если эта этимология верна и название травянистого растения связано с названием дерева, то тем более любопытно устойчивое сохранение слова *буквица* в русских говорах, тогда как слово *бук* в русских говорах отсутствует, потому что дерево на территории России не растет.

б а р а н ч и к и

Это образное название употребляется по отношению к первоцвету (*Primula veris*) и будре (*Nepeta glechoma*). Называют *баранчиками*, *барашками* также почки на вербе, иве. Отношение 'овечки, ягнята' → 'почки на вербе' представлены многочисленными примерами: ср. укр. *базя* 'овца' и 'сережка на дереве', *багниця* 'овца' и 'верболоз'; блр. *багня* 'пушистая почка на вербе'; польск. *bagniatko*; словц. *bagnitka* то же. В основе образа лежит представление о чем-то белом и кудрявом. Ср. *барашки* 'пена на волнах, кудрявые светлые волосы' (Д³ I, 120).

Эпизодические названия *Primula veris*: *куритина*, *горлуна*, *скороспелка*, *божьи-ручки*, *кудель*, *ключики*, *одкашник* (смол. Добр., 522; Д I, 340), *Betonica officinalis* *дыман*, *полевой шалфей* (Д³ I, 340).

¹⁵² Акты исторические, т. III. СПб., 1842, стр. 289.

31 группа

Растение *Stellaria media* L. особенно хорошо сохраняет влагу, поглощая ее не только подземными, но и надземными частями. Эта особенность нашла свое отражение в восточнославянском названии растения.

мокрица

Это имя собственное для *Stellaria media*. Русск. *мокрица* (моск. Анн. Прост., 91; арх., приоз. Кимяг.; арх., виногр. В. М.; смол. Добр., 414; олон. Кул., 57; киров., вожг. Гор., 286; арх., печор. Иваш., 158; новг., пооз. Овч., 297; арх. Гранд., 197); *мокрец* (новг., череп. Герас., 55; твер., мст. Строг., 64; волог., устюж. Диал. сб., 32; симб. Мотов., 25; Д³ II, 881), *мокришка*, *мокруша* (Сл. Оби, 2, 151); укр. *токрес*, *токре́с*, *токру́са*, *токрупе́с* (Мак., 360); блр. *мокруха*.

В других славянских языках в основу названия растения положены иные признаки (см. Machek, 74—75).

32 группа

Объединяет значительное число душистых растений семейства губоцветных: душицу (*Origanum vulgare* L.), паучку (*Calamintha clinopodium* L.), мяту (*Mentha*), шандру (*Marrubium vulgare*). По тому же признаку, сильному запаху, в эту группу включается несколько растений других семейств: душистая фиалка (*Viola odorata*) и базилик (*Ocimum basilicum*). По принципу внешнего сходства сюда же примыкает и непахучее растение будра (*Nepeta glechoma*).

В центре этой группы стоят два слова: название культурного растения *мята* и славянское название ароматических растений *душица*. Так же, как и в других группах, по принципу сходства и в то же время отличия от культурного растения, образуется большое число производных названий, основой для которых служит название культурного растения. Ср.:

мята	}	дикая мята
		глухая мята
		конская мята
		кошачья мята
		лесная мята
		собачья мята и др.

мята

Культура мяты, как и многих других пряностей, была заимствована. Первое упоминание мяты в древнерусских текстах относится к 1119 г. (Юрьевское евангелие).

Пути заимствования слова *мята* остаются неясными. М. Фасмер в «Греко-славянских этюдах» считает восточнославянскую форму *мята* заимствованной из лат. *mentha*, а западнославянскую *metwa* из среднегреческого¹⁵³. Мысль о заимствовании из греческого поддерживают Кипарский и Махек; последний все формы выводит из греческого¹⁵⁴. В этимологическом словаре русского языка Фасмер отказывается от своей первоначальной точки зрения ввиду наличия западнославянских форм и предполагает, вслед за Миклошичем и Преображенским, заимствование из латинского через германское посредство (ср. гот. *mintā*).

душица

Общерусское и этимологически прозрачное слово, образованное от *дух* 'запах'. Все среднерусские, южнорусские говоры, говоры Поволжья и Сибири имеют слово *душица* как название *Origanum vulgare* и некоторых других пахучих растений. В северо-западных и части северных говоров с этой целью употребляется слово *духмянка*, *душмянка*. Это образование от прилагательного *духмяный*, *душмяный* 'душистый'. Тип прилагательных с суффиксом *-мян-* распространен главным образом в северо-западных и части северных говоров. Как правило этот суффикс присоединяется к основам, оканчивающимся на *с*, *х*, *ш*, реже *к* и *д*. Ср. *слухмяный* 'имеющий хороший слух', *послухмяный* 'послушный' (смол.,

¹⁵³ М. Ф а с м е р. Греко-славянские этюды. СПб., 1909, стр. 132.

¹⁵⁴ V. M a s h e k. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954, стр. 203.

слоб. Кустар., 121); *сухмяный* 'сухой' (арх., приоз. МГУ), *тусьмянный* 'тусклый' (волог. Потан., 231), *редменный* 'редкий' (мар. Моисеен., 318).

Северному *-мян-* в южных говорах соответствует *-мён-*: *слузмённый* (брян. Тих., 82; тул. МДК 9, 57); *по-слузмённый* (орл. Будде, 132).

Вариантность здесь, возможно, заключалась в присоединении вторично суффикса прилагательных *-ьн-* и в отсутствии его: **сух-теп-ъьн-* и **сух-теп-ьн-ъьн-*, первое дало *сузмённый*, второе — *сухмяный*.

Для названия этих растений использовались и другие словообразовательные возможности: простое определение: *душная трава* (перм.) ср. перм., *душнбй*, олон. *дүшний* 'душистый', образование с суффиксом *-анка* — *душанка* (свердл.); суффикс *-к (а)* — *дүшка, дүшки*.

Число второстепенных названий этих растений очень велико: *Mentha piperita* *холодянка* (удм. Бараш., 284); *Mentha arvensis* — *глухая мята, глушница, перекоп* (удм. Бараш., 271; Д³ III, 978); *Origanum vulgare* *материнка, зеновка, ладонка* (волог. Анн. Б. сл., 235), *синявка*; *Cliprodium* — *пахучка, василечки, шаружник, матерник, базилика, дикий василек*; *Viola odorata* — *маткина дүшка*; *Ocimum basilicum* — *базилик, василек*; *Nepeta glechoma* *подбируха, плющик* (вят.); *котовник* (вор.), *расходник* (юж.), *котовник* (птрб.), *сороконедужная, баранчик, будра*; *Marrubium vulgare* — *шандра*.

33 группа

Пряное растение тмин (*Carum carvi* L.) носит два названия; одно исконное, второе заимствованное, причем последнее, будучи литературным, постепенно вытесняет народное наименование.

г у н ь б а

Старое русское название тмина, представленное довольно широко (олон. Кул., 18; арх. Подв., 36; волог. В. г. в., 1852, 46; тоб. Скалоз., 22; прибалт. Немч., 75; Д I, 408).

Происхождение слова неясно. Кроме растения, *гуньбой* в говорах называют еще сыпь во рту у грудных де-

тей, молочницу. Для последнего слова можно предположить такой путь развития: глагол *гунить* в говорах значит 'говорить', *гуньба* — отглагольное имя типа *ходьба*, *пасьба* с предположительным значением * 'разговор' и 'наговор', ср. *озев* 'болезнь от наговора' от *зевать* 'кричать' и др. Так как большая часть детских болезней считалась возникающей от дурного глаза, злого слова, то, естественно, что молочницу называли таким образом.

Название растения произошло уже, вероятно, вторично от названия болезни в результате внешнего функционального сходства: семенами растения посыпают хлеб, печенье (молочница тоже «высыпает», «посыпает») и т. д.

т м и н

Путь заимствования этого слова тот же, что и у многих других заимствованных названий растений: из одного из западноевропейских языков в польский, из польского в украинский, а затем в русский язык.

Первоначальный источник слова греч. *χρίνον*, в свою очередь проникшее из семитских языков. В латыни греческое заимствование было отражено как *сипит*, *сутипит*. Из др.-в.-нем. (где слово звучало как *кимин*) или непосредственно из латинского название растения проникло в польский в виде *кмин*, оттуда в украинский, который представляет многочисленные варианты: *стип*, *ступ*, *кмен*, *ктеи*, *кмин*, *кми*, *ктуп*, *тмин*, *ттуп* (Мак., 85). В русские говоры и в литературный язык слово проникло через украинское посредство, поскольку мы имеем литературное *тмин*, а не *кмин*, как было бы при заимствовании непосредственно из польского. Русские говоры дают несколько своих вариантов приспособления чужого слова: *кмин*, *кимин* (Д IV, 408), *тимон* (моск. Черн., 156; Д там же).

Прибалтийско-псковское *кмин* (прибалт. Немч., 123) может быть пришло прямо из польского языка.

Появление *t* на месте *k*, вероятно, связано с таким посредствующим звеном, как *стип*.

* * *

Рассмотренный в этой главе материал составляет лишь небольшую часть всех названий травянистых рас-

тений в русских говорах. Но так как принцип отбора этих названий был не лингвистический, то мне кажется, что выводы, сделанные на основании даже незначительного материала, могут иметь определенную доказательную силу.

Эти выводы должны коснуться нескольких сторон: происхождение рассмотренных названий растений и их относительная хронология, их словообразовательная и семантическая структура и лингвистические данные для истории культуры.

Данная группа слов хронологически неоднородна, часть из них архаична, другая, напротив, относительно поздняя по происхождению.

Самый древний пласт — это те названия, которые относятся к индоевропейской эпохе, когда праславянский был еще одним из диалектов индоевропейского. Сюда относятся семь слов, архаичных по своей структуре, которые не только могут быть проэтимологизированы лишь на индоевропейском уровне, но в других индоевропейских языках им соответствуют названия тех же или близких растений. Таковы слова *черемиа*, *пырей*, *осот*, *очерет*, *напороть*, *сута́* и *тростник*. Праслав. *čermъša < *kermusja имеет соответствия в большинстве индоевропейских языков: греч. κρέμμων и κρόμμων, ср.-ирл. *crim*, кимр. *craf*, англосакс. *hramsan*, др.-в.-нем. *ramusia*, н.-в.-нем. *rams*, лит. *kermūšė*, возможно др.-инд. *kramuka-ḥ* и венет. *Cremona*.

Соответствия для праслав. *pyro имеются в балтийских, германских, греческом и древнеиндийском: лит. *pūrai*, др.-прусск. *pure*, англосакс. *fyr*s, греч. πυρός, др.-инд. *pūras*.

Для праслав. *paportь есть параллели: лит. *papártis*, *papartỹs*, лтш. *papaĩde*, *paparkste*, др.-в.-нем. *farn*, ирл. *raith*.

Праслав. *ostь, греч. ἄκνος, ἄκνωθος; в балтийских родственная форма имеет иное значение.

Для праслав. *sitь, *sita имеется соответствие в др.-исл. *sef* 'осока'.

Праслав. *trьstь соотносится с лит. *trušis*, греч. θρωον; а *čertь с др.-ирл. *curchas*.

Любопытно как семантическая, так и реальная сторона этих названий. Значения их исключительно устойчивы во всех индоевропейских языках, между всеми приводимыми

параллелями может быть поставлен знак равенства со стороны значения. Этимологически они разнородны, такие, как **čertъša* и **pyro* не имеют этимологии; **raportъ* входит в большую группу индоевропейских слов в значении 'летать', 'перо, крыло' и является названием образным, но тем не менее очень устойчивым. Такие формы, как **osъtzъ*, **sita* и **čertъ*, есть лишь одно из проявлений или образований обширных этимологических гнезд, первое со значением 'острый, острие, шип', вторые со значением 'плести, гнуть'.

Со стороны реалий это названия дикорастущего лука, пшеницы, папоротника, осота и трех озерных растений, употребляемых для плетения.

Второй значительный пласт составляют праславянские наименования, возникновение которых может быть с большей или меньшей степенью вероятности отнесено к праславянской эпохе. Таких слов сорок, что составляет немногим менее трети всех рассматриваемых слов.

Названия, представленные во всех славянских языках или во всяком случае во всех группах славянских языков: **loruxъ*, **drěstъ*, **rogozъ*, **bodъ*, **kyslica*, **goruxa* / **gorъčica*, **žeruxa*, **deŭelina*, **ŭboda* / **leboda*, **kropiva*, **rěръь*, **devesilъ*, **pelyni* / **pelunъ*, **čъrnobyлъ*, **mana* / **manъka*, **kyръь*, **odolěnzъ*, **svъrbigozъ*, **bъršъ*, **bedръньсь*, **ščavъ*, **bukvica*, **medunica*, **melъ*, **kъkolъ*, **sverěръ*, -a.

Названия, существующие лишь в восточнославянских и западнославянских языках, праславянское происхождение которых доказывается архаичностью их структуры: **lototъ*, **palъka*, **deglъ*, **koničina*, **xvošъ*, **kosatъсь*, **lědvěньсь*.

Диалектные формы, праславянское происхождение которых может быть доказано: **kyръ*, **gorupa*, **orzходъnikъ*.

Значения этих слов тоже достаточно устойчивы в славянских языках, но иногда довольно общи: **medunica* 'медоносное растение', **melъ* 'растение с белым соком', **kyslica* 'кислое растение'. Признаки, выделяемые в растениях, очень многообразны: вкусовые качества: **kyslica*, **goruxa*, **pelyni*, **mana*, **ščavъ*, **bъršъ*; лекарственные свойства: **drěstъ*, **devesilъ*, **odolěnzъ*, **bedръньсь*, **deglъ*; внешние свойства (форма, запах, цвет и т. д.): **loruxъ*, **rogozъ*, **bodъ*, **ŭboda*, **kropiva*, **rěръь* и др.

Круг растений очень велик: это представители различ-

ных семейств, самые разнообразные свойства которых были уже, по-видимому, достаточно хорошо известны.

Современное состояние русской народной ботанической терминологии характеризуется несколькими чертами: наряду с сохранением архаизмов, обилие местных диалектных названий; активное проникновение заимствований на севере и северо-востоке из финских (*в́ахта, кáржла, хáньга, пúчка, кóртеха, гóрма* и др.), а на юго-востоке из тюркских языков (*батлaчик, сусак, камыш, кугá, áир, чáкан, бодран, тукмачи, гардал* и др.). Отчетливо видна роль южнорусских говоров в формировании русской литературной ботанической терминологии. А так как в лексике южнорусских говоров, особенно курских, донских, воронежских, значительный процент составляют украинские заимствования, то усиливается роль последнего в формировании русской литературной терминологии. Украинский язык в свою очередь является активным посредником в передаче полонизмов, чехизмов, тюркизмов, а нередко и заимствований из немецкого и латинского языков. Русский литературный язык, оказывая активное влияние на народные говоры, приводит к замене местных народных названий литературными. Очень характерна в этом смысле судьба таких слов, как *ромашка, пижма, аир, буркун, очиток* и мн. др. Типично и вытеснение старых славянских наименований новыми заимствованиями, ср. распространение таких слов, как *камыш, кугá, калба́* и др.

Описание словообразовательных закономерностей на основании ограниченного материала может быть только довольно общим и позволяет наметить лишь основные характерные черты. С формальной стороны названия травянистых растений не имеют принципиальных отличий от названий предметов вообще. Вероятно, достаточно древним, получившим значительное распространение в славянских языках, но затем постепенно угасшим, был тип сложений-приложений: *разрыв-трава, плакун-трава, царь-трава*. Этот тип сложений подробно описан Потемней и восходит, по его мнению, к периоду недостаточного разграничения существительного и прилагательного¹⁵⁵. Сте-

¹⁵⁵ А. А. Потемня. Из записок по русской грамматике, т. III. «Об изменении значения и заменах существительного». Харьков, 1899, стр. 172 и след.

пень свободы этих сложений различна, в условиях метафорического названия они представляют некое неразложимое целое, ср., например, *бык-трава*, *царь-трава* и др. В случае неметафорического названия такие сложения свободны: ср. «*шишабар-трава* всем травам трава», *дягиль-трава* и «есть трава *дягиль*». Старинные лечебники, травники, рукописи показывают, что обычай такого названия достаточно стар, но постепенно угасает.

Рассматривая структуру собственно названия растения, можно выделить целый ряд архаичных форм: на индоевропейском уровне расширители *-t-* и *-s-* (ср. **osъtъ*, **raportъ*, **čertъ ša*).

На праславянском уровне целый ряд продуктивных суффиксов: *-jъ* (**xvošъ*, **bъršъ*, **melъ*); *-uxъ*, *-uxa* (**loruxъ*, **rěpuxъ*, **goruxa*, **žeruxa*); *-ica* (**kyslica*, **bukvica*, **gorъčica*); *-lъ*, *rъ* (**dęglъ*, **kiprъ*, **bodlъ*); *-ъjъ* (**ščavъjъ*, **pyrъjъ*, **kypъjъ*, **rěpъjъ*); сложения: **svъrbigozъ*, **devešiltъ*, **čъrnobyлъ*; редкие суффиксы *-oda* в **lъboda*, *-ozъ* в **rogozъ*, *-iva* в **kropiva*, *-ěpa* в **sverěpa*, *-yni* в **pelyni*.

Следует отметить как характерную черту колебания парадигматические, типа *сит*, *ситá*, *ситель*, *рогоз*, *рогоза*, *трестá*, *тростá*, *тресть*, *трость*; *осот*, *осота*, *осоть*; *польнь*, *pelun*.

Продолжает действовать тенденция метафорических наименований: **kъkolъ*.

Современное состояние (понимая этот термин широко) характеризуется многими моментами. Наметившееся еще в глубокой древности стремление к метафорическому называнию растений продолжает усиливаться. Большое число суффиксов, получивших на протяжении истории языка значение экспрессивных, уменьшительных, активно выступает в роли словообразующих, значительную роль играют формы множественного числа, ср. наряду с такими образованиями, как *дудка*, *кашка*, названия типа *пéстики*, *червышки*, *баранчики*, *балаболки*, *чаюшки*, *кувшинчики*, *запонки* и т. д.

Очень характерна для говоров, как для разговорной ненормализованной формы языка, исключительная свобода словообразовательной модели слова. Постоянными компонентами остаются лишь основа и набор суффиксов. Ср., например, использование всех возможных словообразовательных средств в случаях: *молочная трава*, *молочница*, *молочай*, *молочник*, *молочажник*, *моложайник*, *молокан*,

молоканка, молоковник, молокеница или *пестики, пѣстье, пестовник, песток, пестуха, пестух, пестушняк, пестки, пестка, пестюшки, пестышій, пестигій, пестышкій, пестѣшки, пестик, опестыш*. Это многообразие характеризует или отражает многочисленные процессы, происходящие в говорах: активизация разных словообразовательных моделей в разных говорах, возможности использования словообразовательных средств для проведения семантических границ, активная замена устаревающих словообразовательных моделей новыми и индивидуальная свобода употребления любого синонимичного суффикса, так как такой акт не нарушает коммуникации. Выводы из этих наблюдений, сделанные многими диалектологами, чрезвычайно существенны для этимологического анализа, они показывают возможность замены архаичной структуры новой модернизированной формой (ср. примеры в дисс.: Н. Д. Русинов. Угличская земледельческая лексика. Горький, 1955, стр. 14).

Возможность и даже неизбежность наличия на разных хронологических уровнях многочисленных словообразовательных вариантов типа **žeruxa/*goruxa/*gorьčica*, иногда имеющих географическую диалектную приуроченность, а иногда лишенных ее.

Составные наименования растений (имя прилагательное + имя существительное), являясь, несомненно, более поздними, чем названия-приложения, тем не менее исключительно продуктивны, начиная от праславянского периода до наших дней. При единстве формальной структуры они неоднородны с точки зрения семантических моделей.

Любопытен еще и факт взаимодействия семантических полей и словообразовательных тенденций. Ср., например, наличие у поля названий растений, используемых для плетения, обязательности наличия форм собирательности и единичности, повторяемость определенной концовки слова в иоле зонтичных, ср. *дягиль, бугиль, будыль, купырь* и др.

Значительное место в этой главе уделено семантике в ее отношении к этимологии. Исключительно конструктивным оказалось применение теории микрополей для анализа происхождения названий растений. Не имея возможности за отсутствием данных конструировать конкретные микрополя, а пользуясь лишь набором элементов

данного микрополя (употребляя для этого термин *группа*), мы с неизбежностью наблюдаем семантические закономерности в рамках группы: воспроизведение во времени и в пространстве одних и тех же семантических моделей; ограниченный набор моделей для каждой группы в целом (ср. группы 2, 3 и др.). Характер построения данного микрополя нередко помогает найти правильное этимологическое решение (см. анализ слова *пырей*). Кроме установления типичной модели в рамках данного поля, многочисленны случаи, когда необходимо выяснение этимологического основания для определенного понятия. Это характерно в первую очередь для названий неустойчивых, имеющих значительное число синонимов (ср. анализ слова *рдест*).

Нередко возникает необходимость семантической реконструкции. Такая реконструкция возможна лишь с привлечением всего семантического окружения, анализа всех родственных слов, фразеологизмов, восстановления истории слова и т. д. По словам Шухардта, «подобно тому, как всякая работа начинается с предварительных и пробных операций, так и для того, чтобы установить происхождение слова, необходимо прежде всего сгруппировать около него все, что аналогично ему внутри пространственных и временных границ». См. возможность реконструкции для слова *сырой* в восточнославянских языках значения 'зеленый, цветущий, свежий' и др. примеры.

Анализ словосочетаний типа *кошачий горох* приводит к мысли, что слово *кошачий* в этом сочетании лишено всех семантических связей с родственными словами и несет функции слова-заменителя наряду с другими словами в этой функции. Установление этой закономерности позволяет иногда протимологизировать стяженную форму, внешние формальные связи которой нередко наводят на ложный путь.

Оценка рассматриваемого материала с точки зрения культурно-исторической заставляет прийти к следующим выводам. Бросается в глаза противоречие между огромным числом названий съедобных растений и ничтожным числом названий, в основании которых лежит признак, указывающий на их употребление как съедобных. К последним могут быть отнесены слова, в которых нашли отражение вкусовые качества растений, такие, как **kyslica*, **goruxa*, может быть, **ščavь* и **bъršъ*, если признать до-

казанной их связь со словами **sokъ* и **brъzgnoti*. Названия *житница*, *хлебница* отражают употребление растений в качестве съедобных. Косвенным свидетельством употребления служит устойчивость значения и постоянство употребления в большинстве индоевропейских языков названия дикорастущего лука.

Также косвенным свидетельством уровня развития хозяйства славян служит та активная роль названий культурных растений, которую они играли в формировании названий дикорастущих.

Культурно-исторические выводы из лингвистических данных могут быть лишь относительными. Тот факт, что в основании большинства названий съедобных растений лежит не признак съедобности, а какие-то другие признаки, не является еще абсолютным свидетельством того, что эти растения как съедобные не употреблялись, но в то же время он очень симптоматичен.

Думается, что лингвистические данные в этом случае не противоречат, а подтверждают данные истории и этнографии, показывающие, что славяне в праславянский период были народом земледельческим и собирательство в их жизни играло незначительную роль.

II

НАЗВАНИЯ ГРИБОВ

Если определение границ группы названий травянистых растений не всегда представляется с достаточной ясностью, то о такой тематической группе, как названия грибов, этого сказать нельзя. Определяемая своеобразием внелингвистических фактов, группа названий грибов относительно замкнута.

Исследованию подвергается в этой главе только русский материал, не очень значительный по объему. Представляется необходимым при рассмотрении такой семантической группы слов выявление типичных словообразовательных и семантических моделей. В последнем случае встает очень заманчивый аспект наблюдения: определение, насколько выявленные семантические модели характерны для данной группы лексики и в других языках. Второй аспект исследования — характеристика устойчивости и неустойчивости элементов группы в пределах русского и, шире, всех славянских языков. Рассмотренная с этих трех точек зрения тематическая группа слов может быть представлена и хронологически, т. е. возможно установление в ней более архаичного пласта. В этом смысле наша работа в какой-то мере смыкается с работами этнографов и историков культуры. Обособленное положение славянских народов в отношении употребления грибов представляет культурно-исторический интерес. Поэтому определение относительной хронологии всей тематической группы в целом косвенным путем дает ответ на вопрос чисто исторический.

Так как в большинстве случаев (речь идет только о данной группе лексики) словообразовательного и семантического анализов достаточно для установления этимологии слова, то этимологическому анализу в собственном смысле

этого слова (т. е. решению задачи в случае, когда какие-то элементы неизвестны) подвергается лишь незначительное число слов, включающих в себя несколько архаичных моделей и несколько поздних узкоместных образований.

Всего по материалам русских говоров мною собрано 350 названий грибов, хотя на самом деле их, вероятно, значительно больше. В каждом конкретном случае (говор одной деревни, иногда района) число названий колеблется от 10 до 50. Структура данной группы названий значительно отличается от структуры группы названий травянистых растений. Она представляет собою ряд равнозначных имен, непосредственно соотносимых с определенными видами съедобных грибов. Проводимая дифференциация очень точна, а иногда деление проводится по таким признакам, которые позволяют выделить даже подвиды. Например, рыжик — *Agaricus deliciosus*, но существуют и такие определения: *рыжик-глухарь*, *боровой рыжик*, *подъелочник*. В данном случае есть указания на признаки, несущественные для науки. По степени терминологичности и тонкой дифференциации названия грибов совпадают с названиями культурных растений.

На роль обобщающего слова выдвигается один из элементов ряда: *грибы*, *рыжики*, *обабки* и т. д. Простейшая структура представлена в современном литературном языке. *Грибы*: *подосиновик*, *подберезовик*, *рыжик*, *груздь* и т. д. Аналогичная структура в ряде говоров, где присутствует лишь одно обобщающее слово, но как правило картина сложнее. Обычно проводится дифференциация между грибами, идущими в засол, и грибами, идущими в сушку, т. е. между грибами *Agaricus* и *Boletus*. В таком случае присутствуют два обобщающих слова и два ряда названий, противопоставленные друг другу, типа *грибы*: *белый гриб*, *подберезовик*, *подосиновик...* и *губы*: *груздь*, *рыжик*, *волнушка...*; *грибы* — *грузди*; *грибы* — *рыжики*; *обабки* — *рыжики* и т. д.

Возможно и тройное деление по способу употребления:

_____	<i>отвару́хи</i>
_____	<i>мочу́хи</i>
_____	<i>солону́хи</i>

или деление типа:

белый гриб — *черные грибы*.

Памятники письменности показывают, что и русскому литературному языку было свойственно противопоставление: *грибы — губы, грибы — грузди*, утраченное современным языком и сохраненное лишь в говорах (см. статью *губа*).

Несъедобные грибы обычно не различаются, они все носят общее название *поганок, поганых, собачьих грибов*, исключение составляет только *мухомор*. Необходимость, как прожектор, выхватывает кусок действительности и освещает его отчетливо и ярко, а остальное свалено в кучу ненужного неразобранного материала.

Итак, характер отдельных конкретных микрополей различен, не совпадает и состав входящих в них элементов, но тем не менее нет двух таких списков, где не было бы общих элементов. Последнее обстоятельство позволяет поставить вопрос о возможности и правомерности анализа всей группы слов в целом по материалам всех говоров, всегда не упуская из виду действительную сложность картины и относительный характер выводов. Такой анализ позволяет обнаружить определенные закономерности, свойственные данной группе слов в русском языке как едином целом.

* * *

Число словообразовательных моделей, чаще всего используемых в названиях грибов, не так уж велико. Наиболее характерны для этой группы лексики шесть основных типов моделей.

И с л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы й т и п: сочетание основы имени прилагательного с суффиксом *-ик*, который равно продуктивен в образовании имен как в северных, так и в южных говорах. Особенностью этой модели является то, что в ней выступают основы прилагательных, осложненные самыми разнообразными суффиксами.

1. Основа прилагательного с суффиксом *-ов (-ев) + ик*: *моховик* (моховой), *боровик* (боровой), *березовик* (березовый), *елбвик* (еловый), *колосовик* (колосовой), *гороховик* (гороховый), *дуббвик* (дубовый), *дождевик* (дождевой), *ольховик* (ольховый), *осиновик* (осиновый), *рядовик* (рядовой), *ситовик* (ситовый), *сосновик* (сосновый), *вересовик* (вересовый), *щитбвик* (щитовый).

Отсутствие соотнесенности с именем прилагательным в слове *болотовик* на самом деле является мнимым, так как

по говорам наблюдается синонимия прилагательных с суффиксами *-ов-* и *-н-*. Ср. *грибной/грибовый, болотный/болотовый, зимний/зимовый* и т. д.

Можно выделить производный суффикс *-овик*, причем часто избыточный и появляющийся благодаря сильному воздействию со стороны словообразовательного ряда: *глуховик* при *глухой*, *рыжовик* при *рыжий*, *рыжик*, *красовик* при *красик*.

Любопытно наличие словообразовательных синонимов с суффиксом *-ник*. Ср. *боровник* при *боровик*, *моховник* при *моховик*, *поддубовник* при *поддубовик*, возникшие, возможно, под влиянием таких форм, как *коровник*, *молоковник*.

2. Основа прилагательных с суффиксом *-н-* + *ик*. Синонимия и конкуренция суффиксов *-ов-* и *-н-* в именах прилагательных, как один из примеров словообразовательной синонимии вообще, очень характерна для словообразования в русских говорах и естественно находит свое отражение в названиях грибов. Ср. *осинник/осиновик, березник/берёзовик, ситник/ситовик, колосник/колосовик* и др.

Только от прилагательных с суффиксом *-н-* образованы такие имена, как *осенник* (осенний), *навозник* (навозный), *вишенник* (вишеный), *молокитник* (молокитный?), *нагольник* (нагольный), *толоконник* (толоконный).

Соединяется суффикс *-ик* и с основой страдательного причастия: *масленик* (масленный), *моченик* (моченый) и др.

3. Основа прилагательного, образованного из сочетания имени существительного с предлогом *под-* + *ик*. Эта модель очень характерна для названий грибов в русском языке (аналогичных примеров ни в западнославянских, ни в южнославянских языках нет): *подосиновик* (подосиновый), *подореховик* (подореховый), *подберезовик* (подберезовый), *поддубовик*, *подъелочник*.

Наблюдается и в этом случае вариантность основ с суффиксами *-ов-* и *-н-*, *подосиновик* / *подосинник*, *подореховик* / *подорешник* и др.

Возможно сочетание основ прилагательных с этим префиксом и с другими суффиксами, но таких примеров значительно меньше.

Довольно распространена в названиях грибов та же модель, но с иной семантикой префикса *под-*: не в значе-

нии 'находящийся внизу чего-то, под чем-то', а в значении 'подобный, похожий на что-то'. Производящим в этом случае служит не имя прилагательное, а имя существительное. Ср. *подмолочник* (молочник), *подрешетник* (решетник), *подкоровник* (коровка). Аналогичные отношения: *груздь* — *подгруздь*. Иногда семантика префикса нулевая и он служит лишь показателем модели, типичной для названий грибов.

4. Основа прилагательного с суффиксами *-ат-*, *-оват-* + *ик*. Эта модель характерна главным образом для севернорусских говоров. В северных говорах очень продуктивен тип прилагательного с суффиксом *-оват-*, семантика которого частично совпадает с семантикой суффикса *-ат-*: «имеющей то, что выражено основой», но обычно шире и так же, как и суффиксы *-ов-* и *-н-*, указывает только на принадлежность. Ср. *носоватый*, *дыроватый*, *крестоватый*, *слиноватый* и многие другие. Оттенок неполноты качества отсутствует. Образование имен существительных от прилагательных с суффиксом *-оват-* не характерно для среднерусских и южнорусских говоров, тогда как на севере они типичны (*носоватик*, *крестоватик*, *клочьеватик*, *морховатик*, *дыроватка* и др.). Этот словообразовательный тип представлен и в названиях грибов: *жиловатик* (жиловатый), *короватик/коровик*, *осиноватик/осиновик*, *подольховатик/подольховик*.

5. Бессуффиксная основа имени прилагательного + *ик*. Примеров этого типа немного: *желтик* (желтый), *целик* (целый), *коровик* (коровий), *рыжик* (рыжий). Последний пример обращает на себя внимание тем, что ударение падает на основу. Как правило, имена с суффиксом *-ик* (не уменьшительным) в русском языке имеют ударение на конце: *белик*, *крутик*, *частик*, *слабик* и др. Возможно, что в слове *рыжик* суффикс *-ик* иного происхождения, он мог быть вторично присоединен к имени **рыж*, ср. польское название этого гриба *rydz*.

В некоторых случаях выделение и определение производящей основы затруднено. *Красик* ср. *краса*, *красить*; *совик* (*сова*, *совий?*), *путьик* (*путь?*), *пыжик* (*пыжить*, *пыж?*).

В общей сложности с суффиксом *-ик* образована $\frac{1}{6}$ часть названий грибов.

П с л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы й т и п: сочетание именной основы с суффиксом *-ух(а)*.

В отличие от суффикса *-ик* суффикс *-ух(а)* обычно присоединяется к основам бессуффиксальных имен прилагательных: *желтýха* (желтый), *чернýха* (черный), *серýха* (серый), *синýха* (синий), *краснýха* (красный), *толстýха* (толстый), *свинýха* (свиной) и к основам имен прилагательных с суффиксом *-к-*: *гладýха* (гладкий), *солодýха* (солодкий). Есть и несколько менее прозрачных образований: *солонýха* (солон), *красуха* (краса, красить, красный), *маслýха* (масленный, масло), *ситýха* (ситовый), здесь, возможно, отражено активное воздействие словообразовательного ряда.

Наблюдаются сочетания суффикса *-ух(а)* и с глагольной основой: *горчýха* (горчить), *мочýха* (мочить), *бздюха* (бздеть), *отварýха* (отварить), *говорýха* (говорить). Последние два примера с отверждением конечного согласного основы ¹.

Очень продуктивны уменьшительные образования с суффиксом *-к(а)* от названий грибов с суффиксом *-ух(а)*: *чернýшка*, *серýшка*, *свинýшка*, *волнýшка* и т. д.

С точки зрения географической приуроченности, наиболее продуктивен суффикс *-уха* в северо-западных говорах (Вологодская, Новгородская, Тверская, Псковская обл.) ².

Ш л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы й т и п: сочетание основ имен прилагательных с суффиксом *-'анк(а)*.

Часто трудно разграничить случаи образования имен от основ имен прилагательных + *'анк(а)* от образований от прилагательных с суффиксом *-'ан* + *к(а)*. Некоторые случаи бесспорны: *белýнка* (белый), *серýнка* (серый), но *дуллянка* (дупло, дупляной), *горýнка* (при горький, горянить), *мáслянка* (масло, масленный), *гулýнка* (гулять).

По-видимому, наиболее архаичные формы сохранились в говорах Смоленской обл.: *белéни*, *вилвéни*, *горчанí* (из **bĕlĕn-*, **vŭlnĕn-*, **gŭrŭčan-*, т. е. основа + суффикс имен прилагательных *-ĕn-*). Приведенные выше смоленские названия грибов — субстантивированные прилагательные

¹ Любопытно, что во многих говорах в случае присоединения суффиксов с начальным *у* (*-уха*, *-уша*, *-уля*, *-ура*) к основе с конечным *в* (суффиксы *-ов-*, *-ев-*) это *в* исчезает и слово внешне приобретает сходство со сложными словами: ср. *корнеушка*, *кожеуры*, *кра соуля* и др.

² В. М. Сыромля. К вопросу о суффиксальном образовании имен существительных (на материале народных говоров Калининской обл.). «Сборник трудов Архангельского гос. пединститута», 1959, вып. 3.

во множественном числе. В дальнейшем эти формы были осложнены синонимичными суффиксами *-к(а)* и *-иц(а)*; примеры этих синонимичных форм многочисленны в говорах: *волвянка / вблвеница, дуплянка / дупленица* и др.

Как единое целое суффикс *-'анк(а)* получил значительное распространение в говорах, главным образом в среднерусских.

IV словообразовательный тип: сочетание основы имени прилагательного с суффиксом *-'ак*.

Эти формы получили наибольшее распространение в периферийных говорах (крайне северных, крайне западных и крайне восточных): *серяк* (серый), *синяк* (синий), *желтяк* (желтый), *сизяк* (сизый), *коровяк* (коровий), *беляк* (белый), *масляк* (масленный), *вохряк* (вохренный), *красяк* (краса, красный), *козляк* (козел, др.-русс. козль им. прилаг.).

Интересно, что в говорах наблюдаются и варианты формы с суффиксом *-як*: *козьяк, коровьяк, собачьяк* и др.

V словообразовательный тип — образование слов-омонимов. Этот способ образования новых слов исключительно продуктивен в названиях растений вообще. В названиях грибов такие примеры, как *козел, кринка, колпак, кобыла, кубарь, кулак, пан, соломаха, стакан* и др. Часто образуются омонимы в форме уменьшительности или же, если рассматривать этот процесс иначе, экспрессивные суффиксы используются как активное средство словопроизводства: *конек, лиска, лисичка* и др.; в форме мн. ч.: *овечки, зайчушки, бычки, копытцы, петушки, кубышки, кузовки, пальчики, стольцы* и др.

Особую группу составляют названия, образованные от имен собственных: *матрена, матрехи, арина, окули*.

В общей сложности примерно $\frac{1}{7}$ часть названий грибов образована по этому словообразовательному типу.

VI словообразовательный тип: сочетание прилагательного с существительным. Это последний продуктивный способ образования названий грибов — это словосочетания типа: *белый гриб, черные грибы, красные грибы, белый конек, заячьи ушки* и др.

В одних случаях эти сочетания свободны, типа *желтый опенок, боровой рыжик*, в других более устойчивы и терминологичны, типа *белый гриб*.

С исторической точки зрения большая часть рассмотренных выше названий грибов является образованиями

поздними, возникшими в пределах русского языка в период его самостоятельного развития. Таковы примеры, где суффикс *-ик* присоединяется к основам имен прилагательных с суффиксом *-ов-* позднего образования (не от основ на *-и-*); поздним и собственно русским процессом можно считать большую активизацию суффиксов *-уха* и *-'ак*. Несомненно, поздняя по образованию большая часть тех названий-омонимов, которые имеют узкоместный ареал. Непроизводных слов с точки зрения современного языка в названиях грибов очень мало. Это следующие: *губá*, *гриб*, *груздь*, *блица*, *печура*, *волуй*. Ряд слов, в которых можно выделить суффикс, но основа при этом остается непонятной: *печерица*, *сыроежка* (последнее слово воспринимается как сложное). Можно считать старыми с точки зрения словообразования такие слова, где суффикс *-ик* присоединяется к глагольно-именной основе типа *краси́к*.

Таким образом, с точки зрения словообразования архаическая часть названий грибов очень невелика, около пятнадцати слов. Без сопоставления этого материала с данными других славянских языков было бы преждевременно относить образование названных слов к праславянскому периоду. Можно лишь констатировать факт относительной древности этих слов в пределах рассматриваемой группы.

* * *

Число семантических моделей, которое можно насчитать в названиях грибов, не очень велико.

1. Модель 'цвет' → 'гриб' используется очень широко: *рыжик*, *белянка*, *серуха*, *чернуха*, *синюха*, *желтяк*, *зеленушка*, *красноголови́к*, *пестрец*.

Этот признак в названиях грибов широко представлен и в других индоевропейских языках: ср. лит. *raudongalvis*, *raudonikis*, нем. *Rothaupt* и др.

2. Модель 'свойство, воспринимаемое на вкус или осязанием' → 'гриб': *солодуха*, *горянка*, *горькушка*, *масляник*, *гладуха*, *мокруха*, *сопливик*. Аналогичные названия для масленика в немецком языке: *Smalzpilz*, *Butterpilz*.

3. Модель 'дерево' → 'гриб' отражает давно подмеченную особенность о тяготении отдельных видов грибов к определенным породам деревьев: *дубовик*, *березовик*, *осиновик*, *сосновик*, *ольшанка*, *подорешник* и др.

Есть еще несколько названий, примыкающих по типу к этой модели, так как грибы названы по месту произрастания: *боровик*, *болотяник*, *навозник*. Ср. лит. *mešlagribis*.

4. Модель 'гриб' → 'подобный ему гриб'. Эта схема выражает отношения сходства, подобия: *подгруздь*, *подрешетник*, *подсухарь*, *пагруздь*, *подкоровник* и др.

5. Модель 'предмет (бытовой)' → 'гриб' отражает как правило сходство по форме: *дубинка*, *кринка*, *колпак*, *стакан*, *толкач*, *бабка*, *пальцы* и др. Ср. франц. *raturon* 'бабка у лошади', 'груздь'. Сравнения с разного рода посудой и игральными бабками повторяются довольно часто.

6. Модель 'имя собственное' → 'гриб' достаточно широко представлена в названиях растений вообще. Определение отношений между семантическим производным и производящим в этом случае крайне затруднено. Необходимо было бы установить, как часто встречается данное имя в данной местности и у соседних народов, относится ли оно только к человеку или к животному, какова его экспрессивно-эмоциональная характеристика, не связано ли это имя с каким-то конкретным лицом и реальными событиями и т. д. Только в названиях грибов встречаются: *арина*, *васюхи*, *окули*, *матрена*, *матрехи*, *иванчики*, *дуни*.

7. Модель 'животное' → 'гриб' не менее трудна для определения, но исключительно широко представлена. Она, во-первых, может выражать отношение сходства по любому признаку: форме, цвету, свойствам и т. д. Ср. *лисички*, *свиное ухо*, *петушки*, нем. *Ziegenlippe* 'козляк', франц. *vache blanche* 'груздь' и др.

Во-вторых, та же схема используется в том случае, когда обозначается несъедобность или малоупотребительность гриба для человека. Этот семантический тип широко распространен в названиях растений (см. первую главу)³, ср. *собачьяк*, немецкое название груздя, считающегося ядовитым, *Kuhpilz*, *Pferdepilz*. Часто это отношение выражено в форме определения *волчий*, *собачий*: русск. *собачьи губы*, чеш. *psí huby*. Возможно, такого происхож-

³ V. М а с н е к. *Česká a slovenská jména rostlin*. Praha, 1954, стр. 11; В. М. М а р к о в. Об изучении местных названий животных и растений. «Уч. зап. Казанского гос. ун-та», т. 121, кн. 3, 1961, стр. 93.

дения слово *волуй* («воловий гриб») из др.-русск. *волоуи* 'воловий' (ср. лат. *boletus bovinus*).

В-третьих, эта модель может выражать отношение, показывающее съедобность данных видов грибов для животного, эта возможность представляется наименьшей.

Какой из трех описанных типов отношений присутствует в каждом конкретном случае, определить трудно. Ср. такие многочисленные образования, как *бычки*, *коровка*, *коровяк*, *козел*, *зайчушки*, *овечки*, *медвежаник* и мн. др.

Еще одна любопытная деталь. Если идти от названий одного какого-либо вида в разных языках, то можно обнаружить, что выделяемые признаки повторяются. Так, *Boletus rufus* и *Agaricus deliciosus* обычно называются по цвету: русск. *красный гриб*, *красик*, *красноголовик*; нем. *Rothaupt*; франц. *gyrole rouge*; русск. *рыжик*; польск. *rydz*; серб. *пујница*; лит. *ruduokė*, *rudmėsė*; нем. *Röstling*; франц. *lait doré*; *Boletus scaber* связан с названиями березы (нем. *Birkenpilz*, лит. *paberžis*)⁴.

* * *

Если в предыдущих разделах мы рассматривали общие закономерности (словообразовательные и семантические), свойственные всей группе названий в целом, то в данном разделе мы попытаемся представить часть материала в лингвогеографическом аспекте. Взяв для анализа названия шести наиболее употребительных видов грибов (белого, подосиновика, подберезовика, груздя, рыжика и белянки), мы обнаружили, что они делятся на две противоположные группы: названия груздя, рыжика и белянки исключительно устойчивы во всех говорах русского языка и не имеют синонимов, названия же белого гриба, подберезовика и подосиновика чрезвычайно дробны и, многообразны. *Boletus edulis* называется: *бабка*, *бебик*, *белоголовник*, *белый гриб*, *боровик*, *вешкарь*, *гриб*, *ковыл*, *коровка*, *короватик*, *коровик*, *коровник*, *коровьяк*, *ко-*

⁴ См.: H. Marzell. Wörterbuch der deutschen Pflanzennamen. Leipzig, 1937; P. Galeniek. Botaniskā vārduīca. Rīga, 1950; I. Dadyš. Lietuviškas botanikos žodynas. Kaunas, 1938.— Семантический анализ ботанических терминов на белорусском материале см. еще: А. І. Кісялеўскі. Лексічная аснова і словаўтваральныя сродкі беларускай батанічнай тэрміналогіі. «Працы Інстытута мовазнаўства», выш. VIII. Мінск, 1961.

ровак, медвежник, пан, толкач, целик, целыш; *Boletus rufus*: боровик, казаруш, красик, красный гриб, красовик, красяк, красноголовик, осиновик, подосиновец, подосинник, подосиновик, толстокоренник; *Boletus scaber*: березовик, боровик, козак, обабка, обабок, подберезовик, целик, целыш, черный гриб.

В связи с тем, что это различие наблюдается в рамках одной группы лексики, оно вряд ли может рассматриваться как случайное, а скорее всего отражает какие-то моменты истории данного словарного пласта. Не делая далеко идущих выводов из этого факта, мы считаем его тем не менее очень симптоматичным. Польские лингвисты склонны придавать определенный вес показаниям атласа названий грибов: «*Rydz* (*Lactarius deliciosus*) jest jedynym gatunkiem grzybów, który w całej Polsce nie wykazuje zróżnicowania nazw. Ten brak zróżnicowania nazw oraz postać fonetyczna rdzenia (*rydz*, *rud*-nasuwają przypuszczenie o dawności jej występowania, a w związku z tym o starej znajomości tego gatunku grzybów jako jadalnego na terenach słowiańskich)»⁵. С этим выводом трудно не согласиться. Устойчивость наименований рыжика, груздя и белянки во всех говорах русского языка — свидетельство того, что эти слова появились не позже периода древнерусской общности.

Выход за пределы русского языка позволяет обнаружить очень большую общность в названиях грибов во всех восточнославянских языках. На Украине и в Белоруссии названия грибов так же дробны и многочисленны, как и в России. Можно встретить большое число местных диалектизмов (ср.: укр. *багнюк*, *гиркиня*, *сивульки*, *стули*, *баночки* и др.; блр. *лапшак* и др.), с другой стороны, более 50% названий общи для всех восточнославянских языков. Ср.: укр. *пичариця*, *підвишні*, *бздюхи*, *лисички*, *боровики*, *гриби*, *опеньки*, *синяки*, *підберезники*, *губи*, *коровки*, *свані*, *бабкі*, *сироїжки*, *підіосичники*, *синюхи*, *сосняки*, *піддубни*, *грузди*, *ріжкі*, *червоноголовці*, *підрэшітці*, *осінки*, *зелюнки*, *білякі*, *волнухи*, *краснючки*, *товетушки*, *вовняки*, *порховка* и мн. др. Мы наблюдаем и абсолютную общность в таких названиях, как *лисички*, *боровики*, *гриби* и др., общность структуры и значения при

⁵ В. В а р т н і с к а. Nazwy grzybów w dialektach wschodnich Polski. «Poradnik językowy», 7. Warszawa, 1950, стр. 350.

наличии разного словообразовательного оформления: *підберезник* при русск. *подберезовик*, *підрешітець* при русск. *подрешетник*, *вовнякі* при русск. *волнянки* и т. д., и общность структурную с использованием средств своего языка: ср. *підіосичники* при русск. *подосиновики*, *червоноголовці* при русск. *красноголовики*.

При сравнении списка названий грибов в любом говоре украинского языка со списком названий грибов в одном из говоров русского языка разница не бóльшая, чем при сравнении списков двух русских говоров. Это, несомненно, свидетельство того, что в своей существенной части этот пласт лексики сложился в древнерусский период. Ср. сходство вплоть до общности словообразовательных вариантов: укр. *грудь*, *грудінь*, *грудель* (Гринч. I, 332).

Западнославянские языки проявляют большую близость к восточнославянским в названиях грибов. Ср.: польск. *grzyb*, *rydz*, *bedłka*, *babka*, *maśluk*, *borownik*, *kozak*, *prochówka*, *olszowka*, *sitak* и др.; чеш. *gřib*, *ryzc*, *osýčňák*, *lišky*, *maselník*, *maselňak*, *maslak*, *kozak*, *pečírky*, *rychavka*, *mleč*, *mužičkův tabak* и др. при русск. *гриб*, *рыжик*, *блицы*, *масляк*, *боровик*, *козяк*, *порховица*, *ольхушки*, *ситовик*, *лисички*, *пыхавка* и др.

Ср., например, польск. *borownik*; чеш. *borovník*, *borový hřib*; словц. *borovník*; укр. *боровик*; блр. *баравік*; русск. *боровик*; чеш. диал. *rodoubník*, словц. *dubák*, укр. *hryb* *dubovýj*, *raddubok*, русск. *поддубовик*; польск. *orieńka*, чеш. *orěňka*, словц. *oriepok*, блр. *апенька*; чеш., словц. *rychavka*, русск. *пыхавка*, *пыха*.

Напротив, при сравнении с южнославянским материалом мы видим мало общности. Любопытно, что нередко к группе «западнославянские — восточнославянские» подключается словенский язык.

Такова география слова *гриб*, названия *козяк*: русск. *козяк*, *козьак*; укр. *козак*, *козар*; польск. *kozak*, *koźlarz*; в.-луж. *kozak*; чеш., словц. *kozák*; словен. *kozak*. В ряде случаев представлены все славянские языки, кроме болгарского или сербского. Например, русск. *масленик*, *масленок*, *масленка*, *маслуха*, *масляй*, *масляк*; блр. *масляк*; укр. *маслюк*; польск. *maślak*, *mašlok*, *maśluk*; чеш. *máselník*; словц. *masliak*; словен. *rjava maslenka*; болг. *масловка*; русск. *лисички*; укр. *лисички*; блр. *лісіца*, *лісічка*; польск. *liška*, *lisica*; чеш. *liška*; словц. *liška*; словен. *lisičica*, *lisičke* мн.; с.-хорв. *lisica*.

В южнославянских языках так же, как и в других славянских, в названиях грибов много поздних местных элементов. Ср.: словен. *gobane* (*jurje, jurčke*), *mavrahe, sivke, parklje, ajdove gobane* и др.; хорв. *beshjebara, blagva, cerovača, cerovnjača, gluhara, gospa, kneiginja, ludara, mlječnica, paprenjača, puhara, puša, škripac, škripavac, varganj, vilovnjača* (Ivek.— Broz. I, 316), *puza, medenjača, sivka, puра* и др.

Для праславянской эпохи мы вправе восстановить лишь небольшое число элементов. Это в первую очередь общеславянское **goba* 'гриб, трут, нарост', **syrojěda / *syrojědja* 'сыроежка', 'рыжик', **pečera / *pečerъka / *pečerica / *pečura / *pečurъka* 'шампиньон' (представлено во всех славянских языках, но с диалектным распределением основ: **pečer-* в западнославянских, украинском, белорусском и словенском языках, основа **pečur-* в сербском, болгарском и русском); **smъrъžь / *smъrčь* 'сморчок' (с тем же географическим распределением, что и название шампиньона: основа **smъrъž-* в западнославянских, украинском и белорусском, основа **smъrč-* в сербском, словенском, болгарском и русском); **gribъ* (лексема, представленная во всех славянских языках, кроме болгарского и сербско-хорватского); **gliva* (лексема, существующая в южнославянских и западнославянских языках и частично в восточнославянских); **bъdla / *bъdъlъka / *bъdlica* (название по преимуществу западнославянское, частично представленное в русском, но архаичное по своей структуре и имеющее соответствие в лит. *budis*); общеславянское **rydъjь / *rudъnica* (представленное во всех славянских языках, кроме словенского и болгарского); **maslenъka / *masl'akъ* (во всех славянских языках, кроме сербского); **kozakъ / *kozl'akъ* 'подберезовик, моховик, козляк' (во всех славянских языках, кроме болгарского и сербского); **lisičъka* (во всех славянских языках, кроме болгарского); **pъrxovъka / *pъrxovica, *porxovъka, *porxovica* 'дождевик' (общеславянское название); возможно, **vъrganъ* (название только южнославянское), если оно может быть сопоставлено с польским *warga* 'губа'; может быть, **vъlněnъka, *vъlněnica* (отмеченное только в западнославянских и восточнославянских языках). Всего четырнадцать лексем с разной степенью достоверности их принадлежности к праславянской эпохе. Остается открытой возможность более позднего развития

слов, не отмеченных в одном или нескольких южнославянских языках: **vlěněnka*, **lisička*, **kozakъ*, **masl'akъ*, **rydъ*, нет уверенности в принадлежности к праславянской эпохе южнославянского **varganъ*.

Таким образом, внешние связи позволяют выделить в названиях грибов несколько хронологических пластов: наиболее древний период характеризуется общеславянскими образованиями и диалектными связями русского языка с южнославянскими, что предполагает иное географическое распределение языковых массивов; второй период характеризуется активными контактами и совместными новообразованиями в восточнославянских и западнославянских языках, что предполагает близкое к современному географическое расположение языков; третий период — древнерусский, когда оформляется большая часть этой группы лексики.

Характерно, что названия грибов в балтийских языках указывают на продолжительные контакты балтов с восточными и западными славянами; здесь и обоюдные заимствования, и кальки, и использование единых семантических моделей. Ср.: лит. *ruduokė* 'рыжик' при *rudas* 'рыжий', *paberžis* 'подберезовик', *ožkagrybis* 'козляк', *šilabudė* 'боровик', *raudongalvis* 'подосиновик, красноголовик', *mešlagrybis* 'шампиньон' (ср. русск. *навозник*) и т. д.

* * *

С этимологической точки зрения необходимо рассмотреть несколько праславянских и значительное число поздних местных образований, для выяснения происхождения которых словообразовательный и семантический анализ недостаточен.

г р и б

Это праславянский диалектизм, охватывающий полностью восточно- и западнославянскую группы языков. В современных языках слово имеет три взаимосвязанных значения: 'белый гриб', 'обобщенное название грибов *Boletus*', 'гриб вообще'. Эти значения не существуют одновременно, они указывают лишь место лексемы *гриб* в группе названий грибов в конкретном говоре.

В большинстве диалектов польского, чешского, словацкого, украинского языков и в части русских диалектов слово *grub* значит 'белый гриб'; в ряде польских и чешских говоров и в значительном числе русских — *grub* значит 'гриб *Boletus*'; ср. в польском деление на *bedlka* и *grzyb* и т. д. Таково положение этого слова в современных славянских языках.

Единое этимологическое решение для этого слова еще не найдено. Поиски были направлены главным образом на установление балто-славянских связей. Ф. Шпехт сопоставляет слав. **gribъ* с лит. *griėti* 'снимать сливки', *greĩmas* 'сливки, слизистый осадок в воде'⁶. Обособленное положение южнославянских языков (за исключением словенского), где слово **gribъ* как таковое в рассматриваемом значении отсутствует, а в качестве обобщающих слов для названий грибов выступают такие лексемы, как *gliva*, *varganj* и др., не имеющие аналогий в других славянских языках, естественно вызывало желание найти единую общеславянскую форму. На этот путь стали польские лингвисты, которые связали **gribъ* с южнославянским **gliva*, выводя **gribъ* из **glibъ* с меной $r > l$. В этом случае считаются родственными лит. *gleima* 'слизь', *gliėti* 'лепить'. Склоняется к описанной точке зрения и Фасмер⁷. Недавно высказанная этимология Р. Якобсона решена в чисто формальном плане. Слово **gribъ* включается в словообразовательный ряд глагола **grebti*, а придаваемое ему значение 'то, что выпарашивается из земли', требует большей семантической аргументации⁸. Мысль Махека, производящего **gribъ* из **skripъ*, имеет семантические основания, но совершенно фантастична в формальном отношении и предполагает большое число звуковых метаморфоз⁹.

⁶ F. S p e c h t. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1944, стр. 144, 267.

⁷ A. B r ü c k n e r. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927, стр. 163; F. S ł a w s k i. Słownik etymologiczny języka polskiego, zes. 4. Kraków, 1955, стр. 373; К. М о с з у њ с к и. [Рец.] F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego. «Język polski», 36, 1956, стр. 196; V a s m e r. REW, I, стр. 308.

⁸ R. J a k o b s o n. New Slavic Etymological Dictionaries. «Word», 8, 1952, стр. 387.

⁹ V. M a c h e k. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957, стр. 148.

Х. Петерссон высказал мнение, что слово **gribъ* того же корня, что и слав. **gъrbъ* с первоначальным значением 'морщина, складка'¹⁰.

Почти во всех случаях слово *гриб* рассматривается изолированно, без учета родственных и производных слов, а такой подход не дает возможности установить первоначальное значение слова. Одни только русские говоры и памятники письменности дают большой материал однокоренных слов.

Первым однокоренным образованием можно считать белорусское и русское диалектное (смоленские, псковские говоры) название губы у человека *гриба*, мн. *грибы* (смол., росл. Добр., 42; блр. Носов., 121); отсюда *грибáтый*, *грибáстый* 'губастый' (Доп. Оп., 37; блр. Носов., 121).

Это любопытное явление омонимии названий грибов и губ у человека образует определенный семантический ряд:

'губы у человека'

губы
грибы

'грибы'

губы
грибы

Может быть, сюда же польск. *warga* 'губа у человека' и серб. *варгань* 'гриб'? (С точки зрения словообразовательной структуры ср. словен. *gobane* 'грибы').

Как правило для обозначения губ используются слова со значением 'край, выступ, нарост, морщина'. Ср. типологическую параллель в общекартвельском *pir* 'край', давшем груз. *pir* 'рот, лицо, край'; сван. *pil-, bil-* 'край, губа'¹¹.

От слова *грибы* 'губы' образованы производные со значением 'морщиться, кукситься': *грибаться* ' grimасничать, иметь плаксивый вид, готовиться заплакать' (яросл., рост. Волоц., 28); *грибаниться* (производное от *грибан*) 'капризничать, выражать склонность к плачу' (арх. Гранд., 129), 'хмуриться, угрюмиться' (арх. Подв., 35), 'морщиться' (арх. Доп. Оп., 37); *грибан* 'кто постоянно угрюм, ничем не доволен' (арх. Подв., 35); *грибанчик* 'сморщенный старик' (новг. Герас., 33); *грибиться* 'морщиться, хмуриться' (твер., стариц. Оп., 42); *разгри-*

¹⁰ Н. Петерссон. Vergleichende slavische Wortstudien. Lund, 1922, стр. 12.

¹¹ Г. А. Климов. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964, стр. 153.

ми' (волог. Доп. Оп., 37); *гриб* 'узкая гряда картофеля; возвышение на дороге между колеей и тропой лошади' (вят. Зелен., 45; свердл., белояр. Голуб., 269; урал. Сл. 126): «Картошки садят на пласт *грибкám*»; «Три *грибá* карфет осталось ошно полоть-ту». *Грибкí* мн. 'замерзшая по дороге грязь' (перм., шадр. Доп. Оп., 37) (последнее значение близко к значению слова *грúда* в белорусском и украинском языках).

Если сопоставить все вместе рассмотренные выше слова, бросается в глаза их семантическое единство: 'возвышение, нарост' и отсюда 'складка, оборка', 'губа у человека' и 'гриб'. Предположение о том, что все эти значения развились из значения 'гриб', неправдоподобно. Все эти диалектные образования, несомненно, отражают архаичное состояние. Структурно они едины, и поэтому разграничивать их вряд ли возможно. Реконструируемая праславянская форма **gribъ* имела значение, содержащее в себе представление о чем-то возвышающемся, выступающем. Этимологически она может восходить к **greib-*, производному от и.-е. **ger-* 'гнуть, изгибаться'. Думается, что все эти аргументы заставляют склониться к этимологии, выдвинутой Петерссоном, и признать ближайшей родственной формой слова **gribъ* слав. **gъrbъ* 'горб, холм' и родственные ему лит. *gáršana* 'локон, завиток', прусск. *garbis*, др.-ирл. *gerbach* 'морщина'¹².

г у б а

Материалы говоров и памятников показывают, что слово *губы* было в течение длительного времени названием грибов вообще или же названием грибов *Agaricus*, идущих в засол. Постепенно это слово вытесняется литературным *грибы*: «*губám нон'е н'е стáл'и, фс'ó гр'убám зов'óm*» (костр. Азарх).

Откровенно в значении 'гриб вообще' слово *губы* широко отмечено в памятниках: «Агарикъ есть *губа* растеть при корени еловаго древа *ј* березоваго» (XVI в.)¹³ «... и ягоды и *губы* брати...» (1564)¹⁴; «... а волокомъ идучи

¹² V a s m e r. REW, I, стр. 308.

¹³ Травник Любчанина.— Исторический музей, рукопись Уварова № 2192, л. 152.

¹⁴ Памятники истории крестьян XIV—XIX вв. М., 1910, стр. 32.

ѣли *губу* и траву и ягоды и коренье...» (1659)¹⁵; «на ботвинье, на морковь, на огурцы и на соленые *губы*, на лукъ, на чеснокъ, на конопляное масло и на коровье...» (1585—1589)¹⁶.

Так как *губами* назывались грибы, идущие в засол, т. е. грузди, рыжики, белянки, волнушки и т. н., то *грибами* эти виды не назывались. Из текстов видно, что грузди, рыжики — это не грибы. Ср.: «Луку и чесноку, *грибовъ* да сукно полтретья нацата алтына. Савѣ Збою дано на *губы* десять алтын» (1568—1570)¹⁷. Соположение в одном контексте слов *грибы* и *губы* явно указывает на то, что это не одно и то же. «Изволь, государь Андрей Ильич, ко мнѣ отписать, будетъ надобно *грузди* и *грибы* сухіе» (1687)¹⁸; «...за *грибы* и за *грузди*...» (1568—1570)¹⁹, следовательно, грибы и грузди — равноправные виды грибов; «... *грибы* или *рыжики* и ины *губы* чѣмъ подобны» (1534)²⁰ — и те и другие объединяются одним словом *губы*. Создается впечатление, что слово *грибы* значило 'белые грибы' или же 'виды *Boletus*, идущие в сушку'. Ср. например: «да в мѣшечкѣ *грибковъ* маленькихъ, да криночка *рыжичковъ*» (1682)²¹; «... ему же несено *губъ* *грибковъ* по два гроша за колачъ»²².

Иными словами, памятники сохраняют вплоть до конца XVIII в. такие соотношения внутри группы: *губы*: *рыжики*, *грузди*, *грибы*, *волненицы*, т. е. слово *губы* — обобщающее название грибов; или *грибы* — *Boletus* (т. е. белые, подосиновики, подберезовики) в их противопоставлении *губам* — *Agaricus* (т. е. груздям, рыжикам и т. д.). Подобная группировка до сих пор существует в ряде говоров (противопоставление *грибы* — *губы*, например, в печорских говорах Архангельской обл.). Противо-

¹⁵ Дополнение к Актам историческим, т. IV. СПб., 1851, стр. 176.

¹⁶ Болдин-Дорогобужский монастырь. Книги расходные.— РИБ, т. 37, стр. 70.

¹⁷ Павлов-Обнорский монастырь. Книги расходные казначей Пахомия.— РИБ, т. 37, стлб. 9.

¹⁸ Переписка стольника Безобразова, стр. 9. (Картотека ДРС.)

¹⁹ Акты исторические, т. IV. СПб., 1842, стр. 520.

²⁰ Травник Любчанина, л. 347.

²¹ Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников (Сообщено Г. Лукьяновым.). «Старина и повизна», кн. 10. М., 1905, стр. 403.

²² Акты, относящиеся до юридического быта древней России, т. 1. СПб., 1857, стр. 32.

поставление *губы* 'общее название грибов' и *грибы* 'белые грибы' характерно для большей части украинских говоров²³. Это дает нам право отнести данное противопоставление к древнерусской эпохе.

Современный русский литературный язык в качестве общего родового названия имеет слово *грибы*, а слово *губа* употребляется только в значении 'нарост на дереве, трут'.

Одновременно слово *губа* в русском языке, как и в других восточнославянских языках, обозначает часть лица, губу; в других славянских языках—морду, рыло. Большинство этимологов согласны в том, что по происхождению *губа* 'гриб' и *губа* 'морда' → одно слово, развившееся из первоначального значения 'нарост, выступ, край'²⁴. Отношения 'нечто изогнутое, выступающее' > 'нарост, выпуклость' > 'гриб', 'губа у человека' представляют устойчивый семантический ряд. Кроме примеров, приведенных в предыдущей статье, см. еще *пупырь* 'прыщ, нарост' и русск. пенз. *пупыри* 'грибы'.

Праславянское и общеславянское **goba* родственно группе слов в балтийских и иранских языках со сходным значением: лит. *gūmbas* 'возвышение, сучок, нарост', *gūmbas* 'шипка', *gūmulas*, *gūmuras* 'ком'; афг. *γumba* 'шипка'; ср.-перс. *gumbad*, *gumbaḏ* 'выпуклость'²⁵.

сморчок

Если *губа* и *гриб* по славянским языкам выступают как обобщенные названия грибов и спорадически отдельных видов, то слово *сморчок*—это общеславянское наименование конкретного гриба *Morchella*. Любопытно, что по двум праславянским названиям конкретных видов грибов—сморчка и шампиньона, славянские языки группируются таким образом: украинский и белорусский примыкают к западнославянским языкам, а русский обнаруживает общность с южнославянскими: русск. *сморчок*, с.-хорв. *смрчак*, словен. *smřček*, тогда как укр. *сморж*, *сморжі́й*, *зморшка*, чеш. *smřž*, словц.

²³ Материалы Атласа украинских говоров Академии наук УССР, карта № 317 (рукопись).

²⁴ R. J a k o b s o n. Указ. соч., стр. 387.

²⁵ V a s m e r. REW, I, стр. 316.

smrž, польск. *smarz*, *smardz*, в.-луж. *smorž*, *smorža* ж., н.-луж. *smarž*. Для праславянского реконструируются две основы **sm̥rčь* и **sm̥ržь*, впоследствии осложненные в ряде языков вторичным суффиксом *-ьk-*.

Фасмер связывает название гриба с глаголами *сморгать*, *сморгать* (II, стр. 676); Махек склонен видеть в нем наследие доиндоевропейского субстрата, попавшее в славянский через германское посредство. Думается, что последнее предположение требует более серьезного обоснования²⁶.

Если исходить из современного значения глагола *сморгать*, для названия гриба следует предположить в качестве исходного значения 'слизь', но, кажется, есть возможность установить иные семантические связи.

Праславянские **sm̥rgati*, **sm̥rkati* представляют собою два произносительных варианта одного глагола, возможно, с экспрессивной меной задненебных. На почве современных славянских языков судьба этих глаголов характеризуется усилением внешних примет экспрессивности. В русском языке это выражается в образовании таких экспрессивных форм, как *сморгануть* (типа *садануть*, *толкануть* и т. д.), в мене *s > ш* (*шморгать*), образовании таких усиливающих эмоциональную окраску форм, как *смурьгать*, *смурькать* со вставным *-ы-* и меной корневого гласного *o > y*, и, наконец, опять-таки выразительная мена *g > x*: *шморыхать*, *шмурыхать* при *шмурьгать*.

Польский язык сохраняет аналогичные процессы в этом глаголе: мена *s > š*, *g > x*, мена корневого гласного *o > u > y*. Ср. *smergać*, *smernąć*, *smarnać* и *szmarnać*, *šmarnać*, *szmernąć*, затем *smurgnąć* и *szmorhnąć*, *szmorhać*.

Семантически глагол *сморгать*, *сморгать* как в русском языке, так и в польском выступает как один из синонимов глаголов *дергать* и *драть*. 'Дергать' в значении близком к 'рвать': «Насморгали репы»; «Паляді, сколько канями у сараи сена насморгана» (смол. Добр., 463); *посморгать* 'подергать' (смол. Добр., 681); 'дергать' в близком значении к 'сучить, быстро двигать': «*Smernąć pogami*» (Варш. сл. VI, 240); 'дергать' с приставкой *про-* в значении 'продергивать, продевать': «Стала баба *просмаргивать* нитку в иголку», «*просморгни* нитку в иголку» (смол.

²⁶ V. M a c h e k. Etymologický slovník..., стр. 460.

Добр., 737); 'дергать' в том же значении, что и *броснѣть* 'сдергивать листья, ягоды движением руки, прижатой к стеблю': *сморгать* 'очищать прут от листьев' (Д³ IV, 295), *шморгать* то же; 'дергать перья, опципывать, чистить', укр. *шморгати*, русск. диал. «Сосморкни свечу» 'очисти свечу, сними нагар'; 'дергать' = 'бросать, делать резкое движение рукой': польск. «*Smyrgnął mi ze złością szarpkę pod nogi*» (Варш. сл. VI, 250); 'дергать' = 'быстро побежать' = 'шмыгнуть': польск. «*Zajęs z pod między smyrgnie*», русск. *смаргануть* 'броситься, побежать' (смол. Оп., 208); 'дергать' в оборотах *дергать носом*, *шмыгать носом* совпадает с литературным значением глагола *сморгать*, ср. *шморгнуть* 'потянуть в нос соплю' (яросл. Мельн., 219); 'дергать' = 'драть, тереть, чесать, скрести': *смурьгать* 'тереть, дергать, чесать' (твер.), *шмурьгать* 'дергать, тереть' (кур., пск., тамб. Д³ IV, 300); *шморгать* (юж. зап.) 'шмыгать, тереть туда и сюда'; *шмурьгать* (ряз.) 'чесать, царапать тело, чесаться' (Д³ IV, 1457); (кур., пск.) 'тереть' — «*Шмурьгать пол песком*» (Даль, там же).

Таким образом, глагол *сморгать*, *сморгать* и его экспрессивные формы выступают как синоним глагола *дергать*, отражая многообразные оттенки его значения, сближаясь по семантике с глаголами *броснѣть*, *шмыгать*, *тереть*, *чесать*. Значение 'сморгаться' является одним из проявлений значения 'дергать' и явно не первично.

Одним из таких оттенков значения глагола *сморгать* было, по-видимому, 'сдергивать, сжимать, мять, морщить', ср.: «*Смаргнѣтъѣ мат'ѣр'нѣѣ*» 'сморщенная, помятая' (смол. Кустар., 150). Возможно, что этот оттенок отражает укр. *шморшки* мн. 'морщины, складки': «*Лице було оперезано шморшками*» (Гринч. IV, 506—507).

Можно предположить, что и в основании названия гриба *Morchella* **smъrъžь* / **smъrъць* лежит представление о чем-то сморщенном, смятом, что отражает столь оригинальную форму шляпки гриба, покрытую бороздами и складками.

Предположение о том, что первоначально глагол **smъr-gati*, **smъrkati* имел значение 'дергать', не снимает возможности сравнения его с балтийскими формами со значением 'марать, пачкать', так как в балтийских эти значения могут быть вторичными.

печура

Так называется в славянских языках гриб-шампиньон. Русск. *печу́ра*, *печу́рка*, на границе с Украиной *пичерица*, укр. *печері́ця*, блр. *пячуры́ца*, польск. *peczarka*, чеш. *pečárka*, болг. *печурка*, серб. *пѣчурка*, словен. диал. *pečurka*. По выделении вторичных суффиксов *-k(a)* и *-ic(a)* остаются основы **pečur-/*pečer-*, которые в своем распределении по языкам сближают русский язык с южнославянскими, а белорусский и украинский с западнославянскими.

По поводу этимологии слова было выдвинуто несколько гипотез. Мысль А. Преображенского о том, что название гриба произведено от названия ямки, норы, привлекательна со стороны значения. Шампиньоны имеют полую ножку, и в таком случае название *печурка* было бы аналогично названию гриба с пустой ножкой *дуплянка*, *дупляница*. Этому предположению противоречит наличие в этом слове во всех славянских языках звука *č*, что предполагает исходное *k*, а не *kt*.

Миклошич, а вслед за ним и Фасмер производили название гриба от глагола *печь*²⁷. В таком случае значение должно было быть 'гриб, который некут'. Эта гипотеза очень привлекательна, единственный момент, который остается неясным в этом случае, это то, что как правило суффиксы *-ur(a)*, *-er(a)* присоединяются к именным основам, а не к глагольным, но это, возможно, говорит лишь о нашей недостаточной осведомленности об истории этого суффикса в славянских языках (ср. *печура* 'печеный картофель'²⁸).

сыроежка

Пятое общеславянское название грибов это слово *сыроежка*. Значение его достаточно общо, этим словом называются многие виды *Russula* и *Agaricus deliciosus*.

Русск. *сыроёжка*, *сыроёга*, *сыровёга*, *сыровёжки*, *суравешки*; укр. *сироїдка*, *сировоїдка*, *сироїжка*; польск.

²⁷ V a s m e r. REW, II, стр. 352.

²⁸ И. С в е н ц и ц к и й. Опыт сравнительного словаря русских говоров (галицко-бойковский говор).— Ж. Ст., год 10-й, 1900, вып. I—II, стр. 224.

serojeszka, surojodka, syrojadek; чеш. *syrovinka*; ст.-чеш. *syrojěd, syrojědka, syrovedka*; словен. *sirovojedka, sirovetka, sirotka, sirovka*; с.-хорв. *siro(vo)jedka, sirovka, sirojka, sirnjaja*.

Слово сложное, первая часть *syр-* 'сырой', вторая *ěd-/ědja* 'еда', значение слова очень неопределенно 'сырая еда; то, что можно есть сырым'. То, что во всех славянских языках это значение конкретизировано как название нескольких видов грибов, несомненно имеет значение для истории культуры.

Это значит, что уже в праславянский период какие-то виды грибов воспринимались как то, что можно есть сырым.

Слово *сыроежка* сохраняет в связанной форме старое название еды, пищи *эжа*, сохранившееся только в говорах. Ср. *эжа* 'еда' (вят. Васн., 355; волог., тамб., твер., тобол. Он., 271), *облоэжа* 'прожора' (пск., твер. Он., 133), укр. *іжа* 'еда'. Вариант *сыроэга* — вторичное обратное образование от *сыроежка*.

По говорам *сыроежкой* называют еще кушанье из сырого теста: *суроэжка* 'клецки из яровой муки' (жир. Гор., 336); *сураэга* 'сырое тесто из гречневой муки, смешанное с квасом' (кур. Халан., 22).

во л н у ш к а

Гриб *Agaricus torminosus* внешне очень своеобразен, его шляпка покрыта волосками. Эта особенность гриба привела к тому, что он назван был «шерстяным» грибом в восточнославянских и западнославянских языках. От общеславянского **vьlna* 'шерсть' существовало прилагательное **vьlněnъ* 'шерстяной'. Ср. лит. *vilnonis* 'шерстяной', оформленное тем же суффиксом. Название гриба было образовано от основы имени прилагательного с синонимичными суффиксами *-ъka/-ica*: **vьlněnъka/ *vьlněnica*. Ср.: польск. *wetnianka*, др.-чеш. *vlněnka*, русск. *вожняница* «...съ крестьянъ же оброчного хлѣба ржи по 238 чети; овса по тому жь, ячменю по 79 чети съ осминою; столовых запасовъ груздей по 79 1/2 ведръ, вожняницъ по 159 ведръ» (1713)²⁹, укр. *вовнянка*.

²⁹ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Изд. АН под ред. Н. В. Колачова, т. III. СПб., 1885, стр. 391.

Уже на русской почве в части говоров название этого гриба было переоформлено по активной словообразовательной модели в названиях грибов: *волну́ха*, *волну́шка*. В тверских говорах есть даже непроемный вариант названия *волна* (калин., кимр. Виногр., 395). *Волнянка* и *волнушка* — это разнооформленные однокоренные наименования одного и того же гриба и поэтому этимологизировать их независимо друг от друга, как это делает Фасмер, вряд ли правомерно³⁰.

Памятники русской письменности вплоть до конца XVIII в. фиксируют название гриба *волнянка*, *волняница*. Но в то же время под воздействием разрушения этимологической связи *вблна* — *волнянка* в русских говорах происходят различные изменения во внешнем облике слова, делающие его подчас почти неузнаваемым. Чаще других отмечена форма, полученная в результате ассимиляции: *волвянка*, *волвяница*. Появляются и искаженные формы: *вблганцы*, *вблгинка*, *вблданцы*, *вблденица*, *волдянка*, *волжя́нка*, *волженка*, *волнейка* — результат диссимиляции *н-н*³¹.

В тверских говорах есть название волнушки, заново воссоздающее семантическую модель: *мохну́шка* (калин., кимр., Виногр. 395).

б л и ц ы

Русское диалектное, псковско-новгородское, обобщенное название грибов *блiцы* долгое время считалось заимствованным из нем. *Pilz* 'гриб'. Так, вслед за Миклошичем высказывались Бернекер и Преображенский³². Фасмер логично отказался от этой точки зрения, считая, что это «невозможно ввиду фонетических особенностей и отсутствия географической опосредствованности». Он объединяет русское *блiцы* с западнославянским *bedta* 'гриб *Agaricus*'. Праславянская форма в таком случае

³⁰ V a s m e r. REW, I, стр. 216 и 219.

³¹ В литовском языке «шерстяным» называется гриб *Agaricus vellereus* — *vilnis*.

³² Fr. M i k l o s i c h. Etymologisches Wörterbuch der Slavischen Sprachen. Wien, 1889, стр. 14; E. B e r n e k e r. Slavisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908, стр. 61; А. П р е о б р а ж е н с к и й. Этимологический словарь русского языка, т. I. М., 1910, стр. 30.

bьdla* > **bьdlica*/bьdlьka*. Ограниченность территории распространения слова *блицы* — пограничные исковско-новгородские говоры (на всей остальной территории восточнославянских языков отсутствуют) наталкивает на мысль об очень старом (может быть, VII в.) проникновении слова с территории западных славян. Слово проникло до падения редуцированных и претерпело типичные для русского языка изменения. Возможно, что это и не заимствование, а элемент лексической общности, объединявший смежные территории западных славян, древних словен и литовцев (ср. лит. *budė* 'древесная губа, гриб', *bidis* 'гриб', в частности 'груздь'). Родство чешско-польских форм с балтийскими было отмечено еще Траутманом и Бернекером.

При выяснении более далеких связей мнения расходятся. Фасмер связывает этот балто-славянский материал с древнеиндийскими и германскими формами со значениями 'раздуваться, набухать': др.-инд. *budbudas* '(водяной) пузырь', лат. *buda* 'камышинка', дат. *pude* 'подушка', инв. *puta* 'надуваться, набухать'³³.

Махек, сопоставляя слав. **bьdla* с греч. *βολίτης* и проводя аналогию **bьdla* — *βολίτης*, как **jedla* — *ἐλάτη*, считает это слово субстратным доиндоевропейским элементом³⁴.

п ó р х о в к а

Во многих русских говорах гриб-дождевик называют *пóрховка*, *порховица*, *порхавка*. Это общеславянское наименование дождевика: укр. *порхавка*; блр. *порхаўка*; польск. *porchawka*; ст.-польск. *parchawica/parchawiec/parchewka*; н.-луж. диал. *porxařca*, в.-луж. диал. *porxařa/perxařca*, с.-хорв. *prhavic*, *prhavica*³⁵. Все эти формы предполагают основу **р̑rx-*.

Славянские языки дают значительное число родственных образований: *перхоть*, *персть* (<**р̑rxotь*, **р̑rstь*) 'перхоть, прах, земля'; *пóрох*, *пороша* (<**porxь*,

³³ V a s m e r. REW, I, стр. 93.

³⁴ V. M a c h e k. Etymologický slovník..., стр. 28.

³⁵ W. B u d z i s z e w s k a. Słowiańskie słownictwo dotyczące przyrody żywej. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965, стр. 202.

porša*) 'пыль, прах, снег', *porbžno* 'гнилое дерево'; *nǫrxatъ*, *nǫrxatъ* 'бить крыльями, поднимая пыль или снег' (rǫrxati*); *nǫrxlyj* (<**rǫrxlǫjъ*) 'рыхлый, крошащийся' (ср. арх. *porxlyj* песок 'сыпучий песок'); словен. *prh* 'гниль, прах' (<**rǫrxъ*).

На праславянском уровне мы имеем два варианта, с разной степенью основы, названий пыли, праха, гнили **porxъ* и **rǫrxъ*. (Ср. аналогично **sokъ*, **sъkъ*).

В польских названиях гриба-дождевика отражены обе основы: *purchawka* и *prochówka*. Ср. еще словен. *orjaška grašnica* и болг. *праховица*.

г р у з д ь

Слово ограничено только восточнославянскими языками: укр. *груздь*, блр. *груздь*.

М. Фасмер связывает *груздь* с *груда* в значении 'гриб, растущий на груде, куче'³⁶. А. Потебня ищет родство с лит. *guzdeni, guzdentis* 'дымить, коптить' по причине наличия у гриба горького, терпкого привкуса³⁷.

Мысль о связи *груздь* — *груда* представляется вполне логичной; отношения *d/zd* известны в таких примерах, как *грогада*, *громоздить*, *громоздкий*, *глудкий* — *глуздить* и др.; требуют уточнения только семантические обоснования.

В других восточнославянских языках, а также в южных и в западных говорах слово *грудá* значит 'ком, кусок'. Ср. *груда* 'кочка' (зап. Д³ I, 987); укр. *грудá* 'комочек, кусок', *груд* 'возвышенность, холм' (Гринч. I, 331); блр. *грудá* 'взрытая земля, окаменевшая от мороза': «Самая лютая езда по *грузде*» (Носов., 122). Ср. название ноября *грудень*. За пределами восточнославянских ст.-слав. *грудие* 'скупенная земля, гряда', серб. *грудá* 'ком', *грудаст* 'комковатый'. Ср. еще др.-русс. *грѣдавыи, грѣдивыи, грѣдныи* 'неровный, комковатый' (о дороге) (Срезн. I, 599, 600). Значение 'куча, большое количество' получило наибольшее развитие в русском языке; а так как слово *груздь* — общее для всех восточнославянских языков, то следует говорить о связи *груда* — *груздь* по линии значе-

³⁶ V a s m e r. REW, I, стр. 312.

³⁷ А. П о т е б н я. Заметки этимологические и о народной поэзии. — РФВ, 3, 1880, стр. 92.

ний 'ком' — 'гриб'. Возможность такой связи подтверждается аналогией со значением слова *гриб* в русских говорах. Ср. *грибкий* 'замерзшая грязь' и *грудки* то же; *гриб* 'возвышение, гряда' и укр. *груд*, ст.-слав. *грудие* то же.

Значение слова *грудие* собственно могло быть более широким и затем уже было конкретизировано как название определенного вида.

Возможно предположение о связи слова *грудь* с лит. *gruzdūs* 'хрупкий, ломкий', *graudus* 'рассыпчатый', но оно менее правдоподобно, так как, по-видимому, *грудь* — самостоятельное образование на почве древнерусского языка.

о б а б о к

Это слово распространено во всех восточнославянских языках. Обычно им называют подберезовик (*Boletus scaber*), реже масленок (*Boletus granulatus*), а иногда грибы вообще.

Морфемное членение слова не вызывает затруднений. Фасмер, вслед за Р. Якобсоном и Кипарским, относит слово *обабок* к словообразовательному ряду *опенок*, *обоконок*, объясняя значение слова как 'гриб, растущий вокруг пней' при *баба* 'пень'. Это определение, абсолютно логичное по отношению к слову *опенок*, в данном случае менее правдоподобно. Ни подберезовики, ни масленики не растут вокруг пней по преимуществу. Кроме того, слово *обабок* может быть с не меньшим успехом включено в другой словообразовательный ряд: *обабок* как *огрызок*, *окурок* может быть отглагольным образованием. Глагол *бабится*, *обабиться* в большинстве славянских языков значит 'сморщиться, обмякнуть'. Ср. укр. *бапчитися* (про частины тіла, зокрема пальці людини, що довго перебували в воді) 'морщитися, м'якнути'³⁸; болг. *бабици* 'морщины', *бабичасвам* 'покрываться морщинами, сморщиваться'³⁹; русск. *обабиться* 'распариться, обмякнуть' (вят. Зелен.,

³⁸ О. С. М е л ь н и ч у к. Словник специфічної лексики говірки села Писаревки (Кодімського р-ну, Одеської обл.). «Лексикогр. бюлет.», вип. II. Київ, 1952, стр. 72.

³⁹ С. Б. Б е р н и щ е й н. Болгарско-русский словарь. М., 1953, стр. 23.

покрыта мелкими трещинами. По русским говорам прилагательные *ситный*, *ситовый* значат 'дряблый, трухлявый' (Д³ IV, 166), глагол *сétаться* значит 'трескаться, получать трещины' (о глиняных сосудах) (арх. Оп., 225).

Возможно, что название гриба образовано от названия сита, так же как другое название того же гриба *решетник* произведено от названия решета, тогда это слово значит 'имеющий трещины, отверстия, как сито или решето', но может быть оно связано непосредственно с приведенными выше словами в значении 'трескаться, быть трухлявым'.

д е р я б к а

Кимрское (Калининская обл.) название того же гриба — зеленого моховика, семантически аналогичное предыдущему. Слово образовано от глагола *дерябать*, 'драть, чесать, скрести'. Значение слова может быть передано как 'драный'.

н а г о л ь н и к и

Это слово — эпитет, даваемый рыжикам-боровикам. По-видимому, это производное от прилагательного *нагольный* 'настоящий, совершенный' (Д³ II, 1029). *Рыжики-нагольники* собственно «настоящие» рыжики, название аналогичное польскому *grzyb prawdziwy*, *grzyb szczyry* 'белый гриб'.

г л у х а р ь

глуховик — это тоже не собственные названия какого-либо вида гриба, а определения, которые, присоединяясь к другим названиям, придают им значение 'гриб, пластинки которого срослись, покрыты пленкой': *глухой рыжик*, *рыжик-глухарь*, *глуховік*, *глухой масленик* и т. д. Прилагательное *глухой* здесь выступает в одном из своих значений 'заделанный, не имеющий отверстий'.

и з г ў б а

Таково приводимое Далем название груздя. Наличие приставки дает возможность предположить гла-

гольный корень. Непосредственная связь с глаголом *губить* в его современном значении должна быть отвергнута, так как речь идет о съедобном грибе. По-видимому, это производное от одной из ступеней чередования глагола *гнуть* (**gub-* / **gyb-*), **ǰъзъgiba* при **ǰъзъgybati* (реконструкция в данном случае использована лишь для схематического показа отношений, а не для установления хронологии образования). Значение может быть передано как 'гриб с изогнутой, вдавленной шляпкой'.

бабу́ра

бабу́ра — названия сморчка во владимирских говорах. Эти слова интересны со словообразовательной точки зрения, так как содержат суффиксы *-ур(a)*, *-урк(a)*, редкие в славянских языках. Суффикс *-ур(a)* образует названия самцов (*жабу́р* при *жаба*, *саму́р* 'самец свиньи', *кочу́р* 'жеребец'), действующего лица *баху́р*, *баху́ра* 'распорядитель святочных игр' (смол. Добр., 24). Этот же суффикс выступает в функции уменьшительности *кошу́ра*, *кошу́рка* 'кошка' (влад. Оп., 92); *кочу́ра* 'кочка', *печу́ра*, *печу́рка* 'нора, углубление, ямка' (смол. Добр., 598), *бабу́рка* 'бабушка', *дочу́рка*, *бабу́ра* 'мотылек, стрекоза' (при *бабка* то же). С другой стороны, как будто бы без оттенка уменьшительности *боку́ра* 'бочка' (твер. Оп., 12) и *чапу́ра* 'цапля' (ворон. Дои. Оп., 297) — производное, так же как и *цапля* от глагола *чапать*.

Возможно, что *бабу́ра*, *бабу́рка* — такое же образование от основы *баб-*, как и *бабка*; может быть, отношения семантически иные, но связь с этой основой несомненна.

целѣик

целѣик, *целѣиш* — так в вологодско-ярославских говорах называют главным образом подберезовики. М. Фасмер, вслед за Далем, связывает это наименование со словом *целый*, а вариантность *ч/ц* объясняет свойственным этим говорам чеканьем (Vasmer III, 313). Вполне возможно, что первичным значением было 'молоденький гриб, шляпка гриба, которую не режут, а кладут в кушанье целыми'. Ср. *целѣиш* 'шляпка гриба': «Смотри-тко, в похлебке-то одне *целѣиши*» (яросл. Дои. Якуш., 130).

коновятик

коновяш 'старый белый гриб' (новг.). С одной стороны, это может быть образование от слова *конь* (названия грибов от названий животных очень распространены), ср. у Даля *коневатый* 'на коня похожий видом, побегою или тупотнею' (Д³ II, 395), но тогда ожидалось бы **коневатик*. Или же здесь оказали влияние названия типа *коровятик*?

С другой стороны, возможно объяснение, которое не вызывает структурных затруднений. Слово *коновятик* могло быть образовано от названия деревянной обручной кружки *кбновь*, *кбнбвка* (твер., влад., ворон.) (Д³ II, 385). Тогда *коновятик* значит 'похожий на коновь'. Ср. аналогичные названия грибов, образованные от названий различной посуды: *кринка*, *стакан*, *кубышка*, *кузбвка* и др.

кбнюха

Это слово вызывает совершенно те же трудности, что и предыдущее. *Кбнюха* — ярославское название подгрудя. Оно может быть образовано от слова *конь*, кстати в архангельских говорах этот же гриб называется *конёк*.

Но в то же время в тверских говорах есть *кбнюха* 'кружка, ковш' (твер. МДК, РФВ, LXXI, 344). Трудно сказать, какому решению следует отдать предпочтение.

алипан

Алипан 'масленик' (нижег. Даль). Это образование с довольно активным в восточных говорах суффиксом *-ан* от корня *лип-* 'липнуть'. Начальное *а* здесь может быть объяснено лишь наличием предположительной стадии **льпан* > *l'pan* > *al'pan*. Это название находит себе основание в реальных свойствах гриба.

слизуны

слизунцы — довольно широко распространенное в говорах Архангельской обл. название масленика: «Сл'иск'ије гр'ибы — сл'изунц'ам'и и зов'ом». *Сл'изкий* 'скользкий, покрытый слизью' — северный и северо-

западный вариант слова *склизкий* 'то же' с упрощением группы согласных. Масленики названы так из-за покрытой слизью шляпки.

ф е т ю г а

Целая серия наименований гриба-дождевика связана с глаголами 'надуваться, увеличиваться в объеме'. *Фетюга* — экспрессивное образование со значением 'нечто надутое', однокоренное со словом *фетюк* 'угрюмый человек, брюзга, кто вечно дуется' (Д³ IV, 1137), *фетюй*, *фитюй* 'дурак' (яросл. Мельн., 208).

п ы х в а

пы́шка, *пыхалка* — это тоже наименования дождевика. Образования от глагола *пы́хать* 'тяжело дышать, пыхтеть, надуваться'. Ср. название воздушного пирога в тех же олонецких говорах *пыханник* (олон. Кул., 97) и чешское название дождевика *pusavka*⁴².

Вызывает некоторое сомнение форма *пышка* с несвойственным русскому языку сочетанием *-хк-*. Поскольку речь идет об олонецких говорах, здесь может иметь место обратное заимствование из западнофинских языков.

п у х á р к а

Название гриба-дождевика в русских говорах Прибалтики, в основе своей псковских. Оно абсолютно совпадает с хорватским наименованием того же гриба *puhara*. Но вряд ли этим совпадениям следует придавать серьезное значение. Корень **рих-* / **рух-* 'надуваться, распухать' исключительно широко и многообразно представлен в славянских языках. Экспрессивные образования от него могли возникать независимо в разных местах в разное время. Ср. укр. *пу́шка* 'дождевик'.

п ы ж и к

Семантически аналогичное предыдущим нижегородское название гриба-дождевика. Это — производное

⁴² М. Ú l e h l o v a - T i l s c h o v a. Česká strava lidová. Praha, 1945, стр. 55.

от глагола *пыжить* 'надувать', *пыжиться* 'надуваться' (ср. *пыжатай* 'пышный, полный, красивый' от глагола *пыжить* 'вздувать, взбивать'⁴³).

б ó б к а

Образное наименование гриба-дождевика в приозерских говорах Архангельской обл. *Бобок*, *бобка*, мн. *бобки* в русских северных говорах значит 'шарик, нечто круглое'. Гриб назван так за свою шарообразную форму.

б р а з д а в к и

Имя того же дождевика в говорах Саратовской обл. Это слово, несомненно, связано с глаголом *браздаться* 'пачкаться'. Даль дает его с пометой — [вологодское], но на самом деле этот глагол распространен гораздо шире. *Браздавка* собственно 'пачкающий (гриб)', назван так за пылящие споры.

т у г и л а ж к а

Название гриба-дождевика (олон. Кул., 121) — единственный известный мне случай заимствования в названиях грибов. Финский пласт в олонекских говорах исключительно велик, этим объясняется редкий случай заимствования в группе совершенно самобытной лексики. *Тугилажка* из фин. *tuhkelo*, *tuhkiainen*, *tuhkulainen* 'гриб-дождевик', карел. *tuhma* 'то же', к **tuhi laže*, *tuhista* 'пыхтеть, сопеть'⁴⁴.

д у н и

Один из наиболее трудных случаев для этимологии — использование для номинации личных собственных имен. В этом смысле почему-то больше всего повезло свинушкам, их чаще других называют собственными именами. Мне не известна экспрессивная характеристика, связанная с именем *Дуня*, *Дунька*, хотя на возможность

⁴³ А. П у т н и ц е в. О говоре в местности Хворостань Воронежской губернии. — Ж. Ст., год 16-й, 1906, вып. I, стр. 121.

⁴⁴ J. K a l i m a. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919, стр. 226—227.

ее существования указывают некоторые аналогичные примеры: *артюха* 'разухабистый человек, головорез' (смол. Добр., 14); *сазон* 'человек отменный по своим дурным качествам' (яросл. Мельн., 17, 179), *уліта* 'неопрятный' (там же), *огрофенка* 'девья красота, цветок' (яросл. Доп. Якуш., 115); укр. *ненила* 'высокий, неповоротливый человек' (Гринч. II, 552). Мы в состоянии лишь указать, что вологодское и воронежское название свинушки *дунька* (мн. *дуни*), по-видимому, связано с именем собственным в его оценочном употреблении. Так же трудно объяснить и последующие названия грибов.

матрена (матрежи)

Ассоциации многообразны: с одной стороны, деревянные игрушки, называемые «матрешками», с другой стороны, *матренками* называют в говорах Владимирской и Костромской обл. (Оп., 110) растение тысячелистник, в Ярославской — стебель тмина (яросл. Якуш., 19), в тех же говорах *разматрѣнить* значит: а) 'изругать', б) безл. 'быть расслабленным, заболеть, дремать' (яросл. Мельн., 172). Это многообразие возможных связей лишь усложняет картину.

солопена

Это название свинушки связано, по-видимому, с глаголами *солопнуть*, *селепать* 'высунуть, высовывать язык' (смол. Добр., 810, 829), укр. *солопити* 'бесмысленно смотреть', *солопій* 'ротозей' (Гринч. IV, 167), ср. имя собственное *Солопий* у Гоголя. Для слова *солопѣна* значение может быть реконструировано приблизительно как 'разиня, дуреха'. Мы увидим далее, что наименования грибов словами с подобной экспрессивной окраской довольно многочисленны. К ним относятся воронежские названия свинушки.

солоха

солбня, *соломаха*, одновременно все три слова в воронежских говорах значат 'вялая, нерасторопная женщина, неряха'. Названия эти могли возникнуть несколькими путями: непосредственно от значения 'вялая жен-

вешкарь

Это название различных видов грибов: белого, козляка, масленика. Суффикс *-арь* тот же, что и в названии грибов *сухарь*, *глухарь*. Возможно, что слово *вешкарь* связано с глаголом *вѣшить* 'ставить вежи', *вѣшка* 'вежа'.

оскѡр

Название гриба, нарастающего на коре дерева. Слово сохраняет старую словообразовательную структуру: приставка *о* (<**ob-*) и корень *скор-* 'кора' (ср. *скора* 'шкура').

подгрѣб

Это гриб-подгруздь, сходный с груздем. Название представлено довольно широко в северо-западных говорах (Новгородская, Псковская, Смоленская обл.). Все остальные названия этого гриба являются производными с помощью приставок *па-* или *под-* от слов *груздь* или *гриб* (ср. *подгруздь*, *подгруздок*, *пагрибень*, *подгруздень*). Возможно, что основа слова *подгрѣб* связана со словом *гриб* и является его искаженной формой при нейтрализации фонем в заударном слоге: **пѡдгриб* (= *подгр'ьп*) > **подгрѣб* (?). Связь с глаголом *грести* неясна.

казаруш

Казарушек — тамбовское название подосиновика. Это — несомненный украинизм. В большинстве украинских говоров *козар* — название гриба подосиновика.

кульник (мн. *кульники*)

Название вида съедобных грибов (пск., вят. Д³ II, 557). Это наименование, вероятно, связано со словом *кульнѧ* 'безрукий, беспалый'. Ср. название валуя *кулак*.

г у к а л к и

Так зовут шампиньоны в Смоленской обл. Возможно, название связано отношениями производности с глаголом *гукать* 'говорить'. Ср. семантически подобное название опят *говорушки*.

к о л ч а к

Таково литературное наименование гриба *Hud-pim*. В большинстве русских говоров этот гриб, считаясь несъедобным, поганым, индивидуального названия не имеет. Слово *колчак*, по-видимому, полонизм (ср. польск. название того же гриба *kolczak* при *kolka* 'колючка, иголка', *kolczasty* 'колючий'). Этот термин отражает характерную особенность гриба, заключающуюся в том, что пластинки на нижней стороне шляпки имеют форму колючек.

о к л у б

По В. Далю, *оклубом*, кроме гриба, называется еще круглая крона дерева (Д³ II, 1711). Оба значения связаны со словом *клуб* 'шар, нечто круглое'.

п а х о в ы к

Это ярославское название гриба с бархатистой шляпкой (боровика?). Слово может быть образовано от *пах* 'запах' за приятный аромат белого гриба. Ср. укр. *zarah* 'Boletus luteus' и 'Boletus edulis' (Мак., 58).

п е с л ы к

Это белорусское слово, ср. блр. *песьляк* 'старый гриб' (смол. тоже). Образование типа *козляк*, но от слова *пес*. Значение 'плохой, несъедобный гриб' (ср. *песьи губы*).

* * *

Используя полученные данные, можно выделить в рассматриваемой лексической группе разные хронологические пласты. Культурно-исторические выводы, сделан-

ные на основании относительной хронологии образования лексем, могут быть только осторожной гипотезой.

Словообразовательный анализ доказывает поздний характер образования большей части названий грибов. Создание всей группы в целом должно быть отнесено к периоду самостоятельного развития отдельных славянских языков. Возможно, что к этому же времени следует отнести факт широкого употребления в пищу многих видов грибов.

Четкое разграничение названий видов *Agaricus* и *Boletus* по говорам и памятникам с постоянной устойчивостью наименований первых в говорах всех восточнославянских языков, возможно, вскрывает факт относительной древности. Может быть, именно виды грибов *Agaricus* раньше вошли в употребление, может быть, их раньше научились сохранять впрок. То, что в некоторых районах Болгарии не едят грибы *Boletus* и не различают их, но едят грибы *Agaricus*, возможно, есть сохранение древнейшего состояния, которое и может служить косвенным подтверждением нашего вывода.

В праславянском языке позднего периода мы вправе восстановить только восемь лексем. Из них четыре прекрасно поддаются словообразовательному анализу на праславянском уровне: ясна не только структура слова, но можно выделить производящую основу и продуктивные для того периода аффиксы (см.: **pečerica*, **smърчь*, **syrojědja*, **rydъ*). Для реконструкции характера использования самих предметов этимология этих слов дает разный материал. То, что слово **smърчь* / **smързь* на всей славянской территории обозначает только определенный вид грибов, может свидетельствовать о том, что в праславянский период этот вид грибов был известен, выделялся и обозначался, но употреблялся ли он в пищу, сказать невозможно. Обозначение многих видов грибов во всех славянских языках словом **syrojědja* с несомненностью говорит о том, что в поздний праславянский период многие недифференцированные виды грибов ели сырыми, как это делают и сейчас в ряде мест. Такое употребление грибов могло быть только случайным, вряд ли они играли существенную роль в питании. Устойчивое выделение и единое наименование во всех славянских языках гриба шампиньона свидетельствует о том, что этот вид в общеславянский период был известен, а правдоподобное произведение

слова **pešerica* от глагола *pečь* указывает и на способ употребления этого гриба. Возможно, что шампиньоны пекли на открытом огне, как это делают и сейчас в Словакии и на Украине.

Три лексемы **goba*, **gribъ*, **bъdla* не могут быть протимологизированы на основании внутренних данных славянских языков. Словообразовательная структура этих имен уже в праславянский период была архаична. Внешнее сравнение позволяет установить, что местный западнославянский диалектизм **bъdla* наряду с балтийскими *budē*, *budis* значил 'вид гриба, гриб'. Никаких данных о существовании других значений для этой основы ни в славянских, ни в балтийских языках нет. В противоположность этому слову лексема **gribъ*, судя по материалам, имела довольно широкий круг значений: 'уступ, возвышение, складка, морщина, нарост' и т. п. В какой-то момент у этой лексемы возникло тоже в рамках группы диалектов значение 'гриб'. Слово **goba* обладало на диалектах довольно широкой семантикой, частично сохраненной до наших дней: 'лишай, короста, трут, нарост, гриб, часть лица'.

Восстановление этимологических признаков, лежащих в основе этих трех названий (независимо от того, возникли ли они путем метафорического переноса или непосредственным словопроизводством от несохранившихся корней), показывает, что все они образованы приблизительно по одному и тому же признаку и означают 'вздутие, нарост, нечто изогнутое'. Отсутствие в других индоевропейских языках для этих лексем родственных слов со значением 'гриб' говорит о том, что эти значения — местная славянская (а в одном случае балто-славянская) инновация.

Грибы вообще назывались, но никаких данных об их употреблении на этом этапе у нас нет. То, что в отдельных районах Хорватии грибов не едят, возможно, есть консервация архаичного явления.

Общий вывод может быть сформулирован следующим образом: судя по лингвистическим данным, широкое употребление славянскими народами грибов — явление сравнительно позднее, начало которому было положено в праславянский период.

- абзю́жа* 'род грибов' (влад., ковр. Доп. Оп., 1).
алипа́н 'Boletus granulatus' (шижег. Д I, 394)
арина 'Agaricus necator' (влад., нокр., Оп., 3; Д I, 22)
ба́бка 'Boletus edulis' (смол. Д I, 33)
бабу́ра, бабу́рка 'сморчок с низкой ножкой и толстой шляпкой, Morchella conica' (влад. Д I, 34; влад., переясл. Доп. Оп., 3)
бабье ухо 'уродливый гриб' (олон. Кул., 144; киров. Гор., 237; арх., ровд. Кимяг.; яросл., данил. Копор., 105; волог., вельск. Диал. сб., 46; яросл. Мельн., 27)
балу́й 'гриб' (яросл. Доп. Якуш., 100)
балу́йка, балелюи 'гриб, сходный с белым Russula foetens' (яросл., пошех. Копор., 84; яросл., молож. Доп. Оп., 5; яросл. Мельн., 28)
ба́бик 'Boletus edulis' (яросл., рост. Волоц., 20)
белеви́к 'белый гриб, боровик' (Сл. Средн. Урала, 1, 40)
белени́ 'Agaricus subdulcis' (смол., росл. Добр., 47)
белоголовник 'белый гриб' (урал. Сл., 1, 41)
белый гриб 'Boletus edulis' (влад., ковр. МДК 11, 40; волог., кадн. МДК 11, 85; волог., вельск. Диал. сб., 46; влад., собиш. МГУ; арх., арх. МДК 11, 10; калин. Строг., 38; арх., белом. Федор. 27; киров. Гор., 322; калин., стариц. Флор., 98; перм., чувов. Каюр., 321; сарат. Монс., 72; костр., кологр. МДК 11, 158, кал., дзерж. В. М.; Д I, 394)
бель 'гриб-дождевик' (Фил., 2, 235)
беляк 'подгруздок Russula delicata Fr.' (пенз. Оп., 19)
белянка 'Agaricus subdulcis' (арх., ровд. Кимяг.; арх., приоз. Кимяг.; арх., виногр. В. М.; смол., пенз. Д I, 394; пенз. Зелеп., 352; тобол. Зобн., 129; волог., волог. МДК 11, 75; яросл. Доп. Якуш., 100; костр., кологр. МДК 11, 158; кал., дзерж. В. М.; костр., лышуг. Азарх; Анн. Прост. 104; Подвысоцкий ошибочно для слова белянка дает значение 'белый гриб')
березник 'гриб-подгреб Russula delicata Fr.' (Д³ I, 203)
березовик 'Boletus scaber' (влад., ковр. МДК 11, 40; арх., арх. МДК 11, 10; олон. Барс. 89; волог., белоз. МГУ; Анн. Прост., 105).
бздю́жá 'Lycoperdon' (влад., ковр. Доп. Оп., 1; сарат. Монс., 72; Гринч. I, 54)
блица 'гриб вообще' (пск. Д I, 394; петерб., гдов., пск., великол., новоржев., опоч. Он., 11; пск. Доп. Оп., 3; петерб., гдов. Кузнец., 236)
бб́бка 'Lycoperdon' (арх., ровд. Кимяг.)
бойки мн. 'белые грибы Boletus edulis' (новг. Ерем., 51)
болботовик 'козляк' (влад., переясл. Доп. Он., 11; Д I, 111)
болотя́ник 'гриб, растущий на сухом болоте' (яросл. Мельн., 34)
борови́к а) 'белый гриб, растущий в бору' (смол. Добр., 37; кург., шадр. Сокол., 235; новг. Солов., 25; яросл., пошех. Копор., 104; Д I, 394; Анн. Прост., 105); б) 'вид рыжика, боровой рыжик' (калин. Строг., 41; олон., карг. Этн. оч., 38; олон. Барс.; вят., олон., карг. Оп., 13; кир. Гор., 322; с неверно указанным значением — перм. Проз., 353, ср. пример: «боров'ик'й красн'áје рыжыкоф»); в) 'подосиновик' (твер., кашин. Смирн., 9; волог., волог. МДК 11, 75; Доп. Он., 11; волог. В. г. в., 395); г) 'подберезовик' (енис. Кривош., 42)
борово́й гриб (арх., красн. В. М.)

- калин., стариц. Флор. 99; арх., приоз. Кимяг.; волог., белоз. МГУ; арх., виногр. В. М. яросл., пошех. Копор., 104—105)
- волнушка*, мн. *волнушки* 'Agaricus torminosus' (смол. Добр., 68; арх. печор. Иваш., 96; волог., белоз. МГУ; калин., кимр. Виногр., 395; арх., арх. МДК 11, 10; костр., пыщуг., межев. Азарх)
- вороньи яйца* 'грибы-дождевики' (урал. Сл. I, 92)
- вохрякй, вохреники* 'грибы желтого цвета' (арх., виногр. В. М.; арх., белом. Федор., 27)
- гладыш* 'Lactarius trivialis Fr.' (ряз. Строган, 258; яросл., люб. Доп. Якуш., 1031; яросл. Мельн., 51)
- гладуши* 'Lactarius trivialis Fr.' (новг., тихв. МДК 11, 79; яросл., пошех. Бал.; калин., болог. Струг., 43; яросл., пошех. Копор., 105; яросл. Мельн., 51)
- глухарь* а) 'вид белого гриба' (твер. Д I, 359; влад., ковр. МДК 11, 40; твер. Оп., 37; Макар. Оп., 58); в) 'вид рыжика' (калин. Струг., 42)
- глуховик* 'всякий гриб, разрезы которого срослись' (пск., твер., осташ. Доп. Оп., 33; пск., новг. Д I, 359)
- глухие сморчки* (Акс., 596)
- говорюши*, мн. *говорушки* 'опята' (смол., ельн. Добр., 116; стал., ново-анн. Орл. 42; кур., пенз. Оп., 38; кур., пенз. Д I, 364; кур., орл. Кардаш. 238; орл. Сахар., 13)
- голубец* 'Agaricus violaceus' (Д I, 370, 394)
- горянка* 'Russula emetica Fr.' (пск., опоч. Оп., 41; калин., стар. Струг., 42; твер., осташ. Копор., 101; новг. Карин., 113; ленин. Борк., 136)
- горышка* 'Russula emetica Fr. (Agaricus rufus)' (пск., пушк. Иероп., 592; пск., новорж. Оп., 41; прибалт. Немч., 70; Д I, 394)
- горькуша, горькушка* 'Russula emetica Fr.' (калин., кимр. Виногр., 395; Анн Прост., 104)
- горчани* 'грибы белые, буроватые, потом чернеющие, растут на горах' (смол., ельн. Добр., 123)
- горчужи* 'вид грибов' (волог. МДК 11, 77)
- гороховик, гороховник* 'желтый груздь, растущий в березовых лесах' (арх., виногр. В. М.; урал. Сл., 123)
- грачевники* (Д I, 394)
- гречишница* (смол., бельск. Добр., 144)
- гриб* а) 'гриб вообще' (дон. Мирт., 68; стал. Орл., 42; костр., покров. Ж. Ст., 1899, 348; кал., дзерж. В. М.), б) 'белый гриб' (кур., бобр.-двор. МГУ; сарат. Сирот., 214; ульян. Алекс., 188; арх., виногр. В. М.); в) 'рыжик' (?) (волог., белоз. МГУ); г) 'опенок' (тобол. Патк., 491)
- грибовик* 'большой гриб' (смол. Добр., 144)
- грибан* 'гриб вообще, чаще березовик' (яросл., дан. Доп. Якуш., 104; яросл. Струг., 38)
- груздь* 'Agaricus piperatus (Lactarius resimus Fr.)' (арх., виногр. В. М.; арх., пинеж. МДК 11, 358; арх., ровд. Кимяг.; арх. МДК 11, 10; волог., вельск. Диал. сб., 46; волог. Виногр. 395; волог., белоз. МГУ; волог., волог. МДК 11, 75; калин. Струг., 42; калин., осташ. Копор., 101; калин., кимр. Виногр., 395; твер., кашин. Смирн., 33; влад., ковр. МДК 11, 40; перм., верхот. МДК 11, 116; сарат. Сирот., 214; сарат. Моис., 72; сарат. Чмых., 65; ульян. Алекс., 188; пенз. Зелеп., 352; тобол. Зобн., 129; костр., межев., пыщуг. Азарх; Анн Прост., 103)

- грузь*, мн. *грузэй* (арх., онеж. Подв., 35; кал., дзерж. В. М.)
- грузд* 'Agaricus piperatus' (пск., опоч. Он., 42)
- груздень* 'Agaricus piperatus' (яросл., пошех. Копор., 103)
- груздок*, *груздки* (волог. В. г. в., 204, 406; сарат. Адлив., 493)
- грузель*, мн. *грузли* 'Agaricus piperatus', иногда 'общее название грибов' (кир., медян. Гор., 322; 252; вят. Васн., 54; вят. Оп., 42; мар. Моисеен., 292; перм. Проз., 16; перм., чувов. Каюр., 321; костр., ветлуж. АН. ф. 174; костр., вохом. Азарх; волог., солвыч. МДК 9, 59; арх., красн. В. М.)
- губы* а) 'грибы вообще' (зап. Д I, 394; арх., лекшм. МГУ; арх., печор. Иваш., 96; арх., белом. Федор., 58; арх., арх., мезен., шенк. Оп., 43; арх. Подв., 35; вят. Васн., 55; вят. Оп., 43; кир., вожг. Гор., 351; 322; волог. Потан., 226, перм. Проз., 353; перм., ирбит., солик., усольск., черд. Оп., 43; перм. Алексан., 204; удм. Барашк., 272; мар. Моисеен., 293; арх. Рич., Дж., 76; волог., ярен. Оп., 43; костр., чухл. Оп., 43; енис. Кривош., 45; сиб. Ануч., 44; дон. Мирт., 69; кур., орл. Кардаш., 270); б) 'волнушки' (нижег. Семен. Оп., 43); в) 'несъедобные грибы' (ряз. Строган., 255)
- губина* а) 'общее название грибов' (волог., кадн. Доп. Оп., 38; Д I, 394); б) 'нарос на дереве, трут' (пск., твер. Доп. Оп., 38)
- губарь* 'гриб' (яросл. Мельнич., 56)
- гукалки* 'шампиньоны Agaricus campestris' (смол., ельн. Добр., 152)
- гулянки* 'вид грибов' (Д I, 394)
- дерябка* 'гриб-моховик Boletus subtomentosus Fr.' (калин., кимр. Виногр., 396)
- дождевик* 'Lycoperdon' (волог., белоз. МГУ; волог., вельск. Диал. сб., 46);
- дрожденьк* 'Lycoperdon' (олон. Кул., 20)
- дрожжево яйцо* 'Lycoperdon' (олон. Кул., 20)
- дўны* 'свиноушки Paxillus involutus Fr.' (влад. МГУ), *дўнька* (ворон. Ворош., 254)
- дубовика* 'Boletus luridus Fr.' (моск. В. М.); б) 'старый белый гриб' (новг., череп. Герас., 36); в) 'ядовитый гриб' (Аксак.)
- дубяницы* 'вид грибов' (арх., шенк. Борис., 84; арх. Д I, 499)
- дуплянка*, *дупленка* а) 'серушка Lactarius flexiosus Fr.' (калин., кимр. Виногр., 396; костр., нерех. Оп., 52; моск., моск. Черн., 120); б) 'свиноушка' (влад. Дон. Оп., 44; яросл. Якуш., 9; влад. Бобр. АН. ф. 216 № 24); в) 'лиловый груздь' (Зуев, 102)
- дупляница* 'гриб, нарост на дуплах' (пск. Доп. Оп., 44)
- елбвики* 'рыжики, растущие в ельнике' (волог. Д I, 519)
- желтыйк* 'масленик Boletus luteus' (волог. Мак. Оп., 81; влад. покр. Он., 56; Д I, 394)
- желтуха*, 'вид сыроежки Russula ochroleuca' (пск., твер. Доп. Оп., 49)
- желтушки* мн. 'лисички Cantharellus cibarius Fr.' (волог., бабужк. Ж. В.; ряз., мешер. Оссов.)
- желтый груздь* 'Lactarius scrobiculatus Fr.' (калин. Стrog., 42)
- желтявка* 'масленик', 'сыроежка', 'желтый груздь' (урал. Сл. I, 157)
- желтяк* 'старый белый гриб' (новг., череп. Герас., 38; перм. Каюр., 321; Киров. Гор., 322)

- жиловáтик* 'белый гриб с длинным корнем, растущий во мху' (новг., череп. Герас., 38)
- забалдбу* 'несъедобные грибы' (яросл. Якуш., 44)
- зайчúшки* 'лисички *Cantharellus cibarius* Fr.' (калин., кимр. Виногр., 396; калин., емельян. Флор., 99; Д I, 394)
- заячий груздь* 'вид груздя' (волог. Потан., 214)
- заячы ушки* мн. 'съедобные грибки, растущие кучками у шей, тоненькие, черно-желтые' (нижег. Д I, 671)
- землянушка* мн. *землянушки* '*Agaricus foetens*' (Д I, 394; киров. Гор., 264)
- иванчики* 'вид грибов' (Д I, 394)
- йвишень* '*Agaricus prunulus*' (Д I, 394; Анн. Прост., 103)
- изгуба* 'груздь *Agaricus piperatus*' (Д I, 394)
- индюх* '*Agaricus procerus*' (Д I, 394)
- казаруш*, *казарушек* 'подосиновик *Boletus versipellis* Fr.' (тамб., лебед. МДК 10, 13; Д I, 394; Зуев, 50)
- кобыла* 'гриб съедобный, но невкусный' (смол. Добр., 328)
- ковыл* 'белый гриб *Boletus edulis*' (сарат. Моис., 72)
- козяк* '*Boletus scaber*' (Д I, 394)
- козел*, мн. *козлы* 'масленики' (смол. Добр., 331; яросл. Доп. Якуш., 109)
- козяк* 'масленик' и 'козяк' (калин. Строг., 40; смол. Добр., 331; твер., кашин. Смирн., 72; калин., кимр. Виногр., 396; яросл., рост. Волоц., 40; новг. Солов., 36; твер., остан. Копор., 109; прибалт. Немч., 124)
- козяник* 'масленик *Boletus granulatus*' (Д I, 394)
- козяк* 'моховик, козяк и масленик *Boletus bovinus, subtomentosus, variegatus*' (калин., калин. Строг., 40; пск., твер. Доп. Оп., 83; петерб., сомр. Кузн., 236)
- кокуры* 'сморчок *Morchella*' (влад. Добрын. АН № 31, 3)
- колпак*, *колпакуша* '*Agaricus comatus*' (Д I, 394)
- колупаник* 'масленик *Boletus elegans*' (яросл. Якуш., 45)
- колчак* '*Hudnum*' (Д I, 394)
- колосник*, *колосовик* 'ранний гриб, который поспекает в то время, когда колосится рожь' (пск., твер. Доп. Оп., 85; волог., устюж. Волог. сб., 31; калин. Строг., 40)
- конёк*, *конёк белый* 'вид гриба *Russula delicata* Fr.' (Д³ II, 395; арх., пинеж. МДК 11, 10)
- коновыш*, *коновытик* 'старый белый гриб' (новг. Герас. Мат., 395)
- конский гриб* 'поганка серая *Agaricus cinereus*' (Д³ II, 395)
- кбнюха* 'подгруздь' (яросл., молож. Якуш., 45)
- копытыцы* 'черные грибы' (пенз. Иссерл., 154)
- корнаух* 'красный рыжик с белой внутренней стороной шляпки' (арх., карг. МГУ)
- корбóвка* 'белый гриб *Boletus edulis*' (яросл., рыбин. Водар., 400; влад., покр., костр., кинеш., нижег., семен., твер., кашин. Оп., 90; яросл., рост. Волоц., 41; яросл., пошех. Копор., 129; Д I, 394)
- корбóвтик* 'белый гриб *Boletus edulis*' (волог., волог. МДК 11, 75; новг., череп. Барс.; волог. Доп. Оп., 89)
- корбóвятик* 'масленик' (твер., весьегон. Оп., 90; Д I, 394)
- корбóвятик* 'белый гриб *Boletus edulis*' (яросл., рост. Волоц., 1)
- корбóвик* 'белый гриб *Boletus edulis*' (твер., кашин. Смирн., 75; влад. АН ф. 216 № 24)

- коробник* 'белый гриб *Boletus edulis*' (новг., череп. Барс.; влад. АН. ф. 216 № 31; арх., красн. В. М.)
- коровьяк* 'белый гриб' (пск., сольц. Доп. Оп., 89; петерб., сомп. Кузн., 236)
- коровьяк* 'белый гриб *Boletus edulis*' (калин., кимр. Виногр., 396; костр., чухл., перм., усол. Оп. 90; арх., ровд. Кимяг.; Д I, 394)
- крапивники* 'опята' (?) (ульян. Алекс., 188; Д I, 394)
- красавка* 'гриб-поганка' (киров. Гор., 276)
- красйк* а) 'красный рыжик' (олон. Кул., 42); б) 'подосиновик' (новг., тихв. Доп. Оп., 91; кал., дзерж. В. М.)
- красный гриб* 'подосиновики' (костр., мансур., вохом. Азарх.; Д I, 394)
- краснухи* 'вид грибов' (волог., волог. МДК 11, 75)
- краснушка* а) 'красный рыжик' (калин., кимр. Виногр., 396); б) 'вид сыроежки' (арх., карг. МГУ)
- красовйк* 'подосиновик' (яроsl., рост. Волоц., 109; влад., ковр., МДК 11, 40)
- красовйцы* 'вид грибов' (костр., вохом. Азарх)
- красотка* 'вид сыроежки' (тобол., тюм. Патк., 497)
- красоуля* 'волнушка' (арх. Подв., 74)
- красульки* 'вид грибов' (арх., ровд. МГУ)
- красу́ха* 'красная сыроежка' (калин., болог. Строг., 43; волог., белоз. МГУ)
- красяк* 'подосиновик' (арх., приоз. Кимяг.)
- красноголбовики* 'подосиновики' (киров. Гор., 322, 277; волог., белоз. МГУ; калин., кимр. Виногр., 396; твер., кашин. Смирн., 78; костр., вохом., пышуг. Азарх.), *красны головки* (арх., виногр. В. М.)
- кринка* '*Agaricus violaceus*' (Д I, 394)
- кубарь, кубарик* 'вид грибов' (волог. В. г. в., 431)
- кубышки* 'вид грибов' (киров. Гор., 322)
- кузбeka* мн. *кузовки* (костр. Оп., 95; Д I, 394)
- кулак* 'волуи' (ворон. Ворош., 255)
- кульпики* 'вид грибов' (пск., вят. Оп., 96; Д I, 394)
- курочка* 'съедобный гриб' (прибалт. Немч., 139)
- лубешка, лубешка* 'гриб из породы солонух, синеватый с фиолетовым отливом' (пск., твер. Доп. Оп., 104)
- лисйцы* '*Cantarellus cibarius* Fr.' (смол., ельн. Добр., 376).
- лисичка, мн. лисички* '*Cantarellus cibarius* Fr.' (калин., стариц. Флор., 99; кал., дзерж. В. М.; ряз. Мак. Оп., 145; волог., вельск. Диал. сб., 46; яроsl. Якуш., 18)
- лиска, лисочка* '*Cantarellus cibarius* Fr. (*Agaricus flabellatus*)' (Д I, 394)
- лозянки* 'вид грибов' (новг. Чагищ., 384)
- ма́сляник, ма́сляник, мн. ма́сленики, ма́сленки* (твер., ошаш. Ко-пор., 115; арх., белом. Федор., 27; киров. Гор., 322; перм. Проз., 353; ульян. Алекс., 188; яроsl. Строг., 41; арх., виногр. В. М.; костр., боговар., пышуг. Азарх)
- маслёнок* (сарат. Чмых, 65; калин., стариц. Флор., 99; пенз. Зелеп., 352; калин., ошаш. Строг., 41; Анн. Прост., 105)
- маслянка, маслянка* (сарат. Моис., 72; смол. Добр., 401; волог. кадн. МДК 11, 85; калин., кимр. Виногр., 395; пск., опоч. Оп. 111; влад., ковр. МДК 11, 40)

- маслу́ха* (волог. В. г. в., 432; волог., белоз. МГУ; волог., волог. МДК 11, 75)
- масля́й* 'Boletus luteus' (олон. Строг., 41)
- масля́к* (смол. Добр., 401; арх., арх. МДК 11, 10; арх., приоз. Кн-мяг.; олон. Кул., 54; арх., карг. МГУ; пск., твер., осташ. Доп. Оп., 110)
- масля́ты* мн. (влад., гусь-хруст. МГУ)
- матрёна* 'Agaricus rufus' (Д I, 394)
- матрёхи* 'вид грибов' (смол. Добр., 402)
- медве́жник, медве́жаник* 'белый гриб Boletus edulis' (олон. Кул., 54; олон. Барс. 94, 20; твер., весьегон. Оп., 112; Д I, 394)
- молока́нка* 'Lactarius volemus Fr.' (моск., подол. В. М.)
- молоки́тник* 'вид грибов' (пенз. Зелеп., 352)
- молоко́беник* 'заячий груздь' (костр. Потан., 214)
- молоко́ёдка* 'Lactarius volemus Fr.' (костр., перех. Оп., 115; Д I, 394)
- мохну́шки* 'волнушки' (калпн., кимр., Виногр. 395)
- мохови́к* 'Boletus subtomentosus' (твер., осташ. Копор., 116; калин., кимр. Виногр., 396; волог., белоз. МГУ; яросл. Доп. Якуш., 113; Анн. Прост., 105; Д I, 394)
- мохо́беник* 'Boletus subtomentosus' (новг., старорусск. Доп. Оп., 118)
- моче́ники* 'белянки, которые перед засолом мочат' (калин., осташ. Копор., 116)
- мочу́шка* 'волнушка' (калин., емел. Флор., 99)
- музо́мор* 'Amanita muscaria (Fr.)' (волог., волог. МДК 11, 75; арх. МДК 11, 10; волог., белоз. МГУ; влад., судогод. МГУ; калин., кимр. Виногр., 396; кир. Гор., 322; тобол. Скал., 13; Д I, 394)
- музо́мбка* (калин., осташ. Копор., 116)
- музо́морник* (арх., лекшм. МГУ)
- му́змарик* (киров. Гор., 289)
- мышья́к* 'собачий гриб' (яросл., рыбнн. Водар., 402; яросл. Мельн., 114)
- навёзник* 'Agaricus campestris' (Д I, 394)
- навёзный гриб* 'несъедобный гриб' (чкал. Мопс., 71)
- нагбля́ники* 'красные рыжик, боровики' (олон. Кул., 60)
- оба́бка* 'подберезовик Boletus scaber' (новг. Солов., 42)
- оба́бок*, мн. *оба́бки а* 'грибы вообще' (арх., приоз. Кнмяг.; костр., солиг., чухл. Оп., 131; пск., опоч. Оп., 131; костр., межев. Азарх.); б) 'масленики' (олон. Оп., 131; олон. Кул. 65; арх. Подв., 104; арх., холм. Гранд., 213); в) 'подберезовики Boletus scaber, черные грибы' (киров. Гор., 322; перм. Проз., 51; пск., новорж. Оп., 131; смол., бельск. Оп., 131; олон., карг. Этн. оч., 38; смол., росл., пореч. Добр., 1; ряз. Писк., 689; свердл. Глаз., 46; калин., осташ. Копор., 120; костр., пыщуг., межев. Азарх.; прибалт. Немч., 183); г) без указания значения (арх. Неск. прост., 86; волог. В. г. в., 286; арх., виногр. В. М.)
- оба́бки-чилики* (волог., волог. МДК 11, 75)
- оба́бня* 'всякий крупный съедобный гриб' (арх., онеж., холм., шенк., пинеж., мез. Подв., 104)
- овечки* мн. 'юзляк Boletus bovinus Fr.' (влад., покр., Оп., 136; Д I, 394)
- о́клуб* 'Agaricus procerus' (Д I, 394)

- оку́ли 'вид грибов' (киров. Гор., 301)
 олений (гриб.) 'белый гриб *Boletus edulis*' (Д. I, 394)
 ольхо́вики 'Lactarius trivialis Fr.' (?) (новг., тихв. Оп., 141)
 ольхо́шка 'Lactarius trivialis Fr.' (?) (яросл., пошех. Копор., 104)
 омхо́йк 'моховик *Boletus subtomentosus* Fr.' (смол., бельск. Добр., 144; смол., бельск. Оп., 141)
 опе́нка (смол., ельн. Добр., 530)
 опе́нок, мн. опе́нки, оя́та 'Armillaria mellea (Fr.) Quel. (*Agaricus fragilis*)' (киров. Гор., 322; перм. Проз., 54; сарат. Чмых., 65; волог., волог. МДК 11, 75; волог., кади. МДК 11, 85; кур., ракт. МГУ; кур., бобр.-двор. МГУ; кур., белг. МГУ; кал., мешов. Черн., 161; сарат. Сирот., 214; стал., нов.-анн. Орл., 9; ульян. Алекс., 188; пенз. Зелеп., 352; тобол. Зобн., 129; калин., кимр. Виногр., 396; вят. Васн., 179)
 опе́ночка (смол. Добр., 12; сарат. Монс., 72)
 опу́тник (яросл. Доп. Якуш., 116; яросл. Мельн., 134)
 оре́ховы грибы 'Lactarius volemus Fr.' (влад., судог. МГУ)
 осе́нник 'Agaricus melleus' (Д I, 394)
 осёно́вы грибы 'вид грибов' (арх., онеж. Кораб., 53; влад., судог. МГУ)
 осино́ватики 'вид грибов' (арх., виногр. В. М.)
 осёно́вик 'Boletus rufus' (арх., арх. МДК 11, 10; арх., ппнеж. МДК 11, 40; арх. виногр. В. М.)
 осё́нник 'волнуха' (?) (арх., шенк. Подв., 111)
 бско́р 'гриб, выросший на коре дерева' (тул. Оп., 144)
 отва́руха, отва́рушка мн. отва́рухи (костр., нерех. Оп., 146; волог., белоз. МГУ; яросл. Доп. Якуш., 116)
 па́врүздь 'Russula delica Fr. (*Agaricus velleucus*)' (твер., каш. Смирн., 125)
 пан 'белый гриб *Boletus edulis*' (волог., бабуш. Ж. В.; яросл., пошех. Якуш., 25)
 па́льцы, па́льчики 'впд грибов' (киров. Гор., 307)
 паховик 'гриб с бархатистой шляпкой' (яросл., молож. Якуш., 45)
 песья́к 'старый гриб' (смол. Добр., 597)
 пёньки, мн. 'опенки' (смол., росл. Добр., 530)
 пердунóк, пердуни́ца 'впд грибов' (смол. Добр., 579; кур. путив. Халан., 372)
 пету́шки 'лисички *Cantarellus cibareus* Fr.' (влад., ковр. МДК 11, 40; моск., егорьев. В. М.; Зуев, 63)
 пестре́ц 'Boletus squamosus, Agaricus dentalis' (Д I, 394; Анн. Прост. 103, 105)
 пече́рика, пече́рица 'шампиньон' (доп. Мирт., 230; стал., серг. Серг., 14; орл. Сахар., 33; кур., судж. АН ф. 126, № 98)
 пещу́рица 'шампиньон *Agaricus campestris*' (брян. Тихан., 66)
 пещёрка 'шампиньон *Agaricus campestris*' (прибалт. Немч., 217)
 пещу́ра 'старый белый гриб' (калин., вышневол., осташ., пск. Строг., 39)
 пога́ниш 'поганка' (прибалт. Немч., 223)
 пога́нный гриб (сарат. Монс., 72)
 пога́нка, мн. пога́нки (Д I, 394; арх., арх. МДК 11, 10; арх. Подв., 124; волог., Белоз. МГУ; вят. Васн., 216; арх. Гранд., 237)
 пога́нцы мн. (арх., виногр. В. М.)
 подбере́говик 'Boletus scaber' (пск., опоч. Оп., 162; волог., волог.

- МДК 11, 75; калин. Струг., 38; смол., ельн. Добр., 1004; калин., кимр. Виногр., 397; волог., вельск. Диал. сб., 46)
- подвольхѣвки* 'Lactarius trivialis' (яросл., пошех. Копор., 105)
- подгрѣб* 'подгруздь Russula delica Fr.' (новг., новг. Солов., 46; смол., пореч. Добр., 621; смол., бельск. Добр., 144; пск., опоч. Оп., 163; новг. Карин., 114; новг., старо-русск. В. М.; прибалт. Немч., 226)
- подгруздень* 'Russula delica Fr. (Agaricus scrobiculatus)' (Д I, 394; Анн. Прост., 104)
- подгруздок*, мн. *подгруздки* 'Russula delica Fr.' (Д I, 394; влад., ковр. МДК 11, 40)
- пѣдгруздъ* 'Russula delica Fr.' (моск., моск. Черныш., 63)
- пѣдгрибень* 'Russula delica Fr. подгруздь' (твер., кашин. Смирн., 125)
- подорѣжка*, *поддорѣжка* 'вид сыроежки' (калин., стариц. Фрол., 100)
- поддубень* 'Boletus luridus Fr.' (орл., тул. Будде, 131; Д I, 394)
- поддубѣшка* 'Agaricus velleucus' (?) (Д I, 394)
- поддубовик*, *поддубовник* 'Boletus luridus Fr.' (новг. Солов. 46; моск., моск. Черныш., 133; Д I, 394)
- подъѣлгыши* 'вид рыжиков' (арх., приоз. Кимяг.; калин. Струг., 41; олон., карг. Этн. оч., 39; калин., кимр. Виногр., 397)
- подъѣлбшники* 'вид грибов' (Д I, 394)
- подкоровник* 'белый гриб Boletus edulis' (твер., стариц. Он., 163; Д I, 394)
- подмолочник* 'Lactarius volemus Fr. (Agaricus velleucus)' (смол., пореч. Добр., 628; Д I, 394)
- подолѣшница* 'гладыш Lactarius trivialis' (смол., бельск. Добр., 144)
- подолѣшники* 'гладыш Lactarius trivialis' (волог., кадн. МДК, 11, 85)
- подольховатики* 'гладыш Lactarius trivialis' (волог., волог. МДК 11, 85)
- подорѣховик* 'съедобный гриб с темной головкой, напоминающий боровик' (прибалт. Немч., 229; калин., осташ. Копор., 127)
- подорѣшник* 'Agaricus procerus; Agaricus velleucus, Agaricus mutabilis' (Д I, 394; Зуев, 104)
- подосиновец* 'Boletus rufus (Boletus versipellis Fr.)' (яросл. Якуш., 104)
- подосинники* (сарат. Чмых., 65; калин., стариц. Флор., 98)
- подосѣнки* мн. (сарат. Моис., 72)
- подосѣновик* 'Boletus rufus' (киров. Гор., 322; волог., кадн. МДК 11, 85; сарат. Чмых. 65; яросл. Доп. Якуш., 119; калин., стариц. Флор., 98; калин., осташ. Копор., 127; перм., чувов. Каюр., 322)
- подрешетник* 'моховик' (смол., пореч. Добр., 631; смол., бельск. Добр., 144)
- полуковровка* 'вид грибов' (яросл. Доп. Якуш., 120)
- поплавочки* 'вид грибов' (калин., осташ. Копор., 129)
- поплавуги* 'вид грибов' (арх., шенк. Неск. прост., 87)
- поплаушка* 'Agaricus procerus' (Д I, 394)
- попѣтник* 'род груздя, который употребляется соленый' (нижег., семен. Оп., 171)
- порѣся* 'белый состарившийся гриб' (яросл., пошех. Копор., 170)

- порха́вка* 'гриб-дождевик *Bovista*' (орл., болх. Сахар., 33)
- порхови́ца* 'дождевик *Bovista*' (новг. Герас. Ж. Ст., 170; вят. Васн., 239; арх., онеж., шенк. Подв., 133)
- порохови́ца* 'дождевик *Bovista*' (вят. Васн., 239)
- порховка* 'дождевик *Bovista*' (вят. Оп., 172)
- почері́к*, мн. *почарі́ки* 'шампиньон *Agaricus campestris*' (вороп., дмитр. Лнстр., 50; терск. Караул., 104)
- пупы́рь*, мн. *пупы́ри* 'общее название грибов' (пенз. Д III, 539)
- пу́тик* (киров. Гор., 327; волог., вельск. Днал. сб., 46)
- пу́тник* 'вид грибов' (яросл. Мельн., 170; киров. Гор., 322; волог., вельск. Днал. сб., 46; перм., чусов. Каюр., 322)
- путя́нка* 'вид грибов' (яросл. Мельн., 170)
- пуха́рка* 'дождевик *Bovista* (*Lycoperdon*)' (прибалт. Немч., 267)
- пыжики* 'вид грибов, которые идут в засол' (спмб. Федор., 257)
- пы́халка* 'круглый дождевой гриб' (ворон. Путин. 121)
- пы́жка*, *пы́жа*, *пы́жа* 'дождевик *Bovista* (*Lycoperdon*)' (олон. Кул., 97)
- распе́рсицы* 'вид грибов' (киров. Гор., 324)
- решетник*, *решетка* 'зеленый моховик *Boletus subtomentosus*' (Зуев, 86)
- ры́жика* '*Agaricus* (*Lactarius*) *deliciosus*' (волог., кадн. МДК 11, 86; волог., белоз. МГУ; калпн., кимр. Виногр., 397; Анн. Прост., 103; Д I, 394; калин. Строг., 41; сарат. Моис., 72; перм., чусов. Проз., 353; сарат. Чмых., 65; киров. Гор., 322; тобол. Зобн., 129; калин., старид. Флор., 99; кал., дзерж. В. М.; костр.; межев., пыщуг. Азарх); б) 'общее название грибов' (волог., чароз. Днал. сб. I, 111; арх., виногр. В. М.)
- ры́жовик* 'рыжик' (новг., череп. Строг., 40)
- сви́нарь*, мн. *свина́ри* 'свинushка *Lactarius necator* (*Paxillus involutus* Fr.)' (перм., чусов. Проз., 89; вят. Васн., 287; Д I, 394)
- сви́нка* '*Lactarius necator*' (прибалт. Немч., 288)
- сви́нуры* '*Lactarius necator*' (?) (арх., виногр. В. М.)
- сви́нух* 'свинushка *Lactarius necator*' (прибалт. Немч., 288)
- сви́ну́жа*, *сви́ну́шка* '*Lactarius necator*' (тул., кал. Будде, 65; Д I, 394; Анн. Прост., 103)
- се́рый гриб* 'вид грибов' (волог., кадн. МДК 11, 85)
- серу́ха*, мн. *серу́хи* '*Lactarius flexiosus* Fr.' (волог., белоз. МГУ; яросл., пошех. Копор., 104; яросл. Мельн., 183)
- серу́шки* 'иногда так называют подберезовики' (калин., кимр. Виногр., 397)
- серя́к* 'серушка *Lactarius flexiosus* Fr.' (калин. кимр. Виногр., 396; арх., виногр. В. М.)
- серя́нка* 'серушка *Lactarius flexiosus* Fr.' (калин., болог. Строг., 42; яросл. Доп. Якуш., 125; арх., холм., мезен. Подв., 170; яросл. Мельн., 183)
- сивя́к* '*Agaricus tremellus*' (Д I, 394)
- синеви́цы* 'сыроежки с синева́той кожицей шляпки *Russula virescens* Fr.' (костр., вохом. Азарх.)
- синекоре́шка* 'гриб белый с синеватыми корешками' (терск. Караул., 107)
- синя́вки* 'вид сыроежки *Russula virescens* Fr.' (киров. Гор., 322; перм., чусов. Проз., 353; свердл. Глаз., 70; новосиб. В. М.; тобол. Патк., 509; прибалт. Немч., 294; Д I, 394)

- синю́ха*, мн. *синю́хи*, *синю́шечки* (калин. Струг., 42; волог., волог. МДК 11, 75; арх., печор. Иваш., 96; Д I, 394)
- синю́га* 'вид сыроежки' (влад., покр. Оп., 203)
- синю́чки* 'вид грибов' (влад., ковр. МДК 11, 40)
- синя́к* 'вид грибов с синей шляпкой' (арх., виногр. В. М.)
- си́тник* 'моховик *Boletus subtomentosus*' (Д IV, 189)
- си́тбвик* 'моховик *Boletus subtomentosus*' (смол., пореч. Добр., 832; пск., твер. Д IV, 189)
- ситу́ха* 'моховик *Boletus subtomentosus*' (калин., кимр. Виногр., 396)
- скрипи́ца* '*Agaricus procerus* (*Lactarius vellereus* Fr.)' (влад., ковр. МДК 11, 40; яросл. Доп. Якуш., 125; Анн. Прост., 103; Д I, 394)
- скрипу́н* (*скрипун*) 'подгреб' (новг. Солов., 46)
- слизу́н*, мн. *слизунёй*, *слизункей*, *слизунцёй* 'масленок *Boletus luteus*' (арх., арх. МДК 11, 10; арх., белом. Федор., 27; арх., виногр. В. М.)
- сморчо́к*, мн. *сморчки* '*Morchella*' (сарат. Чмых., 65; Д I, 394; арх., арх. МДК 11, 10; влад., судогод. МГУ; вят. Васн., 294; сарат. Моис., 72; пенз. Зелеп., 352; твер. Пуп., 218; костр., пыщуг. Азарх)
- снега́ри* мн. «гр'ибы́, как карто́шка, кор'ьшо́ч'ьк, так једва́ јиво́ и вы́копаш» (арх., красн. В. М.)
- собачьи́ губы́* 'несъедобные грибы' (киров. Гор., 322, Д I, 394).
- собачий гри́б* а) 'несъедобный' (сарат. Моис., 72); б) 'шампиньон' (сиб. Доп. Оп., 249)
- собачни́к* 'шампиньон' (олон. Кул., 110)
- собачья́к* 'вид грибов' (арх., приоз. Кимяг.)
- сови́к* 'вид грибов' (Д I, 394)
- солодни́* '*Russula delica* Fr., подгруздь' (смол., ельн. Добр., 810)
- солодбо́хи*, мн. *солодбошки* 'подгруздь, *Russula delica* Fr.' (Д³ IV, 380)
- солоду́ха* 'вид грибов' (яросл. Доп. Якуш., 126; Ворош., 254)
- солодя́ги* 'вид грибов' (волог., волог. МДК 11, 75)
- солома́ха* 'свиноушка *Rhizillus involutus*' (ворон. Ворош., 254)
- солону́ха* 'гриб, употребляемый в пищу преимущественно соленым (грузди, волнухи, рыжики)' (новг. Солов., 52)
- солопе́на* 'свиноушка, *Rhizillus involutus*' (ворон. Ворош., 254)
- солбо́хи* 'вид грибов' (смол., ельн. Добр., 810)
- сопли́вки* 'валун *Russula foetens*' (влад., ковр. МДК 11, 40)
- сосно́вики* 'вид грибов' (влад., Ковр. МДК 11, 40)
- сплое́нь* 'лисичка *Cantharellus cibarius* Fr.' (Д I, 394)
- стакáн* 'валуй, *Russula foetens*' (яросл., пошех. Копор., 104)
- сто́льц* 'черные грибы' (костр., кинеш. Оп., 216)
- струе́нь* '*Boletus esculentus*' (Д I, 394)
- сураве́га* 'сыроежка *Russula*' (орл., малоарх. МДК 10, 93)
- сураве́шка* 'сыроежка' (твер., клин., моск., моск. Черн. 63)
- сухой гру́зд*, *сухой гру́зель* 'подгруздь' (волог. Диал. сб., 46; киров. Гор., 322; сиб. Д I, 394)
- суха́рка* 'вид грибов' (яросл., пошех. Копор., 104)
- суха́рь*, мн. *суха́ри* а) 'подгруздь' (Д I, 394; волог., волог. Оп., Оп., 222; волог., волог. МДК 11, 75; волог., белоз. МГУ; волог. В. г. в., 335; костр., вохом. Азарх; яросл., кубен. Копор., 104); б) 'сыроежки' (волог., тотем. Цотан., 264)

- сухýши* 'название грибов, идущих в сушку' (калин., болог., удом., Струг., 41)
- сухонóга* 'гриб желтого цвета на тонкой ножке' (калин., болог., удом. Струг., 41)
- сыроеéшки* 'сыроежки' (калин., емельян. Струг., 42; калин., кпмр., Виногр., 397; кал., дзербж. В. М.)
- сыроеéжка*, мн. *сыроежки* а) 'Russula' (сарат. Чмых., 65; арх., арх. МДК 11, 10; смол. Жак., 82; сарат. Моис., 72; Д I, 394; Анн. Прост., 103); б) 'рыжик' (твер., кашин. Смирн., 170); в) 'волнуха' (арх. Подв., 169; арх., холм. Гранд., 279)
- толокнники* 'вид грибов' (арх., виногр. В. М.; киров. Гор., 338)
- толкáч* а) 'Agaricus comatus' (Д I, 394); б) 'белый гриб' (кал. Паум., 37)
- толстокорéнный* 'подосиновик' (арх., белом. Федор., 196)
- толстýха* 'вид грибов' (влад., ковр. МДК 11, 40)
- троповик* 'вид грибов, то же, что путник' (яросл., в.-кубен. Копор., 104)
- труповик*, *трупник* 'Boletus hepaticus, buglossum' (Д I, 394)
- тугилáжка* 'дождевик Lycoperdon' (олон. Кул., 121)
- фетýга* 'вид грибов' (костр., перех. Оп., 244; Д I, 394)
- ховерóшки* мн. 'красные грибы' (нижег. Оп., 249)
- хрустáльки* мн. 'вид грибов' (киров. Гор., 347)
- хрустýшка* то же, что *бычок* (вят. Зелен., 86)
- целик*, *цилик*, мн. *целикí*, *чилики* а) 'боровик' (волог. Сб. обл., 226; волог. В. г. в., 474; волог. Суров., 282); б) 'молодой гриб' (волог. Оп., 252); в) 'серый гриб, подберезовик' (костр., чухл. Покр., 348; костр., пыщуг., Азарх; волог., волог. МДК 11, 75)
- целýш*, *челýш*, мн. *целýши*, *челýши* а) 'подберезовики' (влад., мелен. МДК 9, 38; Д I, 394); б) 'боровик' (яросл., рост. Волоц., 114); в) 'шляпка гриба' (яросл. Доп. Якуш., 130)
- чернýха*, *чернýшка*, мн. *чернухи*, *чернушки* 'Agaricus (Lactarius) pesator' (Анн. Прост., 103; смол., ельн. Добр., 978; влад., ковр., МДК 11, 10; Д I, 394; пенз. Иссерл., 162)
- черный гриб* 'подберезовик Boletus scaber' (Д I, 394)
- чернопузик* 'вид грибов' (ворон., бобр. Тороп., 34)
- чертов табак* 'высохший дождевик' (яросл. Мельн., 214)
- чертовы пальцы* 'вид грибов' (киров. Гор., 352)
- шампиньоны* 'Agaricus campestris' (сарат. Чмых., 65; Д I, 394; Анн. Прост., 103)
- шпион* 'шампиньон' (яросл. Мельн., 219)
- щитовик* 'вид грибов' (костр., мантур. Азарх.)

III

НАЗВАНИЯ ЯГОД

Названия ягод в русском языке образуют небольшую по объему группу, немногим более полусотни слов, не содержащую большого числа синонимичных образований. Определенную близость имеет эта группа с названиями кустарников и деревьев, что определяется отчасти характером называния ягодных кустиков (ср. *брусничник*, *голубичник* и т. д.) и реальной постепенностью перехода от кустарника к деревьям.

Структура группы названий ягод напоминает структуру группы названий грибов. Та же прямая соотнесенность слова и вещи, близкая к терминологической; то же построение — незамкнутый ряд с обобщающим словом во главе или с отсутствием его, когда обобщающее слово выступает как название конкретного вида. Бóльшая часть элементов группы сохраняется устойчиво во всех говорах, изменения и сдвиги касаются части менее значащей, второй степенной¹.

В первой главе я частично касалась вопроса о диалектном словообразовании и его особенностях. Ненормированность диалектной речи, непрекращающийся и доступный наблюдению процесс развития сказываются на всех сторонах языка, в том числе и на словообразовании. Значительная часть слов не имеет устойчивой словообразовательной формы, они могут выступать с разными синонимичными суффиксами. Существуют, вернее сосуществуют, многочисленные дублетные формы. Это явление встречается в литературном языке исключительно редко (примером могут служить два варианта названия гриба *масле-*

¹ См.: Н. П. Гри н к о в а. О названиях некоторых ягод в восточнославянских языках. «Славянская филология», III. М., 1958.

ник и *маслёнок*). В говорах такая словообразовательная вариация наблюдается постоянно.

Группа названий ягод в данном случае очень показательна. Анализ облегчается тем, что набор лексем и суффиксов ограничен; обычно не более десяти лексем в словообразовательном ряду, суффиксы: *-ица / -ика/-ига/-ка, -ина, -иха*, редко *-уха*. Указанные вначале три формы *-ица/-ика/-ига* являются вариантами одного суффикса, *-ица* и *-ка* выступают как суффиксы синонимичные. Суффикс *-ина* стоит особняком, он оформляет большей частью старые и имеющие соответствия в других славянских языках основы.

О синонимии суффиксов *-ка/-ица* уже неоднократно говорилось (под синонимией я понимаю функциональное тождество).

Взаимозаменяемость суффиксов *-ка/-ица* прослеживается по всем говорам русского языка, имеет место в украинском и белорусском и, как показывает материал других славянских языков, явление достаточно древнее. Причем эта словообразовательная синонимия наблюдается не только в образовании деминутивов, но и в образовании апеллятивов вообще. Ср., например, в русских говорах: *прялица / прялка; мялица / мялка; каменица / каменка; кисленица / кисленка; дупленица / дуплянка; волвеница / волвянка; полица / полка; галица / галка; чаица / чайка; дельница / деленка* и мн. др.

Вариантность же *-ица/-ика/-ига* характерна только для русского языка в его говорах, причем она отнюдь не связана только с названиями ягод. Есть достаточное количество слов в южнорусских говорах, которые оформляются с суффиксом *-ика*, тогда как в других говорах ему соответствует *-ица*. Ср., например: *молод́ика* 'шерсть с ягнят', *полен́ика* 'поясница', *туп́ика* 'затупленный топор', *кленов́ика* 'кленовый сок', *лесн́ика* 'яблоко или груша, сорванные с лесных деревьев', *толст́ика* 'толстая пряжа', *стар́ика* 'весенняя шерсть с овец', *дубля́ника* 'нечто твердое', *жерл́ика* 'жерлица', *жид́ика* 'нечто жидкое', *повил́ика*, *кисл́ика* 'очески с овчины после ее дубки' и др. Суффикс *-ика* выступает как словообразовательный вариант *-ица* только в сочетании с основами имен прилагательных. А так как эта модель (забегая вперед) основная в названиях ягод, то синонимия суффиксов *-ица/-ика* в названиях ягод не может вызывать удивления. Суффикс *-ига*,

-ика	-ица	-ига	-ка	-ен-ика	-ен-ица	-ен-/ян/-ка
голуб/-ика	голуб-ица	голуб-ига				голуб-ен-ка
журав-ика	журав-ица	журав-ига				
ежев-ика	ежев-ица	ежев-ига				
кисл-ика	кисл-ица		кисел-ка		кисл-ен-ица	кисл-ен-ка
коман-ика	коман-ица		коман-ка			
земл/ян-ика	земл/ян-ица	земл/ян-ига	земл/ян-ка			
черн-ика	черн-ица	черн-ига		черн-ен-ига		
кост/ян-ика	кост/ян-ица	кост/ян-ига	кост/ян-ка			
пьян-ика	пьян-ица		пьян-ка			
дур-ика						
дурн-ика						
клубн-ика	клубн-ица	клубн-ига				
княж-ика	княж-ица		княж-ка	княж-ен-ика	княж-ен-ица	княж-ан-ка
брусн-ика	брусн-ица	брусн-ига	брус-ка		сестр-ен-ица	брус-ен-ка сестр-ян-ка
ворон-ика	ворон-ица костр-ица снежн-ица вешн-ица					

для обозначения ягод в западных говорах, которое может быть поставлено в связь с аналогичным явлением в соседних языках (напр. в эстонском) и многое другое.

Анализ материала по всем говорам показывает наличие большого числа словообразовательных вариантов одного названия (см. табл. 7, стр. 207). Основы имен прилагательных могут иметь суффикс *-н-*, а могут и не иметь его (*голубой*). Это явление дает толчок для двух противоположных процессов: возникновение наряду с *-ица/-ика/-ига* сложных суффиксов *-ница/-ника/-нига*, *-еница/-еника/-енига* и присоединение суффикса *-ица/-ика* непосредственно к корню (ср. *костика*, *дурика*, *снежица* наряду с *костяника*, *дурника*, *снежница*). Процесс выравнивания иногда приводит к возникновению даже таких патологических образований, как *черненёга* по типу *земленёга*, *чернёнка* по типу *брусёнка*.

Слова *малина* и *смородина* не имеют суффиксальной вариации (если не говорить о бессуффиксной форме *сморрда*). Во всяком случае они стоят вне описанных выше процессов.

* * *

Если в словообразовательном отношении группа названий ягод представляет поразительное единство и стройность, то с точки зрения семантических моделей, напротив, никакого единства нет. Каждое название по сути дела индивидуально и отражает какой-то признак, характерный именно для данного вида. Симптоматично, что аналогичные семантические модели повторяются во многих индоевропейских и угро-финских языках: клюква называется «журавлиной» ягодой, земляника «земляной» (ср. нем. *Erdbeere*), черника «черной» (фин. *mustikka*), голубика «голубой» (нем. *Blaubeere*), ежевика «колючей» и т. д.

* * *

На территории русских говоров наиболее устойчивы, постоянны, однолексемны названия *Rubus idaeus* (малина), *Ribes nigrum* (смородина), *Vaccinium myrtillus* (черника) и *Vaccinium vitis idaea* (брусника). Слова *малина* и *смородина* не имеют и словообразовательных вариантов по говорам. Лексема *черника* имеет типичные

для большинства названий ягод в русском языке варианты: *черни́ца*, *черни́ка*, *черни́га*, *черненни́га*. Число суффиксальных вариантов у слова *брусника* еще больше: *брусни́ца*, *брусни́ка*, *брусни́га*, *бру́ска*, *брусёна*, *брусёнка*, но основа остается неизменной. Такая устойчивость названных лексем по говорам может быть, хотя и косвенно, поставлена в связь с постоянством и устойчивостью употребления: «... широкое географическое распространение и ценность растения находятся в каком-то соотношении с устойчивостью и самого названия»².

Для *Vaccinium oxycoccos* широко по говорам представлено название с основой *жерав-*, а его синоним *клюк-ва* занимает незначительную территорию.

Доминирующим названием для *Fragaria vesca* L. следует признать *земляника* (и варианты: *земляница*, *землянига*, *землянка*), в ряде говоров отмечено в качестве названия *Fragaria vesca* слово *ягода*. Название *сунница* (*сунника*) принадлежит только белорусским говорам. Для южнорусских говоров характерны и некоторые более частные наименования: *пазобника*, *поземка*, *полевшишник*.

Основным названием для *Fragaria moschata* служит слово *клубника* (с вариантами *клубнига*, *клубенига* и искажениями: *глубени́га*, *бублянига*), в ряде южных говоров ее называют *ягода* (орл. пенз.).

Относительной устойчивостью по говорам обладает и название *Rubus saxatilis*: *костеница* (*костеника*, *костенига*, *костянка*). В архангельских говорах наряду со словом *костеница* сосуществует слово *костёра* (являющееся этимологическим вариантом той же основы), а в олонечких говорах синоним *каменика*.

Rubus caesius L. не достигает крайнего севера, самая северная ее граница — Новгород — Вятка. Основным для всех русских говоров названием *Rubus caesius* является слово *ежевика* (и его варианты: *ежевика*, *жеввица*, *жеввика*, *жевви́га*, *жавика*, искаженное — *жеваника* и др.). Вторым названием *Rubus caesius* служит слово *комоника* (*комонница*, *комонига*, *команка*) с довольно обширной территорией распространения. *Ожина* — основное название для *Rubus caesius* на Украине, на территории России слово отмечено только в пограничных с Украиной обла-

² П. П. Грипкова. Указ. соч., стр. 101.

стях (курск., дон.) и должно расцениваться как украинизм.

Vaccinium uliginosum L. имеет два основных синонимичных названия: *голубица* (*голубика*, *голубина*) и *гоноббль* (с вариантами: *гонобббель*, *гоноббб*, *голуббб*, *гоноббй*). География этих терминов такова: все говоры восточных областей знают только слово *голубица* и его варианты, западные говоры главным образом *гоноббль*, хотя нередко случаи, когда оба названия сосуществуют или перекрещиваются.

Выход за пределы русского языка почти не меняет картины устойчивости или неустойчивости тех или иных лексем. Так, слово *малина*, как название *Rubus idaeus*, обладает той же устойчивостью во всех славянских языках, что и на территории русского. Та же однолексемность характерна и для названия *Vaccinium vitis idaea* L. (польск. *brusznica*, *bruśnica*, чеш. *brusnice*, с.-хорв. *брусница*, укр. *брусниця*, блр. *брусница*) и *Ribes nigrum* L. (укр. *смородина*, блр. *смородина*, польск. *smrodynia*, чеш. *smradinka*).

Широко распространено слово *черница* в качестве наименования *Vaccinium myrtillus* L.: укр. *черниця*, блр. *черница*, польск. *czarna jagoda*, *czernica*, чеш. *černa jahoda*, словц. *černica*, словен. *črnica*. Наряду с этим в части западнославянских и южнославянских языков существует синоним *borovica* (болг., с.-хорв., словен., н.-луж. и в.-луж. языки).

Общим для восточнославянских и западнославянских языков является и название *Oxycoccus palustris* Pers: укр. *журавина*, *журавлина*, блр. *журавины* мн., польск. *żogawina* (-у, мн.), н.-луж. *šerawina*. На территории южнославянских языков само растение отсутствует.

Общеславянским явлением следует признать и употребление слова *ягода* для называния клубники или земляники. Существующие наряду с этим наименования этих растений носят узкоместный характер (зап.-слав. *truskawec*, вост.-слав. *земляница*, *клубника* и др.), исключение составляет лишь слово *сунйца*, которое представлено в большинстве славянских языков, кроме русского.

Слово *ежевика*, хотя и сохраняет семантическую модель и основу, словообразовательно является новым, ср. польск. *jeżyna*, *ożyna*, чеш. *ježina*, укр. *ожина*. В славянских языках также существует синоним *ostružina*.

Рассмотрение всего славянского материала в целом неизбежно приводит нас к выводу, что для праславянского периода можно признать существовавшими устойчиво и на всей территории праславянского языка лишь три лексемы: **jagoda*/**jaga*, **malina* и **smorda*, **smordina*. Были распространены на большей части славянской территории лексемы **brusъnica* и **žeravina* (**žeravica*). Более поздними по времени возникновения, диалектными по своему характеру, но получившими также широкое распространение, следует считать лексемы **spъnica* и **ježina*, как вторые и классифицирующие названия для реалий, ранее подходивших под более обобщенные термины **jagoda* и **malina*.

Основным суффиксом в названиях ягод этого периода можно назвать суффикс *-ina*: **malina*, **smordina*, **žeravina*, **ezina*. Суффикс *-ica* имел меньшее распространение. Преобладающее положение суффикса *-ica* в названиях ягод (с его вариантами) — явление уже собственно русское.

* * *

Приступая к собственно этимологическому анализу лексем этой группы, следует иметь в виду большую разнородность исследуемого материала: от древнейших образований с широкими индоевропейскими связями до поздних узкодиалектных слов и поздних заимствований. Хронологический разрыв между отдельными образованиями огромен. И методика исследования, и результаты не могут быть едиными.

я г о д а

Слово *ягода* одно из самых древних в этой лексической группе. Все славянские языки без исключения сохранили его в устойчивой словообразовательной и семантической форме: русск. *ягода*, укр. *ягода*, блр. *ягода* 'ягода', болг. *ягода* 'земляника', с.-хорв. *jaгода* то же, словен. *jaгода* 'ягода', чеш., слвц. *jahoda*, польск. *jaгода*, полаб. *jogōdoi* мн. 'ягоды'. Праславянская форма **jaгода* (**agoda*). Наличие в старославянских текстах и в словенском языке слова *виняга*, словен. *vinjaga* 'виноградная лоза', по мнению некоторых этимологов, позволяет реконструировать для праславянского и бес-

суффиксную форму **jaga* (**aga*). Суффикс *-oda* сохранился лишь в очень небольшом числе слов в славянских языках. Так, Славский приводит лишь следующие: *loboda*, *svoboda* и *lagoda*. Ср. еще *жгода* 'тоска на сердце, непонятная грусть' (пск. Доп. Оп., 48).

Абсолютно достоверно родство праслав. **agoda*, **aga* с балтийскими формами: лит. *úoga* то же. Ф. Славский даже восстанавливает балто-славянскую праформу **ōgā*³, а Покорный на основе балто-славянского материала включает в свой словарь статью **ōg-* 'плод, ягода'⁴.

Все остальные индоевропейские связи очень интересны, но менее доказательны, и в результате одними исследователями принимаются, а другими — нет. Покорный в качестве примера того же корня **ōg-*, но в положении редукции, привлекает большой германский и кельтский материал⁵; Фасмер ссылается на германские примеры лишь как на возможно родственные⁶, тогда как Клюге вообще не упоминает о балто-славянских словах, а связывает гот. *akran* с греч. *ἄκρος*⁷.

Выдвинутая и поддерживаемая многими лингвистами мысль о связи балто-славянского элемента **ōgā* с лат. *ūva* 'побег' < **ūg*^u-, **ō(u)g*^u- или **ōg-* нашла сторонника в лице Махека⁸.

Со стороны семантики можно лишь подчеркнуть повторяемость семем: 'расти', 'росток, побег', 'плод'. Ср. ст.-сл. *виняга* и лит. *úoglis* и др.

малина

Праславянское *malina* — единственный в славянских языках рефлекс и.-е. корня *mel-*, *melə-*, *melə-no* со значением разных оттенков цвета, главным образом темных. Ср. др.-инд. *malinā* 'черный', греч. *μέλας* 'чер-

³ F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. I. Kraków, 1952—1956, стр. 488.

⁴ J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1955, стр. 773.

⁵ Там же.

⁶ Vasmer. REW, III, стр. 481.

⁷ F. Kluge, A. Götz. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, 1951, стр. 156.

⁸ A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 2. Aufl. Heidelberg, 1910, стр. 864; V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957, стр. 169.

ный', *miltoç* 'красный', алб. *mjerë* < **mel-ro-* 'черный', лат. *mulleus* 'красноватый', лтш. *mėlns* 'черный', *mėlene* 'голубой', лит. *mėlynas* 'голубой', *mulvas* 'красный, желтоватый', брет. *mėlen* 'желтоватый', кимр. *melyn* 'золотистый, рыжий'.

Основное слово со значением цвета дало по разным индоевропейским языкам многочисленные производные со значениями 'пачкать, грязь, осквернять, пятно', с одной стороны, и 'шрам, рубец, синяк, кровоподтек', с другой, а также целый ряд названий растений: праром, *melix* 'лиственница', алб. *mel-enë* 'ильм', лит. *mėlynė*, *mėlėnė* 'черника'⁹.

Для праславянского **malina* значение может быть восстановлено лишь таким образом: 'название обобщенное рода *Rubus*, в котором как-то отражен цвет ягод'. Производящая форма со значением цвета в славянских языках утрачена, все они сохраняют лишь значение вида ягодного растения и плодов его: русск. *малина*, укр. *малина*, болг. *малина*, с.-хорв. *мàлина*, словен. *malina*, также в значении 'тутовая ягода', чеш. *malina*, польск. *malina*, в.-луж. *malina*, *malena*¹⁰.

смородина

В большинстве русских говоров словом *смородина* называется только черная смородина, также в старопольском; в части русских говоров, в кашубском и чешском *смородиной* называют все виды *Ribes*.

Южнославянские языки дают значительное разнообразие форм и значений: словен. *smrdež* 'крушина', с.-хорв. *smrdljika* 'фисташка', *smrdljika bijela* 'калина', макед. *смрдлика* 'оливковое дерево', болг. *смрадлика* 'черемуха' (ср. др.-прусск. *smorde* 'черемуха').

Растение получило название за сильный запах, аналогичная семантическая модель в н.-нем. *stinkstruck*, нов.-в.-нем. *Stinkbaum* 'черная смородина' при *stinken* 'вонять'¹¹.

⁹ J. P o k o r n y. Указ. соч. Lfg. 8, стр. 720—721; E. F r a e n k e l. Litauisches Etymologisches Wörterbuch. Lfg. 6, стр. 430, 431.

¹⁰ См.: V a s m e r. REW, II, стр. 91; R. T r a u t m a n n. Baltisch-Slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923, стр. 178.—Махек считает слав. *malina* словом «праевропейским» и связывает с лат. *mōrum*; нем *mure*, *moren*, *muren* (V. M a c h e k. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954, стр. 101).

¹¹ V a s m e r. REW, II, стр. 676.

Западнославянские и восточнославянские формы позволяют восстановить для праславянского **smorda*, **smordina* 'Ribes', 'Ribes nigrum'. Первый вариант отмечен широко в русских диалектных материалах: *сморбда* (арх., виногр. В. М.; смол. Добр., 849; новг., новг. В. М.; калин. Строг., 45; новг., тихв., иск., велик, опоч. Оп., 108), *смброд* 'смородина' (волог. Оп., 208).

Южнославянские языки позволяют восстановить форму с основой **smord-* и значением 'растение с сильным запахом'.

Слово **smordъ* 'сильный запах, вонь' сохранилось во всех славянских языках.

б р у с н и к а

Слово *брусника* неразложимо с точки зрения современного языка, тем не менее оно имеет ясную и полную этимологию, не вызывающую возражений или сомнений у этимологов. Это слово этимологически связано со словом *брус* 'точильный камень', ст.-слав. *обрусити* 'точить'; ягоды названы так потому, что «они легко сдерживаются со стебля»¹². Попробуем более полно представить картину возникновения слова.

Все русские говоры дают устойчиво для *Vaccinium vitis idaea* названия с корнем *брус-*. Наиболее распространенная форма *брусница* (твер., каш. См.; олон. Кул. 6; арх. Подв. 11; яроsl., пошех. Копор., 89; калин. Строг., 45; новг., белоз. МДК, 113; волог., вельск. Оп., 46; арх., виногр. В. М.); *бруснига* в говорах к востоку и северо-востоку от Москвы (вят., вожг. Гор. 403; перм., чувов. Каюр., 322; моск., руз., Дурн.; моск., моск. Черн.); *брусника* в части московских говоров; *брушница* (смол. Добр., 41). Н. Гринкова справедливо замечает, что «белорусский и смоленский фонетический варианты... вероятнее всего находятся в определенном взаимодействии с польским названием»¹³; *брусёна* (ряз., мещер. Строг., 255); *брусена* (костр., кинеш. Оп., 15; арх., волоч. Гринк., 110); *брусеня* (твер., осташ. Доп. Оп., 13; Д. I, 131); *брусана* (костр., нижег. Д. I, 131); *брусенка* (волог. МГУ); *бруска* (олон. Кул., 6); *борусена* (ряз., влад. Гринк., 110).

¹² V a s m e r. REW, I, стр. 128.

¹³ П. П. Г р и н к о в а. Указ. соч., стр. 112—113.

Вариант *брусница* имеет общеславянское распространение: укр. *брусниця*; блр. *брушница*, *брусніцы*; польск. *bruśnica*; чеш. *brusnice*; серб. *брѹсница*; болг. диал. *брусница*. Таким образом, для праславянского мы вправе восстановить форму **brusъnica*.

Второе название для *Vaccinium vitis idaea* *боровица*, *боровка* имеет менее широкое распространение по славянским языкам, и значение его не так устойчиво, слово обозначает различные ягоды, растущие в бору¹⁴.

Теперь попытаемся восстановить родственное окружение слова *брусника*. Русские говоры дают следующие слова: *бросить*, *брѹснуть*, *обрѹснуть*, *брѹснуть* и *обрѹснуть*. Значение этих глаголов таково: 'очищать стебель растения от листьев или плодов движением руки, плотно прижатой к стеблю, стирать со стебля листья или плоды' или, как пишет Даль: «они́мыгивать руками». Чаще всего этот глагол употребляется в специализированном значении: 'обивать или ошмыгивать руками махалку, семя (конопли); обивать со льна колоколки и головки' (Д³ I 320); *броснуть* 'отделять кострицу ото льна' (арх. Подв. 11); *обрѹснуть* «вымать из земли конопле и оброснуть мне самой» (волог. Яренск. столбцы, 201).

Употребляется этот глагол и по отношению к ягодам, чаще всего бруснике: «пойдем *броснуть* ягоды» (олон. Кул. 6); *обрѹснуть* 'собирать ягоды' (олон. Шайж. 8); *брѹснуть* 'срывать с ветки листья, ягоды' (новг., белоз. МДК 11, 38), *обруснить* 'ободрать с куста ягоды' (урал. Доп. Оп., 152).

Обивать лен и коноплю можно и специальным приспособлением, *броснухой*, употребление глагола в этом случае сохраняется. Сходным приспособлением (нечто вроде маленьких грабель) собирают бруснику в наших северных областях¹⁵.

В диалектах болгарского гл. *бруся* значит 'обивать плоды с деревьев'¹⁶. Типичными для южнославянских языков значениями этого глагола можно считать 'брить' и 'тереть': болг. *брѹсна* 'брить', серб. *брѹсати* 'стирать, вытирать'. То же в старославянских и древнерусских

¹⁴ См. с.-хорв. *боровица* 'черника, брусника, голубика, клюк-ва'.

¹⁵ Н. П. Гринкова. Указ. соч., стр. 114.

¹⁶ «Речник на съвременния български книжовен език». Св. 1. София, 1954, стр. 84.

памятниках: *бръснути, обръснути, побръснути* 'брить, обрить, побрить' (Срезн. I, 183—184), *сѣбръснути* 'стереть, соскоблить' (Срезн. III, 653). Развитие значений шло, вероятно, таким образом: 'тереть, скоблить' и как специализация термина 'брить'. Общеславянскими являются слова *брус* 'точильный камень' и *брусить* 'точить на камне, шлифовать'.

Таким образом, для праславянского мы вправе восстановить следующие глаголы: **brъsnōti, *brusiti, *brysati*.

Тогда слово **brusъnica* следует признать или образованным непосредственно от основы глагола, или от основы прилагательного с суффиксом *-ъn*. Последнее предположение более правдоподобно, так как оно включает слово *брусница* в типичную словообразовательную модель названий ягод. Ягода названа так потому, что ее *бруснут*, т. е. сдергивают с ветки, проводя по ней рукой.

Так как праславянские глаголы **brъsnōti, *brusiti, *brysati* считаются вариантами глаголов **brъknōti, *brukati, *brykati* с аналогичным значением, то особый интерес начинает представлять аналогия к славянскому материалу в балтийских языках; лит. *braũkti* 'тереть' (ср. приводимые выше многочисленные примеры, показывающие, что и в славянских языках скорее всего именно это значение было первоначальным) и название брусники *bruknē, bruklēne*. В этом случае балтийский и славянский дают единую семантическую и словообразовательную модель.

ж е р а в и ц а

Vaccinium oxycoccos — растение северное, поэтому и название его не распространяется далеко на юг. Основным для русских говоров следует признать слово *жеравица* с различными суффиксальными вариантами. Варианты распределяются следующим образом:

а) с основой *жарав-*: *жаравица* (арх. виногр., красн. В. М.; арх. Подв., 43; арх., белом. Федор., 47; арх., холм. Гранд., 143; олоң. Кул., 22; волог. Оп., 55); *жаравика* (новг. Д. I, 526; волог., костр., кинеш., перм., усол. Оп., 55; новг., белоз. Доп. Оп., 48; яросл., молож. Якуш., 133); *жаравиха* (арх., мезен. Данил., 6; перм., чувов. Каюр., 322; вят. Зелен., 53; волог. АН ф. 174, № 12; костр. Д. I, 526); *жарáва* (костр. Д. I, 526; костр., кинеш. Оп., 55);

б) с основной *жерав*:- *жераві́ка* (нижег., семен. Оп., 56); *жераві́ха* (вят. Зелен., 53); *жерава* (костр. Д I, 526); *жераві́на* (новг. Карин., 113; новг., старорусск., пск., твер., ошаш. Доп. Оп., 50); *жиравіны* (смол., бел. Оп., 57);

в) с основной *журав*:- *жураві́ка* (новг., череп. Герас., 38; яросл., рост. Волоц., 32; яросл. Доп. Якуш., 106); *жураві́ца* (новг., череп. Герас., 38); *жураві́ха* (яросл. Мак. Оп., 85; яросл. Оп., 58; яросл. Якуш., 10); *жураві́ны* (пск. Оп., 58);

г) с основной *журавл'*:- *журавлі́ка* (волог., белоз. МГУ); *журавлі́ха* (волог. Мак., 85; волог., никол. Потан., 2; волог. Суровц., 199).

Схематически распределение основ и суффиксов может быть представлено следующим образом: *жарав*- — арх., олон., костр.; *жерав*- — смол., новг., яросл., перм.; *журавл'*- — волог.; *-ица* — самый север; *-ика* — юг северных областей; *-иха* — северо-восток; *-ина* — северо-запад.

Украинский, белорусский, польский языки имеют в названиях клюквы вариант *żerawina*, что дает нам право считать этот вариант более архаичным и восстановить для праславянского **żerawina*.

Этимологически название клюквы связано с названием журавля. Наименование этой птицы по говорам дает то же колебание гласного основы с тем же распределением вариантов. Семантическая модель этого типа отражена в германских и балтийских языках: нем. *Kranzbeere* при *Kranich* 'журавль', шв. *tranbär*, англ. *cranberry*, лит. *gervuogė* при *gėrvė* 'журавль'¹⁷; ср. еще словен. *jerebika* 'клюква'.

Суффикс *-ина* в славянских языках в этом слове может быть воспринят как суффикс притяжательности.

Н. П. Гринкова связывает слово *жеравица* со словом *жар* (ср. *жаркий* 'оранжевый, красный')¹⁸.

с у н и ц а

В русских говорах слово *суница* как название земляники имеет ограниченное распространение (говоры Смоленской и Брянской обл., в основе своей белорусских)

¹⁷ V a s m e r. REW, III, стр. 46.

¹⁸ Н. П. Г р и н к о в а. Указ соч., стр. 114.

и должно считаться белорусизмом. Далее география слова такова: укр. *суниця*, блр. *суниця*, польск. *supica*, *sonica*, *sumnica*, полаб. *sauneitsa* 'земляника', серб. *supica*, болг. диал. *zupica* 'малина'. Широта распространения слова (все группы славянских языков) позволяет нам считать его праславянским и восстановить форму **sr-nica*.

По поводу слова *суниця* было высказано много различных этимологических гипотез, но наиболее правдоподобной представляется мысль, высказанная Бернекером и поддержанная Брюкнером и Фасмером о связи слова *суниця* с глаголом *никнуть*¹⁹. *Суниця* собственно 'сникающая ягода, наклоненная к земле'. Ср., например, *ницяя лоза* 'наклоненная' (смол. Добр., 299). Такого типа названия земляники не единичны, близки по значению и другие ее наименования, называющие ее земляной ягодой, так как плоды никнут к земле.

Мысль о связи слова *суника* с санскр. *ṣōpas* 'красный', высказанная Потемней, не нашла многочисленных сторонников²⁰. Другие этимологии этого слова обладают значительно меньшей силой доказательности.

е ж е в и к а

Это слово интересно в двух отношениях. Во-первых, оно — яркий пример одной из характернейших особенностей диалектного словообразования. В говорах наблюдается активный процесс замены устаревших архаичных словообразовательных моделей новыми, живыми, продуктивными, причем процесс осуществляется на материале уже существующих слов (например, *увязь*, бытующая в речи стариков, заменяется на *увязка* и т. д.).

Слово *ежевика* существует только в русском языке. Оно образовано по устойчивой для русского языка модели названий ягод: основа им. прилаг. + *-ица/-ика*. С другой стороны, представленное в русских окраинных говорах, в белорусском и украинском языках название *ожина*, несомненно, более архаичный словообразовательный вариант, во-первых, потому, что сохраняет старую форму

¹⁹ A. B r ü c k n e r. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1926, стр. 526.

²⁰ А. А. П о т е м н е я. Этимологические заметки.— РФВ, 1885, № 4, стр. 283.

основы (ср. др.-русск. *ожь*, *ожикъ* 'еж'), во-вторых, потому, что содержит суффикс *-ина*, имеющийся и в других славянских языках в этом слове: укр., блр. *ожина*, чеш. *ježina*, польск. *jeżyna*. Само существование слова *ежевика* (а не другой какой-либо лексемы) доказывает, что в русском языке было слово **ожина*, а затем оно было преобразовано или создано вновь в соответствии с живыми словообразовательными нормами.

Праславянское **ežina* как название колючего растения могло быть связано со словом **ežь* 'еж', но могло быть и независимым образованием от и.-е. корня **egh*'-'колоть' и только впоследствии сблизиться со словом **ežь* и восприниматься уже не как 'колючая', а как 'ежовая (ягода)'.²¹

к л у б н и к а

Слово восточнославянское, не имеющее соответствий в других славянских языках. Оно несомненно связано со словами *клуб*, *клубень* 'нечто круглое' (*клубок* ниток, *клубень* картофеля), *клуб*, *клубок* 'кочан капусты' (яросл., углич. Русин., 22, арх. Подв., 67, новг. Пооз. Овчин., 236). Причем, по-видимому, значение слова *клуб* сводится к представлению не только о чем-то круглом, но еще и увеличивающемся в объеме, откуда такой глагол, как *клубнѣться* 'наливаться' (о ягодах) (твер., осташ. Копор., 109). Вероятно, здесь следует искать семантическую связь слов *клуб* и *клубника*: *клубника* 'растение, ягоды который увеличиваются в объеме, делаются круглыми, клубнятся'²¹.

к л ю к в а

Как название ягоды это слово тоже отмечено только в русском языке. Судя по материалам памятников, слово вошло в литературный язык довольно поздно, но, уже став литературным, оно активно вытесняет в говорах старый славянский термин *жеравица*. Этот процесс многократно отмечался в диалектологической литературе: носители старшего поколения еще говорят *жеравица*, а молодежь уже употребляет слово *клюква*.

²¹ М. Фасмер так определяет связь *клуб* — *клубника*: «клубника как грядочная земляника» (V a s m e r. REW, II, стр. 573).

Как название ягоды это слово возникло в результате наиболее характерного ее употребления. Данные других славянских языков показывают, что первоначально значением слова *клюква* было 'отжатый сок, сок из ягод'. Ср. польск. диал. *klikwa* 'сок брусники и клюквы', с.-хорв. *кльук* 'отжатый виноградный сок', *кльукати* 'жать, отжимать сок'. Глагол *клюкать* так же, как и *клектать*, *клокотать* (о воде), носит звукоподражательный характер. Ср. еще название родника *ключ* того же корня.

к о м о н и к а

Комоница, *комоника* как название ягоды — явление чисто русское. В других славянских языках слово той же структуры выступает с иным значением и, по-видимому, является самостоятельным образованием со своими семантическими связями: укр. *комониця*, *комана* 'клевер'; серб. *комоњика* 'чернобыльник'; польск. *кo-тапiса* 'донник' и т. д.

В русском языке значение слова довольно общо, в разных говорах оно выступает как названия красной смородины, ежевики, поленики и морошки.

Слово *комоница* производное от *комонь* 'конь'²² и значит собственно 'конская ягода'. Это определение станет совершенно понятным, если мы обратим внимание на то, что *комоницей* называются второсортные ягоды: не малина, а ежевика, не черная смородина, ценность которой стала известна давно, а красная. Вероятно, значительно позднее *комоницей* называли неизвестные до тех пор морошку и поленику. Ср. повторенное уже позднее название поленики *кобылика*, *кобылица* (олон. Кул., 38). Это название входит в обширный ряд парных наименований растений типа *щавель* — *конский щавель*.

Время возникновения этого слова трудно определить. О древности его говорят как будто бы два момента: наличие основы *комонь*-, в современных языках утраченной, и наличие инославянских параллелей. Думается, это слово возникло в праславянский период в одном из его диалектов по активной словообразовательной модели независимо от аналогичных образований, но с другим значением в других говорах. Подобные процессы очень

²² V a s h e r. ЧЕУ, I, стр. 609.

ярко отражены в лексике современных говоров, особенно в отглагольных существительных. Многозначность глагола и возможность образовать корневое имя приводят к образованию в разных говорах единых по форме имен, но с разным значением. Они могут возникать в разное время, независимо друг от друга.

Возвращаясь снова к названию *комоница*, мы должны обратить внимание на активный процесс деэтимологизации, происшедший в этом слове в результате утраты производящей основы. Потеряв опору в однокоренных словах, слово как правило подвергается искажению, устанавливаются новые связи с созвучными живыми словами. Так появились такие формы, как *куманіка* и даже *каменіка*.

к н я ж и ц а

Это название принадлежит к словам прозрачной этимологической структуры и поэтому не рассматривается в этимологических словарях. Этим словом называют в значительной части севернорусских говоров смородину, реже поленику. *Княжіца, княжика, княжка, княженийца, княженика, княжанка, княжница, княжніка* (яросл. Мельн. 88; Д³ II, столб. 316. арх. Подв., 67; олон. Кул., 37; яросл., рост. Волоц., 40) — разнообразные варианты этого названия, показывающие различные примеры выравнивания по словообразовательному ряду. Первоначальная словообразовательная модель проста: основа имени прилагательного плюс суффикс *-ица*. *Княжица* значит «княжья ягода», но неясно, почему красная смородина называется княжьей.

Можно предположить, что в основе имени прилагательного лежит не основное значение слова *князь*, а одно из его производных значений.

Известно, что *князькѡм* принято называть животное необычной для данного вида масти: белую куницу, белого соболя, мышь и т. д., а также колос необычных размеров.

«Промышленники утверждают, что бывают соболи, хотя и чрезвычайно редко, совершенно белые; их, как вообще выродков, здесь промышленники называют соболями князьками; они ими очень дорожат и, по суеверному обычаю, держат их в домах»²³.

²³ А. А. Черкасов. Записки охотника-натуралиста. М., 1962, стр. 74.

Возможно, что именно таким вырождаком воспринималась смородина, белая и красная, в отличие от черной. Почему такие предметы носили название *князька* или *княжьего*, — трудно сказать: в результате своей незаурядности, необычности, или потому, что шкуры животных редкой масти в первую очередь сдавались в качестве дани, как думает Соболевский²⁴. Но это уже этимология другого слова.

поленика

Это одно из названий северной ягоды *Rubus arcticus*. Членение слова допускает многочисленные варианты. Мне представляется наиболее вероятной связь со словом *поле*, т. е. *поленика* 'полевая ягода, ягода, растущая на открытых местах'. Ср. аналогичное название клубники, *полевинник*. Аналогия словообразовательная — древнерусский термин *поленница* 'богатырь', при *полевать*, *пбльничать* 'охотиться', ср. выражение *с полем* 'с охотничьей добычей'. Образование может быть таково: *поле* → *пбльный* → *поленика* по типу *земляника*, *княженика* и др.

кострица

костёра архангельское название костяники. Слово образовано от основы *костр-*, вариант к *кост-*. Вариантность этих основ при семантическом тождестве проходит по всем говорам: жесткая часть стебля льна и конопли *костица* и *кострица*, *костика* и *кострика*, *костига* и *кострига*; сорная трава в хлебных посевах *костец* и *кострец*, *костер*, *костерь*. Ср. еще *кострець* 'ребра у лошади' (ворон., задон. Камен., 65) и *кострёнок* 'молодой осетр' (казан., тетюш. Дон. Оп., 78).

Аналогичная вариантность основ в словах *зубить* и *зубрить*.

Таким образом, названия одной и той же ягоды костяники: *костица* и *кострица* дают лишь варианты одной и той же основы.

²⁴ А. А. Соболевский. Еще мелочи.— РФВ, т. XVII, 1912, стр. 214—215.

х о х л я н и ц а

Хохлянка, хохлуша — местный вологодский диалектизм, название поленики. Словообразовательная модель та же, что и в других названиях ягод. Семантически слово подобно польскому названию клубники *kosmatka*.

г о н о б о б е л ь

Второе широко распространенное название голубики *гонобобель* в формальном отношении стоит совершенно особняком в названиях ягод. Многочисленные варианты этого названия указывают на затемненность этимологических связей в этом слове: чаще всего встречается форма *гоноболь*, затем *гонобобель*, *гонобобб*, *голобобб*, *гонобой* и даже *конбобки*. Центром, откуда происходит движение этого слова, по-видимому, следует считать псковско-новгородские говоры с их формой *гоноболь*.

М. Фасмер считает слово *гоноболь* сложным, состоящим из *гон-* 'гнать' и *боль*, со значением 'вызывающий боль', так как при сборе голубики обычно кружится и болит голова от одуряющего запаха багульника, растущего вместе с ней²⁵. Отсюда такие названия голубики, как *пьяника*, *дурника*. В. Махек считает слово *гоноболь* стяжением из первоначального *голубоболь*²⁶.

Это простое объяснение, имеющее основание и в реальной действительности, тем не менее вызывает сомнения. Слово *гоноболь*, как уже говорилось, по своему словообразовательному оформлению выделяется из всех других названий ягод. Фасмер считает эту форму табуистической, но в названиях растений табуистическим заменам подвергались лишь наименования колдовских, магических растений, каковым голубика никогда не была. Названия же многих ядовитых растений, таких, как дурман, белена, сохраняются очень устойчиво и без искажений. Необычна и сама форма слова с глагольной основой в начале (ср. типы сложенных такие, как *водовоз*, *самолет*, но *болиголов*, *свербигуз* и т. д.), не говоря уже

²⁵ V a s m e r. REW, I стр. 292.

²⁶ V. M a c h e k. [Рец.] Max Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch. Ers. Bd. Heidelberg, 1953.— «Slavia», 23, seš. I. Praha, 1954, стр. 65.

о том, что отсутствует соответствующее словосочетание «гнать боль». Косвенным доказательством того, что слово на русской почве непонятно, служат многочисленные искажения, которым оно подверглось в говорах, вплоть до установления совершенно случайных созвучий (ср. такую форму, как *голобоб*). Все эти факты как будто говорят о том, что на русской почве это слово неисконно.

Я затрудняюсь указать непосредственный источник заимствования, хочу лишь высказать некоторые соображения на этот счет. В основе этого слова, вероятно, лежит финский элемент, как и во многих других севернорусских названиях ягод. По-видимому, это слово, действительно, сложное; его вторая часть, вряд ли случайно, совпадает с общефинским названием брусники: лив. *būqīgān*, эст. *rohī*, фин. *ruolukka*, коми *пув* < *пул*, вепс. *bol*, карел. *bol*, *vuolu*. Правдоподобнее всего, что именно вепсские и карельские формы легли в основу новгородско-псковского диалектизма.

Для финских языков очень характерны сложения, в том числе и в названиях ягод, причем второй частью сложения выступают обычно или слова со значением 'ягода', или же одно из видовых названий ягод. Ср. фин. *mansikka* 'земляника', *ukkomansikka* 'клубника', *tuurain* 'морoshка', *таатуурин* 'поленика'; мар. *пöчыж* 'брусника', *когопöчыж* 'клюква' и т. д. По-видимому, такой производный характер носят названия клюквы в западнофинских языках: фин. *karpalo*; лив. *gārbān*; карел. *garbalo*; вепс. *garbō*, *gal'bol*²⁷, где во второй части сложения ощутим элемент *bol* 'брусника'. Вполне возможно, что и голубика носит название «какой-то» брусники.

Характерно, что именно голубика во многих языках носит производные наименования. Ср. нем. *Sumpfbeere* 'голубика' при *Heidelbeere* 'черника'; англ. *great bilberry*, *bog whortleberry* 'голубика' при *bilberry*, *whortleberry* 'черника'.

Возможно, что в первой части слова *гоноболь* лежит элемент со значением 'опьяняющий, одуряющий'. Ср. вепс. диал. *gōnikāine* 'голубика' (с. Пондола Вологод-

²⁷ L. K e t t u n e n. Livisches Wörterbuch mit Grammatischer Einleitung. Helsinki, 1938, стр. 56; M. M. H a m a l a i n e n i F. A. A n d r e j e v. Vepsa-venähine vajehnik. Moskv., 1936, стр. 14; У с п е н с к и й. Русско-чудский словарь. СПб., 1913.

ской обл.)²⁸ (*g* данного диалекта соответствует *j* в других западнофинских языках: фин. *juolukka*, *juotikka*, *juotikka*, *juorikka*; карел. *juotinngaŋe*, *juotinngaŋe*, олон. *juotoi*, вепс. *d'eñukqaiñe*, *joñikaiñe*, лив. *jūoimki* 'голубика')²⁹.

Можно предположить, что в основе русск. *гоноболь* лежит вепсское название типа **gön-bol*. На русской почве части сложения стали ассоциироваться со словами *гон* и *боль*, но отсутствие реальных связей привело к возникновению большого числа искажений.

мамура

Финские заимствования в названиях ягод многочисленны, появление их вполне закономерно. Особенно это характерно для названий двух видов северных ягод — поленики и морошки (*Rubus arcticus* и *Rubus chamaemorus*). В качестве названия поленики в говорах б. Олонецкой и Архангельской губ. было взято финское слово: *мамура* из олон. *tuaturoi*, фин. *таагурайн*³⁰, ср. *suoturain* 'морошка'.

сестреница

Это новгородско-олонецкое название красной смородины. *Сестреница* (олон. Кул., 106), *сестрянка* (новг. Д. IV, 179). Несмотря на свой славянский облик и типично «ягодную» словообразовательную структуру, слово заимствовано из финских языков. Непосредственным источником, по-видимому, послужил вепсский. Ср. вепс. *šestrikaiñe* 'красная смородина', фин. *siehtarlainen*, *siestan*, эст. *sõster*, род. *sõstra* то же³¹. Взяв основу чужого слова, русские включили ее в устойчивый словообразовательный ряд названий ягод.

²⁸ Материалы по вепсскому языку любезно сообщены мне сотрудницей Петрозаводского ин-та языка, литературы и истории АН СССР М. И. Зайцевой.

²⁹ J. H. T o i v o n e n. Suomen kielen etymologinen sanakirja, I. Helsinki, 1955, стр. 125.

³⁰ J. K a l i m a. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919, стр. 162.

³¹ J. K a l i m a. Указ. соч., стр. 216 и след.

сѣха

Водянистая, употребляемая в пищу только на севере, ягода *Empetrum nigrum* носит названия *сѣха* (арх. Подв., 157), *ссѣха* (там же, 162); *сѣѣха* (там же, 169); *стихѣ* (арх., белом. Федор., 187); *сѣкса* (камч. И. С., 259); *чекѣ* (олон. Кул., 132), *шѣкша* (камч. И. С., 259). По мнению Махека, в основе этого названия лежит финский элемент: «Z rozmanitosti ruských slov se zdá, že to je slovo cizí, srv. konec finského názvu harakanhaasikka»³², ср. еще элементы в эстонских названиях клубники и земляники: *metsmaasikas*, *aedmaasikad*, фин. *mansikka*, *ukkomansikka*. Второй элемент этих слов был воспринят как самостоятельный и послужил названием ягоды. Передача финского *k* через *x* вполне закономерна.

Вариант *чекѣ*, по-видимому, отражает чоканье в слове типа **цѣкѣ*. Как правило олонецкие формы по звучанию ближе к первоисточнику. Другие варианты этого названия отражают попытки этимологизации слова на родной почве.

рохкачи

Это архангельское онежско-кемское название незрелой морошки (Подв., 149), *ровкач* то же (олон. Кул., 101) заимствовано из западнофинских языков: олон. *ruohka*, люд. *ruohk*, фин. *rohko*, *rohka* 'незрелая ягода'³³.

рыхлица

Таково название спелой морошки в тех же говорах (онеж. кем. кол. Подв., 150). Лежит на поверхности связь со словом *рыхлый*, словообразовательная структура слова прозрачна. Но в то же время возможно, что это слово калькирует определение спелой морошки в финских языках: ср. фин. *turakka* 'хрупкий, рыхлый, ломкий', эст. *türe* 'рыхлый', *turakad* 'морошка'.

³² V. M a c h e k. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954, стр. 140.

³³ J. K a l i m a. Указ. соч., стр. 205 и след.

возникают новые названия, связанные уже с использованием (см. *клюква*). Словообразовательная структура подвергается изменению, в русском языке, в отличие от других славянских, в названиях ягод побеждает суффикс *-иц(а)* (и его варианты), теперь оформляющий почти всю группу.

Продвижение русских на север на территории финских племен приводит не только к знакомству с новыми видами ягод (морошка, поленика, вороница), но и к образованию значительного финского пласта в названиях (ср. *морошка, мамура, сестреница, ссиха* и др.), получившего широкое распространение в говорах.

- ажина* 'ежевика' (дон. Сокол., 25)
боровика 'брусника' (арх. Подв., 10)
бросну́ха 'брусника' (Атлас. с I/116, 341)
бружица, бружни́ца 'поленика' (арх. Подв.; 11, Д I, 131)
брусана 'брусника' (костр., нижег. Д I, 131)
брусеня 'брусника' (Д I, 131; твер., осташ. Доп. Оп., 13)
брусена, брусенка то же (ряз., мещер. Строган., 255; волог., ряз. Мак. Он., 33; волог. МГУ; новг., тихв. МДК 11, 79)
брусина (Атлас, с II/116, 1276)
бруска 'брусника' (олон. Кул., 6)
бруснига 'брусника' (пенз. Зелеп., 352; влад. МГУ; кир., вожг. Гор., 403; перм., чувов. Каюр., 322; кир., медян. Прозор. 353; влад., мелен. МДК 9, 42; моск., рузск. Дурн.; моск., моск. Черныш., 165)
брусника (арх., виногр. В. М.; смол. Добр., 41; кир., медян. Прозор., 353; том. Палаг., 5; моск. Черныш., 165)
брусни́ха (Атлас, с II/116, 765)
брусница, мп.-цы (костр., мантур. Азарх.; арх., ровден. Кимяг.; арх., виногр. В. М.; твер., кашин. Смирн., 11; волог. МГУ; олон. Кул., 6; арх. Подв., 11; кир., медян. Прозор, 353; калнн., кимр. Виногр., 393; калин., болог. Стрэг., 45; новг., белоз. МДК 9, 174; яросл., пошех.-вол. Копор., 89; новг., тесов. Карин., 115)
брутуха 'кислица' (олон. Кул., 6)
брушница 'вид ягод, брусника, поленика' (костр., богов., вохом., пыщуг. Азарх.; смол. Добр., 41)
бублянига 'полевая клубника' (влад. МГУ)
веснянки 'подснежная клюква' (пск., холм. Оп., 24; Д I, 187)
вешница 'подснежная клюква' (калнн., кимр. Виногр., 393)
вороняга, вороняжки '*Solanum nigrum*' (Д I, 244; яросл., рост. Волоц., 23; симб. Мотов., 18)
вороника '*Empetrum nigrum*' (арх., онеж. Корабл., 30; волог., вельск. Диал. сб., 46)
воронница '*Empetrum nigrum*' (арх. Д I, 244; арх. Подв. 22; арх. Данил., 5; арх., белом. Михайл., 124; арх., белом. Федор., 190; арх., холм. Гранд., 114)

- гла́жий* мн. 'морозка *Rubus chamaemorus*' (петерб., сомп. Кузн., 236; пск. Оп., 37; новг., белоз., олон., лодейноп, пск., опоч. Оп., 37; олон. Кул., 15; олон. Барс., 94; новг., новг. Солов., 28; новг., тесов. Карин., 113)
- глаже́вина* 'ягода морошки' (пск., новорж., опоч., остров., порх., Доп. Оп., 32)
- глаже́вник, глажовник* 'кустики морошки' (новг., пск. Д I, 353; новг., тихв. Оп., 37)
- глажи́на* 'кустики морошки' (новг., пск. Д I, 353)
- глажи́нник* 'кустики морошки' (Д I, 353)
- гла́жник* 'кустики морошки' (новг., боров. Евдок., 155)
- глазбье́* соб. 'морозка' (новг., боров. Доп. Оп., 32)
- гла́жий* 'морозка' (повг., тихв. Сокол., 295)
- глубе́ника* 'клубника' (иркут. Он., 37; Д I, 357; слб. Ануч., 43)
- глубни́га* 'клубника' (кург., галк. Старц., 179)
- глубни́ка* 'клубника' (Д I, 357)
- глубя́нка* 'клубника' (Д I, 357)
- глы́жий* 'морозка' (иск. Он., 37)
- голоба́б* 'голубика' (тамб. Д I, 370; ряз., касим., тамб. Оп., 39)
- голубе́ль* 'голубика *Vaccinium uliginosum*' (арх., виногр. В. М.; Д I, 370; арх. Подв., 33; арх., печор. Ивашк., 38; колым. Богор., 40; арх. Гранд., 126)
- голубе́нка* 'голубика' (твер. Д I, 370; твер., ржев. Доп. Оп., 34)
- голубе́нь* 'голубика' (арх., белом. Федор., 34)
- голуби́га* 'голубика' (перм., чусов. Каюр., 322)
- голубика* (Д I, 370; олон. Кул., 16)
- голуби́ны* (Атлас, с I/116, 52, 208, 236, 384).
- голуби́ца, -цы* мн. 'голубика' (арх., виногр. В. М.; волог. МГУ; Д I, 370; перм., чусов. Каюр., 322; кир., медян. Проз., 353; олон. Кул., 16; волог., вельск. Диал. сб., 46; повг. Колос. 32; яросл. молог. Якуш. 44; вят. слобод. МДК 11, 131; новг. тихв. МДК 11, 78; арх. верхнетоем. МДК 11, 172)
- голубя́нка* 'голубика' (атлас, с II/116, 809)
- гоноба́б* 'голубика' (ряз., мещер. Строган., 256; влад., судог. МГУ)
- гоноба́бель* 'голубика' (калин., кимр. Виногр., 394; костр., волог., ряз. Мак. Оп., 53; твер., кашин. Смирн., 29; яросл., рыбин. Водар., 393; волог. Суровц., 257; влад., вязн. Добрын. РГО)
- гоноба́бер* 'голубика' (влад., гусь-хруст. В. М.)
- гоноба́й* 'голубика' (пск., холм. Оп., 40)
- гоноба́ль* 'голубика *Vaccinium uliginosum*' (новг., пооз., борович., калин., болог. Строган., 49; новг., тихв.; пск., великол.; опоч., твер., вышневолоц. Оп., 40; олон. Кул., 16; новг., новг. Солов., 29; яросл., пошех.-вол., Копор., 103; новг., тесов. Карин., 113; ленингр., лычк., полав. Борк., 1936; волог., устюж. Диал. сб., 30; новг. Колос., 32; пск., пушк. Иероп., новг., тихв. МДК 11, 79)
- готови́к* 'вид ягод' (волог., кадн., МДК 11, 85)
- готбе́ник* 'ягода синего цвета с маленькими желтыми косточками, поспевающая раньше других ягод' (яросл., рыбин. Водар.); 'жимолость' (урал. Сл., 124).
- деревя́нная кисли́ца* 'красная смородина' (перм. Александр., 204)
- деревя́шка* 'красная смородина' (перм. Александр., 204)
- де́ряба* 'ежевика' (ряз., мещер. Оссов.)
- дура́ва* 'голубика' (ряз. мещер. Оссов.)

- ду́раха* 'голубика' (ряз., касим. Оп., 53; орл., ряз., смол., тамб. Д³ I, 1251)
- дури́ка* 'голубика' (ряз., мещер. Осов.)
- дурни́ка* 'голубика' (Д³ I, 1251)
- ежеви́га* 'ежевика *Rubus caesius*' (моск., ряз. Дурн.)
- ежеви́га* (яросл. Колос., 19)
- ежевика* (пенз. Оп., 53)
- ежевика* (влад. МГУ; влад., ковр. МДК 11, 40)
- ежевица* (перм., чусов. Каюр., 322)
- жави́ка* 'ежевика *Rubus caesius*' (сарат. Адлив., 495; стал., новоанн. Орл., 53; дон. Мирт., 89)
- жара́ва* 'клюква *Oxycoccus palustris*' (костр. Д I, 526; костр., кинеш. Оп., 55)
- жарави́ка* 'клюква *Oxycoccus palustris*' (новг. Д I, 526; волог., костр., кинеш., перм., усол. Оп., 55)
- жарави́на* 'клюква *Oxycoccus palustris*' (олон. Кул., 22)
- жарави́ха* 'клюква' (костр. Д I, 526)
- жарави́ца* 'клюква' (арх., виногр. В. М.; арх. Д I, 256; олон. Кул., 22; арх. Подв., 43; волог. Оп., 55; арх. Гранд., 143)
- жаравли́ха* 'клюква' (костр., межев. Азарх.)
- жарови́ка* 'клюква' (яросл., молож. 133; новг., белоз. Доп. Оп., 48)
- жаровина*, мн. *жаровины* 'клюква' (смол. Кустар., 138; арх. Д I, 526; арх. Подв., 43)
- жарови́ха* 'клюква' (перм., чусов. Каюр., 322; вят. Эслен., 53); 'поленика *Rubus arcticus*' (арх., мез. Д I, 526; арх., мез. Данил., 6) *жарови́ца* 'клюква' (арх., приоз. МГУ; арх., белом. Федор., 47; арх. Доп. Оп., 150)
- жеви́га* 'ежевика *Rubus caesius*' (тат. Чаг., 270)
- жеви́ка* 'ежевика *Rubus caesius*' (сарат., чкал. Моис., 58)
- жеваника* 'ежевика *Rubus caesius*' (калин., болог. Строг., 50)
- жерáва* 'клюква' *Oxycoccus palustris*' (костр. Д I, 526)
- жерави́ка* 'клюква' (нижег., семен. Оп., 56)
- жеравина* 'клюква' (новг., тесов. Карин. 133)
- жерави́ха* 'клюква' (вят. Зелен., 53)
- живи́ка* 'ежевика *Rubus caesius*' (дон. Мирт., 89; брян. Тихан., 47; урал. Карп., 20)
- жировины* мн. 'клюква' (смол., бельск. Оп., 57)
- жуковник* 'ежевика' (брян., навлин. Родион., 10)
- журави́га* 'клюква' (нижег., балахн. Доброзр., 154)
- журави́ка* 'клюква' (новг., череп. Герас., 38; яросл., рост. Волоц., 32; яросл. Доп. Якуш., 106)
- журавина*, мн. *журавинь* 'клюква' (волог. Д I, 526; пск. Оп., 58; пск., твер. ошаш., Дон. Оп., 51)
- журави́ха* 'клюква' (яросл. Мак. Оп., 85; перм., верхот., 44; яросл. Оп., 58; волог., тотем. Потан., 2; яросл. Якуш., 10)
- журави́ца*, мн. *журавицы* 'клюква' (петерб., сомр. Кузн., 236; новг., череп. Герас., 38)
- журавли́ка* 'клюква' (волог. Белор., 282)
- журавли́ха* 'клюква' (волог. В. г. в., 204; волог. Мак. Оп., 85; волог., тотем. Потан., 2; волог. Тр. Общ. Росс. сл., 199; волог., Сурозц., 240)
- зemíка* 'земляника' (Атлас, VIII, 440)
- земляна* 'земляника *Fragaria vesca*' (вят. Зелен., 60)

- земляная малина* 'поленика *Rubus arcticus*' (яросл., молог. Якуш., 44)
- земляника* 'земляника *Fragaria vesca*' (костр., мантур. Азарх, пенз. Зелеп., 352; ульян. Алекс., 188; влад. МГУ; новг., новг. В. М.; перм., чувов. Каюр., 322; вят. Зелен., 60; влад., покр. МДК 9, 42; моск., руз. Дурн.; новг., новг. Овчин., 349; влад., мелеп. МДК 11,45)
- земляника* 'земляника *Fragaria vesca*' (костр., пыщуг. Азарх; калин., стариц. Фрол., 97; кур. МГУ; калин., кимр. Виногр., 394; влад., мелеп. МДК 9,42; ворон., земл. Трост., 11; твер., клин. Черныш., 123; моск. моск., Черныш.)
- земляница* 'земляника *Fragaria vesca*' (костр., вохом., мешев. Азарх; арх., приоз. Кимяг.; вят. Васн., 89; новг. Д I, 679; арх. Подв., 56; смол. Добр., 267; перм., чувов. Каюр., 322; киров., медян. Проз., 353; калин., кимр. Виногр., 394; калин., болог., удом. Строг., 45; вят. Зелен., 60; волог., вельск. Диал. сб., 46; новг., тихв., перм., усол. Оп., 70)
- землянка* 'земляника *Fragaria vesca*' (кург., шадр. Сокол., 235; костр., боговар. Азарх; арх., ровд. Кимяг., удм. Барашк., 274; арх., виногр. В. М.; арх., красн. В. М.; волог., МГУ; волог., арх., сиб. Д I, 679; олон. Кул., 29; киров., медян. Проз., 332; влад., яросл. Мак. Оп., 91; енис. Кривош., 48; арх., белом. Федор., 63; волог. Суровц., 41; волог., вельск. Диал. сб., 46; волог., пск., яросл., тороп. Оп. 70; яросл. Якуш., 11)
- каличина* 'брусника' (новг., тихв. МДК — РФВ, 71, 330)
- каманика* 'ежевика' (кал. Ханык., 117; ворон., нижедеп. Полик., 607)
- каманица* 'морощка' (твер. Мак. Оп., 107; калин., болог. удом. Строг., 49)
- каменика* 'костяника' (олон. Кул., 33)
- каменица* 'морощка' (твер. Оп., 79)
- киселка* 'красная смородина' (пск. Д II, 110)
- киселица* 'красная смородина' (арх. Д II, 110; арх., белом. Федор., 94)
- кислик* 'красная смородина' (олон. Кул., 37)
- кислика* 'красная смородина' (олон. Кул., 37)
- кислица* 'красная смородина *Ribes rubrum*' (арх. Шренк., 157; арх., красн. В. М.; Д II, 110; олон. Кул., 37; арх. Подв., 66; камч. И. С., 243; алт. Верб., 103; колым. Богор., 66; сиб. Ануч., 51)
- кислиница* 'красная смородина' (камч., иркут., перм., усол., том. Оп., 83)
- кислянка* 'красная смородина' (том. Он., 83)
- клубенига* 'клубника' (вят., уржум. Магн., 28; перм., чувов. Каюр., 322)
- клубника* 'клубника' (ульян. Алекс., 188; пенз. Зелеп., 352; новг., новг. В. М.; моск., руз. Дурн.; новг., новг. Овчин., 349)
- клубника* '*Fragaria viridis* Duch.' (кур. МГУ; твер., твер. Черныш.)
- клубница* 'клубника' (костр., кинеш. Оп., 84; Тр. Любч. Зм., 8)
- клубница* 'клубника' (яросл., муром. Колос., 19; влад., юрьев. Черныш., 12; твер., клин. Черныш., 12)
- клюква* '*Oxycoccus palustris* Pers.' (калин., болог., удом. Строг., 48; волог., белоз. МГУ; калин., ошаш. Копор., 108; смол. Добр., 324; вят. МДК 11, 131; чуваш., чебокс. Лебед., 253)
- клюкма* 'клюква' (вят. Васн., 107)

- княжѣнка* а) 'красная смородина *Ribes rubrum*' (новг., череп., кирил., белоз., тихв. Эрдм., 129; яросл., рост. Волоц., 40; новг., тихв. Доп. Оп., 82; яросл. Якуш., 14); б) 'поленика' (Д II, 126)
- княжеейца* 'вид ягод' (арх., шенк. Подв., 67)
- княженіка* 'поленика' (свердл. Чиж.-Пол., 66)
- княженіца* а) 'поленика' (яросл., вят. Д II, 126; яросл. Оп., 85); б) 'красная смородина' (яросл. Якуш., 14)
- княжіка* а) 'красная смородина' (влад., ковр. Доп. Оп., 82); б) 'поленика *Rubus arcticus*' (влад., волог. Д II, 126)
- княжіха* 'красная смородина' (Оп., 85)
- княжіца* а) 'красная смородина' (яросл. Мельн., 88; новг., череп., кирил., белоз., тихв. Эрдм., 129; арх., шенк. Подв., 67; волог. МГУ; олон. Кул., 37; волог., белоз., Бувальц., 286; яросл., пошех. Копор., 126); б) 'поленика' (влад., волог. Д II, 126; волог. Доп. Оп., 82)
- княжка* 'поленика *Rubus arcticus*' (арх., красн. В. М.)
- княжика* 'красная смородина *Ribes rubrum*' (яросл. Мельн., 88; костр., богов. Азарх.)
- княжніца* 'красная смородина' (яросл. Мельн., 88; яросл., рыбн. Водар.; киров., медян. Проз., 353; вят. Оп., 85)
- княжнянка* 'красная смородина' (яросл. Мельн., 88)
- кобылыка* 'поленика *Rubus arcticus*' (олон. Кул., 38)
- кобылыца* 'поленика *Rubus arcticus*' (олон. Кул., 38)
- комѣнка* а) 'красная смородина' (никол. Сл. р. яз. IV, 1697); б) 'поленика' (волог., каргоп. Сл. р. яз. IV, 1697); в) 'морошка' (устюж. Сл. р. яз. IV, 1697)
- команѣц* 'красная смородина' (солиг., чухл. Сл. р. яз. IV, 1743)
- команійка* а) 'ежевика' (арх., приоз. Кимяг., ворон., ряз., кур. Сл. р. яз. IV, 1743); б) 'морошка' (твер., весьегон. Сл. р. яз. IV, 1744); в) 'поленика' (Сл. р. яз. IV, 1744); г) 'красная смородина' (кологр. Сл. р. яз. IV, 1744)
- команійца* а) 'ежевика' (арх., приоз. Кимяг.); б) 'красная смородина' (галич., кинеш. Сл. р. яз. IV, 1744); в) 'морошка' (вышнев., твер., остап. Сл. р. яз. IV, 1744); г) 'поленика' (тихв., тотем. Сл. р. яз. IV, 1744); д) 'косяника' (твер. Сл. р. яз. IV, 1744)
- конѣки* 'голубика *Vaccinium uliginosum*' (яросл., верх.-куб. Копор., 103)
- костера* 'косяника' (арх., приоз. Кимяг.; арх., виногр. В. М.)
- костіка* 'косяника' (Атлас, VIII, 506)
- костица* 'косяника' (вят., урж. Магн., 29)
- кострица* 'косяника' (олон. Кул., 42)
- косяніга* 'косяника' (ульян. Алекс., 188; перм. Горст., 11; перм., чусов. Каюр., 322; киров., медян. Проз., 353; влад., покр. МДК 9, 42; моск., руз. Дурн., 80).
- косяніка* '*Rubus saxatilis*' (волог., вельск., Диал. сб., 46; волог., белоз. МГУ)
- косяніца* 'косяника' (твер., кашин. См., 77; повг., тихв. МДК 12; вят. Васн., 112; калин., кимр. Виногр. 395; арх., холм. Гранд., 177)
- косянка* 'косяника' (кург., шадр. Сокол., 235; арх., холм. Гранд., 177; волог., белоз. МГУ; арх., печор. Ивашк., 160)
- красніха* 'клюква' (арх., холм., пинеж., мез. Подв., 74)
- крупяніга* 'клубника' (нижег., балахи. РФВ, 64, 277)

- крупныйк* (з) 'садовая крупная клубника' (каз., Бульде, 168)
- куманика* а) 'поленника' (яросл., молож. Якуш., 45); б) 'морошка' (волог., устюж. Доп. Оп., 31); в) 'ежевика *Rubus caesius*' (орл., ливен., елец., ворон., задон. Данил., 9; новг., новг. Солов., 38)
- куманица* 'морошка' (калин., осташ. Копор., 112; твер., осташ. Оп., 96; яросл., молож. Якуш., 45)
- ледунец* 'красная смородина' (новг., череп. Герас., 52)
- ледунешник* 'красная смородина' (новг., череп. Герас. Мат., 384)
- ледянки* (Атлас, с I/116, 255)
- лядунница* 'красная смородина' (твер., весьег. Оп., 108; яросл. Мельн., 103)
- малина* '*Rubus idaeus*' (общерусское)
- мамура* а) 'поленника *Rubus arcticus*' (арх., холм. Данил., 10; Анн. Б. сл., 302); б) 'морошка' (Собол.)
- махлакй* мн. 'морошка' (костр., чухл. Ж. Ст. 1899, 347)
- моклакй* мн. 'морошка' (костр. Мак. Оп., 161)
- морбха* 'морошка' (арх. Подв., 92)
- морбшка* а) '*Rubus chamaemorus*' (арх., красн. В. М.; волог. МГУ; перм., чувов. Каюр., 322; волог., вельск. Диал. сб. 46; Д³ II, 911; Норстедт 1780 г.; вят., слоб. МДК 11, 131); б) 'поленника *Rubus arcticus*' (костр. чухл. Покр., 347)
- ожин* 'ежевика' (кур., судж. Никол. ф. 126, № 98)
- ожина* 'ежевика' (дон. Мирт., 212; южн. Д I, 516)
- пазабник* 'земляника' (кур. Халан., 370)
- пазабника* 'земляника' (ряз., спас. Оп., 151; брян. Тпхан., 65)
- пазёмка* 'земляника' (Грот. Доп., 101)
- пазобника* 'земляника' (ряз. Дитт., 219; орл., болх. Сахар., 34)
- пазонка* 'земляника' (ряз. Сл. Оссов.)
- пазубник* 'земляника' (кур., одосв. Машк. ф. 216, № 93)
- пазубника* 'земляника' (кур., ряз., скоп. Оп., 151; кур. Робуш; ф. 216, № 87)
- пазыника* 'земляника' (брян., навлин. Роднон., 225)
- поленика* '*Rubus arcticus*' (волог. Потан., 53; Д³ III, 651)
- полуденица* 'поленника *Rubus arcticus*' (волог. В. г. в 1840, 298; волог., тотем. Оп., 168)
- полупица* 'земляника' (Потебн. О мнф., 54)
- полянйга* (Атлас, с I/116, 330).
- поречка* 'красная смородина' (смол. Кустар., 147)
- порички* мн. 'красная смородина' (кур., судж. Оп., 171; южн., кур. Д III, 318)
- прутовица* 'красная смородина' (арх., лекshm. МГУ)
- прутовая кислица* 'красная смородина' (перм., чувов. Каюр., 320)
- пьяная ягода* 'голубика *Vaccinium uliginosum*' (олон. Кул., 97)
- пьяника* 'голубика' (ряз. Дитт., 221)
- пьяница* 'голубика' (калин., осташ. Копор. 30)
- пьянки* мн. 'голубика' (новг. Эрд., 152)
- рохкачй* мн. 'незрелая морошка' (арх., онеж., кем. Подв., 149)
- рыхлакй* 'вполне спелая морошка' (онезж., кем., кол. Подв., 150)
- саралайна* 'ежевика' (пск., велик. Оп., 198)
- свиноура* 'вид ягод' (арх., лекshm. МГУ)
- сестреница* 'красная смородина' (олон. Кул., 106)
- сестрянйка* (Атлас, с I/116, 80)
- сестрянка* 'красная смородина' (Д IV, 179)
- сйкса* '*Empetrum nigrum*' (камч. И. С., 259)

- сы́ха* 'Empetrum nigrum' (арх. Подв., 157)
- слепцы́* 'недозревшая морошка' (волог., бабуш. Ж. В.)
- смород* 'смородина Ribes nigrum' (волог. Оп., 208)
- сморо́бда* 'смородина' (арх., ириоз. МГУ; волог. МГУ; новг., новг. В. М.; арх., красн. В. М.; калин., болог., удом., Строг., 45; новг., тихв., пск., велик., опоч. Оп., 208; новг., тихв. МДК 11, 79)
- сморо́бдина* а) 'черная смородина Ribes nigrum' (смол. Добр., 849; кал., мешов. Черныш., 79; вят. Васн., 266; нем., чусов. Каюр., 320); б) не указано, обозначает ли это слово смородину вообще или только черную смородину (волог. МГУ; влад. МГУ; кур. МГУ; ворон., бобр. Тороп., 345; сарат. Чмых., 65; калин., кимр. Виногр. 395; влад., муром. Тагун., 215; вят., слоб. МДК 11, 131; костр., кологр. МДК 11, 158; влад., ковр. МДК 11, 40)
- снежница́* 'красная смородина' (киров., вожг. Гор., 331)
- снобо́рьга* 'ежевика' (ряз., мешер. Строган., 258)
- ссиха́* 'Empetrum nigrum' (арх., холм., кем. Доп. Оп., 115; арх., печор. Ивашк., 163; арх. Подв., 162)
- стига́* 'Empetrum nigrum' (арх., белом. Федор., 187)
- суника́* 'земляника' (брян., навл. Родион., 225)
- сунйца́* 'земляника' (южн., зап. Д IV, 311; смол., росл. Добр., 889)
- сциха́* 'Empetrum nigrum' (арх. Подв., 169)
- сы́ха* 'голубика' (?) (арх. Булич., 35)
- ты́тьки* 'толокнянка Arctostaphylos uva ursi' (олон. Кул., 119)
- толо́кница́* 'толокнянка' (арх. Он., 230)
- толокня́нка* 'Arctostaphylos uva ursi' (Д IV, 413)
- толокба́нка* 'Arctostaphylos uva ursi' (Д IV, 413)
- ты́хта* 'белая смородина' (новг., боров. Эрдм., 161)
- хохлу́ша* 'поленика Rubus arcticus' (волог. Оп., 249; Д³ III, 651)
- хохля́ница* 'поленика' (волог., тотем. Сб. обл. сл., 226; Д³ III, 651)
- чекá* 'Empetrum nigrum' (олон. Кул., 132)
- черне́нига* 'черника Vaccinium myrtillus' (костр., мантур., вохом. Азарх)
- черне́нка* 'черника' (Атлас, VIII, 410)
- чернига́* 'черника' (пенз. Зелеп., 352; мар. Моисеен., 325; ульян. Алекс., 188; влад. МГУ; новг., новг. В. М.; перм., чусов. Каюр., 322; влад., млен. МДК 11, 45)
- черни́ка* 'Vaccinium myrtillus' (арх., лекшм. МГУ; смол., ельн. Добр., 982; кур. МГУ; ряз., мешер. Строган., 256 (ц'арн'ика); вят., слоб. МДК 11, 79)
- черни́ца* 'черника Vaccinium myrtillus' (арх., лекшм. МГУ; вят., урж. Магн., 69; калин., кашин. Смирн., 188; вят. Васн., 343; арх., холм., иннеж., мез. Подв., 188; арх., виногр. В. М.; ряз., мешер. Строган., 256; яросл., пошех.-волод. Копор., 29; твер., кимр. Виногр., 395; калин., болог., удом. Строг., 45; арх., верхнетоем. МДК 11, 142; костр., вохом. Азарх.)
- шаба́нь* 'ягоды Empetrum nigrum' (олон. Кул., 135)
- шы́кша* 'Empetrum nigrum' (камч. И. С., 259)
- я́года* а) 'ягода вообще' (смол. Добр., 1017; калин., болог., удом. Строг., 44); б) 'земляника' (вят., урж. Магн., 73; кал. Ханык., 1017; вят. Васн., 356); в) 'клубника' (кур. Халан. кем. ср. кузн. Пан., 287; пенз. Иссерл., 162); г) 'ежевика' (дон. Мирт., 373); д) 'Empetrum nigrum' (камч. И. С., 259)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Завершая анализ происхождения части народной ботанической лексики, мы можем представить себе хронологически ее становление и развитие. Возможно, что при рассмотрении других групп ботанической лексики конкретные связи и отношения будут иными, но думается, что общие тенденции развития останутся теми же. Для того, чтобы картина была полной, необходимо было бы рассмотреть с этих же позиций ту же часть ботанической терминологии во всех славянских языках и, совместив результаты, делать выводы. Но мне кажется возможным, пусть условно, представить становление того лексического пласта, который отражен только в русском языке.

Часть слов, самая архаическая, существовала, по видимому, в раннепраславянский период или протославянский. Это те слова, которые имеют устойчивые связи в других индоевропейских языках и не могут быть объяснены средствами праславянского. Это, в первую очередь, названия дикорастущего лука (*черемша*) и название пшеницы, в русском языке отраженное лишь в производной форме (*пырей*). Представляя собою уже на этом уровне слова с неясной этимологической структурой, эти слова являются наследием индоевропейского: *черемша* ← **čermъ-ša* ← **kermusja*; *пыро* ← **pyro* ← **pūr-*. Внешние связи этих слов многочисленны и охватывают разнообразные группы индоевропейских языков. Вторая группа слов на этом же уровне представляет собою единичное отражение индоевропейских корней и не имеет родственных связей на славянской почве; это слова *ягода* ← **agoda* ← **ōg-*, отражающее корень с вероятным значением 'расти, плод'; *малина* ← **malina* ← **melə-no*, отражающее

старый индоевропейский корень со значением разнообразных оттенков цвета; название чего-то вздувшегося, изогнутого, лишая, нароста, гриба — *гу́ба* ← **gōba* ← **gombh-*; единичное и только славянское производное от индоевропейского корня **ger-* ‘изгибаться’ со значением ‘морщина, складка, уступ’, впоследствии получившее в части славянских языков значение ‘гриб’: *гриб* ← ← **gribъ* ← **gre-i-b-*; узкодиалектное название гриба, — также отражающее представление о чем-то вздувшемся *блица* ← **bŕdla*, **bŕdlica*, **bŕdľьka* ← *bŭd-* (даже если в русском это заимствованный элемент, он может быть реконструирован на основании западнославянского материала); название тростника *треста*, *троста*, *тресть*, *трость*, *тпростник* ← **trŕsta*, **trŕsta*, **trŕstь*, **trŕstь*, **trŕstь-nikъ* ← **trŕstis*. Третья группа на том же хронологическом уровне представляет собою осуществленные архаическими словообразовательными средствами и за пределами славянских языков имеющие параллельные образования названия растений, существующие в рамках большого гнезда родственных слов. Это в первую очередь названия озерных растений, используемых для плетения: *сит*, *сита* ← **sitъ*, **sita*, отражающие индоевропейский корень **sei-*, **si-* ‘плести’ и имеющие родственные формы в таких словах, как *сеть*, *силок*; *черет*, *очерет* (диалектная славянская форма) ← **čertъ*, **občertъ* ← **kert-*, отражающие индоевропейский корень **ker-* ‘резать, плести’ и имеющие родственные образования в словах *черта*, *чертить* и др.; название колючки, острия и колючего растения *осот* ← **osŭtъ* ← *āsŭt-*, отражающее индоевропейский корень **ak’-* ‘быть острым’ и имеющее однокоренные образования в словах *ость*, *острый*, *оселок* и др.; название папоротника, продолжающее индоевропейский корень в значении ‘перо, крыло’ (образное название растения), имеющее многочисленные родственные образования как внутри славянских языков, так и за его пределами *перо*, *парить*; лит. *papártis* ‘папоротник’ и др.

На позднепраславянском уровне эта группа лексики представлена уже значительно: это съедобные растения или растения, в названиях которых отражены вкусовые качества: **medunica*, **kyslica*, **goruxa* / **gorupa* / **gorъčica* / **žeruxa*, **pelunъ* / **pelyni*, **mana* / **manъka*, **ščavъ*, **bŕr ščъ*, **syrojĕda* / **syrojĕdja*, **pečerica* / **pečerъka*; ле-

карственные растения: **derstь* / **drěstь*, **devesilь*, **odolěntь*, **bedrěntь*, **deglь*; растения, в названиях которых отражены их внешние свойства, форма, цвет, запах и т. д.: **lorixь*, **rogozь*, **bodlь*, **leboda* / **ľboda* / **olboda*, **kropiva*, **rěpь* / **rěpьjь*, **čьrnobyль*, **купрьjь*, **svьrbigozь*, **bukovica*, **melčь*, **kьkolь*, **lototь* / **lotaj*, **palьka* / **palica*, **sverěpь* / **sverěpa*, **koničina*, **xvoščь*, **kosatьcь*, **ledvenьcь*, **купрь*, **rydjь*, **vьlněntьka* / **vьlněnica*, **smьrěbь* / **smьržь*, **brusьna* / **brusьnica*, **čьrnica*, **žeravina*, **spьnica*, **smorda* / **smordina*, **ežina*; своеобразным образом отражает несъедобность для человека **deťelina*. Большая часть из представленных наименований имеет общеславянское распространение, другая представляет диалектные образования, но с архаической структурой. Таким образом, примерно четверть рассматриваемой части современной русской ботанической лексики составляет лексика архаическая, праславянская.

Следующий хронологический этап, который может быть назван восточнославянским или древнерусским, представляет собою сложную картину. Характеризуют этот период несколько моментов: общевосточнославянские образования, существование ряда диалектизмов и постоянные контакты и общие тенденции развития с западнославянскими языками. Реально говоря, с VIII по XIV в. мы имеем единый язык с диалектно-племенной дифференциацией. Отношения диалектов очень сложны. Какие бы то ни было далеко идущие выводы на основании только нашего материала сделать невозможно. Бросается в глаза лексическое своеобразие новгородского говора, связи севернорусских говоров с говорами, которые впоследствии легли в основу украинского языка.

Восточнославянский период можно проиллюстрировать на группе названий грибов, которая в это время получила окончательное оформление. В рамках восточнославянских языков оформляются такие названия, как *груздь*, *белый гриб*, *волуй*, *белянка*, *подберезовик* и др.; общими для восточных и западных славян являются такие названия, как *ситник*, *обабок*, *боровик* и др.

Современное состояние, понимая его широко, как период самостоятельного развития русского языка, характеризуется окончательным оформлением русской ботанической терминологии. Для нее характерна большая дробность и многообразие даже в пределах одного

говора. Постоянные и длительные контакты с иноязычными народами приводят к активному проникновению финской лексики на севере (*каржла, ханьга, кортега, пучка, вахта, морошка, мамура, сестреница, гоноббль* и др.) и тюркской на юге и юго-востоке (*куга, камыш, сусак, буркун, батлачик, бодран, тукмачи* и др.). Заимствованная лексика может быть разделена на разные группы: а) слова узкоместные, иногда характерные только для обрусевшего населения, типа *каржла, ханьга, кортега, тукмачи*; б) слова, получившие широкое распространение в говорах, типа *пучка, гоноббль* и в) слова, вошедшие в литературный язык и тем самым получившие большую устойчивость и тенденцию к повсеместному употреблению, такие, как *морошка, камыш*.

В отношении лексики русские говоры распадаются на две большие группы (северные и южные). Южнорусские говоры подвергаются очень активному воздействию украинского языка, через который в них проникает польская, тюркская, а с польским немецкая и латинская лексика. Происходит разрыв между украинизированной южнорусской терминологией и севернорусской, оставшейся вне активных путей. Поскольку именно на территории южнорусских говоров находились основные сельскохозяйственные районы, исключительно велико значение южнорусской лексики в формировании ботанической терминологии русского литературного языка (ср. судьбу таких слов, как *чина, буркун, батлачик, куга, пижма* и др.). Отчасти этим объясняется наличие большого числа тюркизмов в русском литературном языке при почти полном отсутствии финских слов, хотя территория распространения их по говорам иногда исключительно велика.

И уже как заключительный процесс — мощное влияние литературного языка на говоры, сбивающее старую картину, приводящее к активному вытеснению диалектных слов литературными: так постепенно общеславянское название *жеравица* вытесняется словом *клюква*, старое название грибов вообще или грибов, идущих в засол, *губы* заменяется литературным словом *грибы*, место праславянского *рогоз* занимает заимствованное *камыш* и т. д.

2. Словообразование названий растений в какой-то мере отражает тенденции или процессы, присущие диа-

лектному словообразованию вообще. Я останавлиюсь лишь на некоторых типичных явлениях. С одной стороны, разные суффиксы (речь идет только об именном словообразовании) обладают неодинаковой степенью активности в говорах, это явление, как и всякое другое диалектное явление, имеет свою географическую приуроченность, поэтому можно говорить об определенных словообразовательных изоглоссах. Активность определенного суффикса бывает исключительно высока, он обслуживает очень большое число словообразовательных моделей. Такова судьба суффикса *-ица* в северных говорах, *-ка* в южных, *-ина* в северо-западных и т. д. (см. раздел, посвященный словообразованию, во второй главе). С другой стороны, имеет место процесс как бы противоположный вышеописанному, но в то же время несомненно сосуществующий с ним. Это процесс словообразовательной синонимии (см. статьи *пѣстик*, *молочѣй*), создающий исключительное богатство равнозначных словообразовательных средств не только в речи одного коллектива, но и одного индивидуума. Словообразовательная структура слова в говоре подвижна, аморфна, колеблется в пределах возможных синонимичных вариантов. Ср. такие синонимичные образования, как *масленик*, *маслёнок*, и записанные мною в речи одного объекта: *земляница*, *земляника*, *землянка*, — в смысловом отношении не имеющие никакого различия. Эта подвижность оформления позволяет выравнивать слова по активно действующей словообразовательной модели. Так возникают формы *черненига*, по типу *земляника*, причем предшествующая форма слова может существовать наряду с вновь образованной, как в данном случае, или же может утратиться.

Эти черты диалектного словообразования имеют определенное значение для этимологии. Слово, оказавшееся в сфере действия определенного активного суффикса, может получить его, причем время такого образования установить трудно. Часто возникшая в древности словообразовательная модель в определенный момент начинает пользоваться большой популярностью, а затем ее продуктивность затухает.

Реконструируя словарный материал на праславянском уровне, следует учитывать возможность и для того периода определенного числа словообразовательных вариантов. Наличие таких синонимичных вариантов не

удаляет, а приближает реконструкцию к реальной действительности. Возможность замены словообразовательной модели в рамках одного слова позволяет в некоторых случаях говорить о наличии этой лексемы в ее архаичном оформлении на данной территории. Такова, на мой взгляд, судьба слов *ежевика* и *ушняк* в русском языке. В масштабах всех славянских языков в качестве названий ягоды ежевики существуют лишь три возможных: *черная малина*, *остружина* и *ежина* (*ожина*). Первые два на территории русского языка не отмечены, существование же в русском языке именно слова *ежевика*, а не какого-либо иного, указывает на то, что в русском языке было слово **ežina*, которое затем было изменено по активно действующей модели названий ягод в *ежевица/ежевика*. Точно так же в ином обличье, но с тем же значением, живет в современных говорах древнерусское слово *ушь*.

Главным образом в названиях растений существует еще явление, когда регулярный словообразовательный процесс приводит к разрушению семантических связей слова. Словообразовательное действие заключается в упрощении словосочетания в одно слово. В том случае, когда этот процесс касается словосочетаний со своеобразной семантикой (ср. *гусиный горох*, т. е. 'дикий, несъедобный для человека горох' и потому равный словосочетанию *мышинный, журавлиный* и т. д. *горох*), упрощение приводит к возникновению ложных семантических связей, определяемых внешним сходством слов. Слово *гусинец*, возникшее из словосочетания *гусиный горох*, вторично и неправомерно начинает соотноситься со словом *гусь*. В случае утраты промежуточного звена, типа *гусиный горох*, такие слова, как *гусинец*, представляют серьезные трудности для этимологии (см. статью *дятелина*).

И еще один момент очень характерен для диалектного словообразования — использование уменьшительных суффиксов в качестве словообразующих. Возможно, в этом отражается более древняя неуменьшительная функция этих суффиксов. Примеры данного явления столь часто встречаются в работе, что их не имеет смысла повторять.

3. Семантические характеристики названий растений тоже достаточно своеобразны. Структура семантического поля в названиях растений может быть как простой, так и сложной. Простой, если члены поля приближаются

по степени терминологичности к названиям культурных растений (ср. названия ягод), усложненной, когда мы имеем двухрядную структуру (ср. названия грибов во многих говорах) и сложной, как в организации большей части названий травянистых растений, где поле организуется одной очень общей единицей значения. В конкретных полях деление может быть более или менее дробным, единицы выражения могут перемещаться внутри поля, и само поле есть не что иное, как границы перемещения этих единиц. (Ср. поля колючих, озерных, зонтичных и др.)

На основании набора единиц конкретных полей и всей совокупности связей этих единиц можно построить, несомненно очень обобщенную и абстрактную, но необходимую для практических нужд, общую схему выражения данного поля в каком-либо языке. Таковы схемы семантических полей, приводимые в начале анализа многих групп.

Для этимологии понимание общей схемы семантического поля, в которое входит исследуемое название, имеет большое значение, поскольку позволяет уточнить семантическую сторону предполагаемого происхождения слова — возможность или невозможность определенных сдвигов значений.

Кроме того, в рамках группы наименований, принадлежащих к одному семантическому полю, обычно имеется ограниченный набор семантических моделей, которые постоянно воспроизводятся новыми средствами на новом материале, в новых условиях, но семантическая структура остается той же. Это напоминает надписи, сделанные на нескольких языках, когда разными средствами передается одно и то же содержание (ср. схемы в конце анализа групп 2,4 и др.).

В случае такой устойчивости и повторяемости определенной семантической модели для выражения определенного понятия, наблюдаются многочисленные типологические сходства даже между языками различных лингвистических групп (ср. название клюквы «журавлиной ягодой» во многих индоевропейских языках, выражение сходства хвоща с хвостом в славянских и угрофинских языках и т. д.).

Роль семантической аргументации в современном этимологическом исследовании, несомненно, стала более зна-

чительной. Ощущается необходимость не только в сопоставлении формально родственных структур, но и в показе путей складывания значения слова. Для этого используется и семантическое окружение, и реконструкция значения на основании внешних данных. Как правило это оказывается необходимым для внесения коррективов в уже признанные этимологии (см. статьи *пырей*, *брусника*, *сморчок*, *гриб* и др.).

Представляет интерес семантическая и формальная реконструкция, проводимая в словах с затемненной этимологической структурой, когда слово по каким-либо причинам теряет связи с родственным окружением и подвергается искажениям, контаминации, происходит установление новых семантических связей, основанных на внешнем подобии. Восстановление первичного состава в этом случае не всегда возможно, но в некоторых случаях его все же удастся произвести (см. статью *гарлуна*).

Исключительные сложности для анализа представляют слова, образованные путем семантического способа словообразования, создания слов-омонимов. В этом случае по выражению Куриловича, «экспрессивные формы и стилистические варианты... могут являться независимыми от контекста самостоятельными словами»¹. Сложность заключается в установлении этих экспрессивных и стилистических оттенков значения, которые, становясь самостоятельными, начинают играть основную значимую роль в слове. Работа по выявлению и определению этих значений по сути дела не проведена не только для лексики ономастической, но и для большей части апеллятивов (см. этимологический раздел второй главы).

¹ Е. Р. Курилович. Заметки о значении слова.— ВЯ, 1955, № 3, стр. 76.

СОКРАЩЕНИЯ

Языки

- алб. албанский
алт. алтайский
англос. англосаксонский
арм. армянский
афг. афганский
болг. болгарский
вепс. вепсский
в.-луж. верхнелужицкий
гот. готский
греч. греческий
груз. грузинский
дат. датский
др.-в.-нем. древневерхне-
немецкий
др.-инд. древнеиндийский
др.-ирл. древнеирландский
др.-исл. древнеисландский
др.-польск. древнепольский
др.-прусск. древнепрусский
др.-сев. древнесеверный
и.-е. индоевропейский
ирл. ирландский
каз. казанский диалект татар-
ского языка
казах. казахский
калм. калмыцкий
караим. караимский
карел. карельский
кирг. киргизский
крым.-тат. крымский диалект та-
тарского языка
лапл. лапландский
лат. латинский
лив. ливский
лит. литовский
лтш. латышский
луж. лужицкий
макед. македонский
мар. марийский
монг. монгольский
нем. немецкий
н.-в.-нем. нововерхненемецкий
н.-луж. нижнелужицкий
н.-нем. нижненемецкий
норв. норвежский
общегерм. общегерманский
полаб. полабский
польск. польский
прагерм. прагерманский
праром. прароманский
праслав. праславянский
прусск. прусский
сван. сванский
серб. сербский
слав. славянский
слвц. словацкий
словен. словенский
ср.-ирл. среднеирландский
ср.-н.-нем. средненижненемецкий
ср.-перс. среднеперсидский
ст.-слав. старославянский
ст.-чеш. старочешский
с.-хорв. сербско-хорватский
тат. татарский
тур. турецкий
турк. туркменский
удм. удмуртский
укр. украинский
умбр. умбрский
фин. финский
фр. французский
хант. хантыйский
хорв. хорватский
чаг. чагатайский
чеш. чешский
чуваш. чувашский
швед. шведский
шор. шорский
энец. энецкий
эст. эстонский

Диалекты и говоры русского языка

алт. алтайский	елец. елецкий
арх. архангельский	ельн. ельнинский
астрах. астраханский	емел. емельяновский
ачин. ачинский	енис. енисейский
бабуш. бабушкинский	жиздр. жиздренский
балахн. балахнинский	задон. задонский
башк. русские говоры на тер- ритории Башкирской АССР	зап. западный
белг. белгородский	земл. землянский
белоз. белозерский	ильм. ильменский
белом. беломорский	ирбит. ирбитский
белояр. белоярский	иркут. иркутский
бельск. бельский	ишим. ишимский
берез. березовский	кадн. кадниковский
бобр. бобровский	казан. казанский
богат. богатовский	кал. калужский
богор. богородский	калин. калининский
боговар. боговарский	камч. камчатский
бологов. бологовский	кашир. каширский
болх. болховский	карг. каргопольский
боров. боровичский	карс. карсвайский
брян. брянский	касим. касимовский
вауч. ваучский	каш. кашинский
великол. великолуцкий	кем. кемский
вельск. вельский	кемер. кемеровский
верховаж. верховажский	кимр. кимрский
верхот. верхотишский	кинеш. кинешемский
весьегон. весьегонский	киров. Кировский
ветлуж. ветлужский	клин. клинский
виногр. виноградский	ковр. ковровский
влад. владимирский	кологр. колוגривский
вожг. вожгальский	кол. кольский
волог. вологодский	колым. колымский
ворон. воронежский	костр. костромской
воскр. воскресенский	красн. красноборский
вост. восточный	кубен. кубенский
вохом. вохомский	кузн. кузнецкий
вышневол. вышневолоцкий	куйб. куйбышевский
вязн. вязниковский	кург. курганский
вят. вятский	лебед. лебедянский
галич. галичский	лекшм. лекшмозерский
галк. галкинский	ленингр. ленинградский
гусь-хруст. гусь-хрустальнен- ский	ливен. ливенский
гдов. гдовский	лун. лунинский
грозн. грозненский	лычк. лычковский
дан. даниловский	люб. любимский
держ. держинский	малоарх. малоархангельский
дмитр. дмитровский	мантур. мантуровский
дмитр. дмитряшевский	мар. русские говоры на терри- тории Марийской АССР
дон. донской	медян. медянский
егорьев. егорьевский	межев. межевский
	мезен. мезенский

меленк. меленковский
мещер. мещерский
мещов. мещовский
минус. минусинский
молож. молодежский
мосал. мосальский
моск. московский
муром. муромский
навлин. навлинский
нерех. нерехтский
нижег. нижегородский
нижнедев. нижнедевицкий
никол. николевский
новг. новгородский
ново-анн. ново-анненский
новорж. новоржевский
новосиб. новосибирский
обоян. обоянский
одоев. одоевский
олон. олонецкий
онеж. онежский
опоч. опочецкий
оренб. оренбургский
орл. орловский
осташ. осташковский
остров. островской
пенз. пензенский
перясл. перяславский
перм. пермский
петерб. петербургский
печор. печорский
пинеж. пинежский
подол. подольский
покр. покровский
полав. полавский
пооз. поозерский
пореч. пореченский
порх. порховский
пошех. пошехонский
прибалт. русские говоры При-
балтики
приоз. приозерский
пск. псковский
пушк. пушкинский
пыщуг. пыщугский
раakit. раakitянский
ржев. ржевский
ровд. ровдинский
роман. романовский
роsl. рославльский
рост. ростовский
руз. рузский
рыбин. рыбинский
ряз. рязанский

самар. самарский
сарап. сарапульский
сарат. саратовский
свердл. свердловский
сев. северный
семен. семеновский
сергач. сергачевский
сиб. сибирский
симб. симбирский
скоп. скопинский
слоб. слободской
смол. смоленский
собин. собинский
солиг. солигаличский
солик. соликамский
сольвыч. сольвычегодский
сольц. сольцкий
сомр. сомринский
спас. спасский
средн. урал. среднеуральский
ставр. ставропольский
стал. сталинградский
стариц. старицкий
ст.-русс. старорусский
судж. суджанский
судогод. судогодский
тамб. тамбовский
тат. русские говоры на террито-
рии Татарской АССР
твер. тверской
терск. терский
тетюш. тетюшский
тихв. тихвинский
тобол. тобольский
том. томский
тороп. торопецкий
тотем. тотемский
тул. тульский
тур. туринаский
тюкал. тюкалинский
тюм. тюменский
углич. угличский
удм. русские говоры на терри-
тории Удмуртской АССР
удом. удомельский
улом. уломский
ульян. ульяновский
урал. уральский
урж. уржумский
усол. усольский
усть-ниц. усть-ницинский
устюж. устюжский
уфим. уфимский
холм. холмогорский

чароз. чарозерский	шадр. шадринский
черд. чердынский	шенк. шенкурский
череп. череповецкий	юж. южный
чкал. чкаловский	южн.-сиб. южносибирский
чуваш. русские говоры на территории Чувашской АССР	юрьев. юрьев-польский
чусов. чусовской	ярен. яренский
чухл. чухломской	яросл. ярославский

Источники

- А д л и в. С. У. А д л и в а н к и н. Говоры бассейна р. Карай в Балашовской области. Канд. дисс. (рукопись). Саратов, 1954.
- А з а р х. Материалы по говорам Костромском и Кировской областей, сообщенные автору сотрудником Института русского языка АН СССР Ю. С. Азарх.
- А к с. С. А к с а к о в. Записки охотника братья грибы. Собр. соч., т. 5. М., 1966.
- А л е к с. Д. И. А л е к с е е в. Говор с. Архангельского Чердаклинского района Ульяновской области. Канд. дисс. (рукопись). Куйбышев, 1953.
- А л е к с а н д р. Д. А. А л е к с а н д р о в. Слова простонародной речи в Пермской губ., пословицы, поговорки и приметы. «Записки Уральского общества любителей естествознания», т. XV, вып. 1—2. Екатеринбург, 1895.
- А н н. Б. с л. Н. И. А н н е н к о в. Ботанический словарь, или собрание названий как русских, так и многих иностранных растений на языках латинском, русском, немецком, французском и других, употребляемых различными племенами, обитающими в России. Изд. 2. М., 1878.
- А н н. П р о с т. Н. И. А н н е н к о в. Простонародные названия русских растений. М., 1858.
- А н у ч. Д. Н. А н у ч и н. Материалы к областному словарю сибирского наречия. «Изв. Красноярского подотдела РГО», т. 1, вып. 6. Красноярск, 1904.
- А р х. АН Материалы Архива Академии наук СССР в Ленинграде.
- Б а л. А. В. Б а л о в. Очерки Пошехонья. 1—6, М., 1898—1899.
- Б а р а ш к. В. Ф. Б а р а ш к о в. Русский говор северной части Карсвайского района Удмуртской АССР. Канд. дисс. (рукопись). М., 1957.
- Б а р с. Е. В. Б а р с о в. Причитания Северного края, ч. I.—II. М., 1878—1882.
- Б е л о р. Н. Б е л о р у с с о в. Об особенностях в языке жителей Вологодской губ.—РФВ, т. XVIII, № 4, 1887.
- Б е н с к. Э. Я. Б е н с к а я. Говор станицы Старый Щедрин Грозненской области. Автореф. канд. дисс. Л., 1955.
- Б е р н. С. Б. Б е р н ш т е й н. Болгарско-русский словарь. М., 1953.
- Б о б р. Областные слова Владимирской губ., собранные Бобровым.—Архив АН, фонд 216, № 24.
- Б о г о р. В. Г. Б о г о р а з. Областной словарь колымского русского наречия. СПб., 1901.

- Б о й к. М. Б а й ко ў і С. Н е к р а ш э в і ч. Беларуска-ра-
сійскі слоўнік. Менск, 1925.
- Б о р к. В. И. Б о р к о в с к и й. Из наблюдений над языком д.
Вольная Березна и Кирилловщина (Лычковский р-н) и д.
Рыкалово (Полавский р-н) Ленинградской области. «Уч. Зап.
Ярославского ГПИ», 1944.
- Б о р и с. П. Б о р и с о в. Несколько простонародных слов, упо-
требляемых в Шепкурском уезде. «Отечественные записки»,
т. XXXII, 1844.
- Б у в а л. М. П. Б у в а л ь ц е в а. Говоры Белозерского района
Вологодской области в современном состоянии и истории. Канд.
дисс. (рукопись). М., 1955.
- Б у д д е. Е. Ф. Б у д д е. К диалектологии великорусских наре-
чий. Исследование особенностей Рязанского говора. Варшава,
1892.
- Б у д д е. Е. Ф. Б у д д е. О некоторых народных говорах в Туль-
ской и Калужской губ. СПб., 1897.
- Б у л. С. К. Б у л и ч. Материалы для русского словаря. «Изв.
ОРЯС», т. 1. СПб., 1896.
- Варш. сл. J. K a r ł o w i c z, A. K r y Ń s k i, W. N i e d ź-
w i e d z k i. Słownik języka polskiego, t. I—VIII. Warszawa,
1900—1925.
- В а с н. Н. М. В а с н е ц о в. Материалы для объяснительного
областного словаря вятского говора. Вятка, 1908.
- В. г. в. «Местные слова и выражения, употребляемые между про-
стым народом в разных уездах Вологодской губ». — «Вологод-
ские губернские ведомости». 1839, № 14, 22, 25, 45; 1840,
№ 19, 20, 37, 39; 1841, № 46, 48; 1842, № 42, 43.
- В е р б. В. В е р б и ц к и й. Сотня областных слов, употребляе-
мых близалтайскими крестьянами. «Томские губернские ве-
домости», 1862, № 7, 48; 1863, № 26.
- В е р ж б. Т. И. В е р ж б и ц к и й. Некоторые лекарственные
растения, употребляемые простым народом в Курской губ.,
«Живая Старина», т. VIII, 1898.
- В и н о г р. Л. И. В и н о г р а д о в а. Говоры Кимрского района
Калининской области. Канд. дисс. (рукопись). М., 1953.
- В. М. Сведения, собранные автором в Архангельской, Новгород-
ской, Калужской и Московской областях.
- В о д а р. В. В о д а р с к и й. Областные слова Рыбинского у.
Ярославской губ. «Живая старина», т. XII, 1902.
- В о л о ц. В. В о л о ц к и й. Сборник материалов для изучения
Ростовского (Яросл. губ.) говора. — Сб. ОРЯС, т. 72, № 3.
СПб., 1902.
- В о р о ш. Т. С. В о р о ш и л о в а. Из наблюдений над област-
ной лексикой. «Уч. Зап. Шуйского ГПИ», 1959, вып. 8.
- В о с к р. В о с к р е с е н с к и й. Словарь простонародного язы-
ка, употребляемого в Жиздринском и Мосальском уездах Ка-
лужской губ. — Архив АН СССР, фонд 216, № 69.
- Г е р а с. М. К. Г е р а с и м о в. Словарь уездного череповецкого
говора. СПб., 1910.
- Г е р а с. М а т. Г е р а с и м о в и К е д р о в. Материалы лек-
сикографические по Новгородским говорам. «Живая Старина»,
т. VIII, 1898.
- Г л а з. Э. В. Г л а з ы р и н а. Словарный состав говора Полев-

- ского района Свердловской области. Канд. дисс. (рукопись). М., 1952.
- Г о л у б. М. Д. Г о л у б ы х. Говоры Белоярского района Свердловской области. Канд. дисс. (рукопись). Свердловск, 1952.
- Г о р. Л. И. Г о р е в а. Говоры Вожгальского района Кировской области. Канд. дисс. (рукопись). Киров, 1952.
- Г о р с т. М. Г о р с т. Материалы для исследования народных лекарственных растений Томской губ. Томск., 1894.
- Г р а н д. А. Г р а н д и л е в с к и й. Родина М. В. Ломоносова. Областной крестьянский говор.— Сб. ОРЯС, т. 83, № 5, СПб., 1907.
- Г р и н ч. Б. Д. Г р и н ч е н к о. Словарь украинского языка, т. I—IV. Киев, 1907—1909.
- Г р и ш. И. П. Г р и ш и н а. Из диалектной лексики флоры Рязанской области. «Уч. Зап. Рязанского ГИИ», т. 25. Рязань, 1959.
- Г р о т. Д о п. Я. К. Г р о т. Дополнения и заметки к «Толковому словарю Даля». «Записки АН», прилож. к XVII т., 5, 1898.
- Г у л. Г у л я е в. Словарь областных речений, употребляемых русским народонаселением в южной Сибири.— Архив АН СССР, фонд. 216, № 17.
- Д а н и л. П. Я. Д а н и л е в с к и й. Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1869.
- Диал. сб. «Диалектологический сборник». Под ред. А. С. Ягодинского, вып. 1—3. Вологда, 1941—1946.
- Д и т т. Д и т т е л ь. Сборник рязанских областных слов.— «Живая Старина», т. VIII, 1898, вып. II; т. IX, 1889, вып. I.
- Д о б р. В. П. Д о б р о в о л ь с к и й. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
- Д о б р о з р. И. Д о б р о з р а к о в. О катунском наречии. «Нижегородский сборник», т. III. Н. Новгород, 1870.
- Д о б р ы н. Н. Г. Д о б р ы п к и н. Вязниковский уезд Владимирской губернии. «Владимирские губернские ведомости», 1868, № 27, 28, 30, 31.
- Доп. Оп. Д о п о л н е н и е к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.
- Доп. Я к у ш. Дополнения к Материалам для словаря народного языка в Ярославской губернии. Ярославль, 1926.
- Д у р н. Н. Д у р н о в о. Описание говора д. Парфенок Рузского уезда Московской губернии. — РФВ, т. XLVII, XLVIII. Варшава, 1902.
- Д. В. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955.
- Д³. В. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка под редакцией Бодуэна де Куртене. СПб.— М., 1905—1909.
- Е в д о к. П. М. Е в д о к и м о в. Боровичский говор. Канд. дисс. (рукопись). Л., 1946.
- Е р е м. С. А. Е р е м и н. Описание уломского и ваучского говоров Череповецкого уезда Новгородской губернии.— Сб. ОРЯС, т. 99, № 5, 1922.
- Ж а к. З. И. Ж а к о в а. Восточно-смоленские говоры в их истории и современном состоянии. Канд. дисс. (рукопись). М., 1954.
- Ж. В. Сведения по говорам Воскресенского р-на Московской области и Бабушкинского р-на Вологодской области, сообщенные мне

сотрудником Института русского языка АН СССР Ж. Ж. Варбот.

Ж. Ст. «Живая Старина».

Жук. З. В. Жуковская. Говоры западной части Воронежской области. Канд. дисс. (рукопись). М., 1954.

Зелен. Д. К. Зеленин. Особенности в говоре русских крестьян юго-восточной части Вятской губ. «Живая Старина», т. XI, вып. I, 1901.

Зелен. Д. К. Зеленин. Отчет о диалектологической поездке в Вятской губ.— Сб. ОРЯС, т. 76, № 2. СПб., 1903.

Зелеп. Л. А. Зелепукина. Севернорусские говоры Сосноборского района Пензенской области. Канд. дисс. (рукопись). Пенза, 1959.

Зм. Л. Ф. Змеев. Русские врачевники (исследование в области нашей древней врачевой письменности Змеева). СПб., 1896.

Зобн. Ф. Зобнин. Усть-Ницынская слобода Тюменского уезда Тобольской губ. «Живая Старина», т. VIII, 1898.

Зуев. Дм. Зуев. Дары русского леса. М., 1961.

Иваш. Л. А. Ивашко. Лексика печорских говоров. Канд. дисс. (рукопись). Л., 1955.

Иероп. К. А. Иеропольский. Говор с. Савкино Пушкинского района Псковского округа. «Изв. ОРЯС», т. III, кн. 2, 1930.

Ильин. Н. В. Ильинский. Главнейшие лекарственные растения Вологодской губ. Вологда, 1919.

И. С. П. Кузмищев. Собрание особенных или имеющих другое значение слов и некоторых выражений, употребляемых в Камчатке. «Москвитянин», 1842, № 3.

Иссерл. Е. М. Иссерлип. Говоры Пензенской области. Канд. дисс. (рукопись). Л., 1945.

Камен. Каменев. О говорах северо-восточной части Одоевского уезда Тульской губ. «Труды МДК», вып. 9. Л., 1927.

Караул. М. Караулов. Областные слова Моздокского уезда Терской области. — РФВ, т. XLIX. Варшава, 1900.

Кардаш. С. М. Кардашевский. Курско-орловский словарь. «Уч. Зап. Моск. обл. пед. ин-та», т. 35, вып. 3, 1956; т. 48, вып. 4, 1957; т. 88, вып. 5, 1960.

Карин. Н. М. Каринский. О некоторых говорах по течению р. Луги и Ореджа. — РФВ, т. XL. Варшава, 1898.

Карп. А. Б. Карпов. Сборник слов и выражений, употребляемых уральскими казаками. Уральск, 1913.

Карп. А. Б. Карпов. Сборник слов, синонимов и выражений, употребляемых амурскими казаками. — Сб. ОРЯС, т. 87, 1910.

Каяр. О. П. Каярина. Исследование говора юго-западной части Чусовского района Молотовской области. Канд. дисс. (рукопись). М., 1953.

Кимяг. Сведения по говорам Приозерного района Архангельской области, сообщенные мне сотрудником кафедры русского языка филологического факультета МГУ Р. С. Кимягаровой.

Колесник. I. С. Колесник. Материалы до словника діалектизмів українських говорів Буковини (рукопись).

Колос. М. А. Колосов. Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского наречия. — Сб. ОРЯС, т. 17, № 3. СПб., 1877.

- К о п о р. С. А. К о п о р с к и й. О говоре севера Пошехоно-Володарского уезда Ярославской губ. «Труды Ярославского ГПИ», т. 2, вып. 3. Ярославль, 1929.
- К о п о р. С. А. К о п о р с к и й. Архаические говоры Осташковского района Калининской обл. «Уч. Зап. Калининского ГПИ», т. X, вып. 3. Калинин, 1945.
- К о р а б л. С. П. К о р а б л е в. Очерк правописательной этнографии г. Онеги Архангельской губернии, с собранием онежских песен и реестром слов, отличающих тамошнее наречие. М., 1853.
- К о р а б л. С. П. К о р а б л е в. Этнографический и географический очерк г. Каргополя Олонецкой губернии, с словарем особенностей тамошнего наречия. М., 1851.
- К р и в о ш. М. Ф. К р и в о ш а п к и н. Енисейский округ и его жизнь, т. I—II. СПб., 1865.
- К у з н. В. К у з н е ц о в. Сомринский говор. «Живая Старина», т. VIII. СПб., 1898.
- К у л. Г. К у л и к о в с к и й. Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898.
- К у с т а р. А. И. И в а н о в а, М. А. К у с т а р е в а и Б. А. М о и с е е в. Материалы для «Смоленского областного словаря». «Уч. Зап. Смоленского ГПИ», 1958, вып. 9.
- Л а в р. К. Л а в р о в. Простонародные слова, употребляемые в уездах Новгородской губернии. «Живая Старина», т. V, 1895.
- Л а в р. П. Л а в р о в с к и й. Сербско-русский словарь. СПб., 1870.
- Л е б е д. В. А. Л е б е д е в а. Говоры восточной части Дергачевского р-па Саратовской области. Канд. дисс. (рукопись). Саратов, 1952.
- Л е о п. А. Л е о п о л ь д о в. Статистическое описание Саратовской губ., составленное А. Леопольдовым, ч. 1—2. СПб., 1839.
- Л и с т р. Ю. Т. Л и с т р о в а. Говор с. Отскочного Дмитришевского района Воронежской области. Канд. дисс. (рукопись). Воронеж, 1953.
- М а г н. В. М а г н и ц к и й. Особенности русского говора в Уржумском уезде Вятской губернии. Казань, 1885.
- М а к а р. М. Н. М а к а р о в. Опыт русского простонародного словотолковника. «Чтения в Об-ве истории и древностей российских», № 3, 1846—1847.
- М а л а х. В. А. М а л а х о в с к и й. Областной словарь русских народных говоров.— В кп.: «Вопросы теории и методики изучения русского языка». Саратов, 1959.
- М а н а е н. А. Ф. М а н а е н к о в а. Лексика говоров Каширского района Московской области. Канд. дисс. (рукопись). М., 1948.
- Мат. ист. мед. Материалы для истории медицины в России, вып. I—IV. СПб., 1881—1906.
- М а ш к. Сборники А. С. М а ш к и н а. «Курский сборник», вып. IV. Курск, 1903.
- МГУ. Материалы к «Архангельскому областному словарю» филологического ф-та МГУ.
- МДК. Труды постоянной комиссии по диалектологии русского языка, вып. 8—12. Л., 1919—1931.
- М е л ь н. Г. Г. М е л ь н и ч е н к о. Краткий ярославский об-

- ластной словарь, объединяющий материалы ранее составленных словарей (1820—1956 гг.). Ярославль, 1961.
- Мирт. В. М. Миртов. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов н/Д, 1929.
- Мих. А. Михайлов. Очерки природы и быта Беломорского края России. СПб., 1868.
- Моис. Б. А. Моисеев. Словарный состав говора с. Саратовки Соль-Илецкого района Чкаловской области. Канд. дисс. (рукопись). М., 1955.
- Моисеев. М. Ф. Моисеевко. Русские говоры восточной части Марийской АССР (на восток от 48 меридиана). Канд. дисс. (рукопись). Казань, 1953.
- Мотов. А. Мотовилов. Симбирская молвь.— Сб. ОРЯС, т. 44. СПб., 1888.
- Наг. Ю. Нагибин. Погоня. М., 1960.
- Наум. Дополнения и заметки И. Ф. Наумова к «Толковому словарю Даля».— Сб. ОРЯС, т. 11, № 6, 1874.
- Нейштадт. М. И. Нейштадт. Определитель растений. М., 1954.
- Немч. В. Н. Немченко, А. И. Сницца, Т. Ф. Мурникова. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963.
- Никол. А. Никольский. Народные говоры Жиздринского уезда Калужской губ.— РФВ, т. XLIX, 1. Варшава, 1903.
- Носов. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
- Н. У. П. У. Некоторые слова, поговорки и приметы, существующие у жителей Тверской губернии. «Отечественные записки», т. XXXIII, 1844.
- Овчин. В. С. Овчинникова. Поозерский говор. Канд. дисс. (рукопись). Л., 1951.
- Овчин. Р. С. Овчинникова. Говор д. Большой Кунгур Кировской области. Канд. дисс. (рукопись). Томск, 1951.
- Оп. Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Имп. Академии наук. СПб., 1852.
- Опис. Макарий, игумен. Описание города Верхотурья. «Вест. РГО», 1854, ч. X, кн. 1.
- Орл. Л. Орлов. Исследование говора Ново-Анненского района Сталинградской области. Канд. дисс. (рукопись). М., 1953.
- Осоев. Словарь говора с. Деулино Рязанского района Рязанской области (рукопись).
- Палаг. В. В. Палагина. Современный говор старожильческого населения западной части Томского района Томской области. Канд. дисс. (рукопись). Томск, 1951.
- Пан. Н. А. Панова. Производственная и бытовая лексика говоров Ставрополя. Канд. дисс. (рукопись). М., 1954.
- Пан. В. Панов. Местные русские говоры Кузнецкого района Кемеровской области. Канд. дисс. (рукопись). Сталинск. 1954.
- Патк. С. К. Патканов. Список тобольских слов и выражений. «Живая Старина», том IX. СПб., 1899.
- Пашк. А. М. Пашковский. Говоры Лунинского района Пензенской области. Канд. дисс. (рукопись). Свердловск, 1953.

- Песн. Самар. В. В а р е н ц о в. Сборник песен Самарского края, составленный В. Варенцовым. СПб., 1862.
- П и с к. Г. П и с к а р е в. Слова и выражения рязанского простонародья, собранные Г. Пискаревым. «Московский городской листок», 1847, № 172, 176.
- П о д в. А. И. П о д в ы с о ц к и й. Словарь областного Архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- П о к р. Ф. П о к р о в с к и й. Особенности в говоре населения, расположенного по р. Письме Костромской губ. Вуйского у. «Живая Старина», т. V. СПб., 1895.
- П о л и к. Ф. П о л и к а р п о в. Материалы для изучения южно-великорусских говоров. Нижнедевицкий словарь. «Филологические записки». Воронеж, вып. I—II, 1911; вып. III—V, 1912.
- П о т а н. Г. Н. П о т а н и н. Слова, записанные по дороге из г. Николаева в г. Тотьму. «Живая Старина», т. IX. СПб., 1899.
- П р о з. А. Д. П р о з о р о в а. Говоры Медянского района Кировской области. Канд. дисс. (рукопись). Киров, 1955.
- П у и а р. К. П у п а р е в. Простонародные названия растений. «Тверские губернские ведомости», 1869, № 33, 34, 41, 44, 47.
- П у т и н ц. А. П у т и н ц е в. О говоре в местности Хворостань Воронежской губернии. «Живая Старина», т. XV. СПб., 1906, вып. 1.
- Р а д л. В. В. Р а д л о в. Опыт словаря тюркских наречий, т. I—IV. СПб., 1893—1911.
- Р и ч. Дж. Б. А. Ларин. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джеймса (1618—1619 гг.). Л., 1959.
- Р о б у ш. С. Р о б у ш. Областные слова, пословицы и поговорки, присловья и пореченья, употребляемые в Курской губ. — Архив АН, фонд 216, № 87.
- Р о д и о н. А. М. Р о д и о н о в а. Лексика говоров Навлинского района Брянской области. Канд. дисс. (рукопись). Л., 1956.
- Р о ж к. М. П. Р о ж к о в а. Лексика говоров Романского района Ростовской обл. Канд. дисс. (рукопись). Л., 1954.
- Р у с и н. П. Д. Р у с и н о в. Угличская земледельческая лексика. Канд. дисс. (рукопись). Горький, 1955 г.
- Р ы б н. П. П. Р ы б н и к о в. Сборник слов, употребляемых в Олонецкой губ. «Этнографический сборник», вып. VI. СПб., 1864.
- С а х а р. А. И. С а х а р о в. Язык крестьян Ильинской волости Болховского уезда Орловской губ. — Сб. ОРЯС, т. 68, № 5, 1900.
- С а х а р. И. П. С а х а р о в. Сказания русского народа. СПб., 1885.
- Сб. обл. (сборник областных слов, употребляемых в Вологодской губ. «Вологодские губернские ведомости», 1866, № 21—24.
- С е м е н. В. И. С е м е н о в. Некоторые слова и выражения, записанные в Томской губ. «Живая Старина», т. III, 1903.
- С е р г. Ф. П. С е р г е е в. Южнорусские говоры Сарпинского и Красноармейского районов Сталинградской области. Канд. дисс. (рукопись). М., 1956.
- С и м о н. Д. С и м о н о в и ч. Ботанички речник научных и народных имена биљака са именима на руском, англеском, немачком и француском језику. Београд, 1959.

- Сирот. О. Б. Сиротинна. Говоры восточной половины Духовницкого района Саратовской области. Канд. дисс. (рукопись). Саратов, 1950.
- Скал. Н. Л. Скалозубов. Ботанический словарь. Народные названия растений Тобольской губернии, дикорастущих и некоторых культурных. Тобольск, 1913.
- Сл. Словарь говоров Среднего Урала, т. 1. Свердловск, 1964.
- Сл. Оби. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби, т. 1. Томск, 1964; т. 2, Томск, 1965.
- Сл. II отд. Словарь русского языка, составленный комиссией по русскому языку Академии наук СССР.
- Смирн. И. Т. Смирнов. Кашинский словарь.— Сб. ОРЯС, т. 70, № 5, 1901.
- Собол. А. А. Соболевский. Словарь.— Архив АН, фонд № 176.
- Сокол. А. П. Соколова. Говор Шадринского района Курганской области. Канд. дисс. (рукопись). М., 1956.
- Солов. В. Ф. Соловьев. Особенности говора донских казаков.— Сб. ОРЯС, т. 68, 1901.
- Солов. В. Ф. Соловьев. Особенности говора Новгородского уезда Новгородской губ.— Сб. ОРЯС, т. 77, 1904.
- Срезн. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I—III. СПб., 1893—1903.
- Старц. С. А. Старцева. Говоры с. Песчанки и прилегающих к нему населенных пунктов Галкинского района Курганской области. Канд. дисс. (рукопись). М., 1952.
- Строг. В. П. Строгова. Лексика говоров по течению р. Мсты. Канд. дисс. (рукопись). М., 1955.
- Строган. Т. Г. Строганова. Говоры междуречья Оки — Клязьмы. Канд. дисс. (рукопись). М., 1950.
- Сунгур. И. Сунгуров. Несколько слов и особенностей в наречии жителей Оренбургской губернии.— «Отечественные записки», 1844, т. XXXIII, март, отд. VIII.
- Суровц. Н. Суровцев. Список слов особых Вологодской губ., составленный Н. Суровцевым. «Труды Общества любителей российской словесности», ч. 1. М., 1822.
- Съед. Съедобные дикорастущие растения Северной полосы России, вып. 1. Пг., 1918.
- Тагун. В. И. Тагунова. Муромские говоры. Канд. дисс. (рукопись).
- Тихан. П. Н. Тиханов. Брянский говор. Заметки из области русской этнологии.— Сб. ОРЯС, т. 76, № 4. СПб., 1904.
- Тороп. И. С. Торопцев. Суффиксальное словообразование имен существительных в говоре с. Коршева Бобровского района Воронежской области. Канд. дисс. (рукопись). Воронеж, 1954.
- Тр. Любч. Травник Любчанина. Исторический музей, рукопись Уварова № 2192 (список XVII в.).
- Трост. Диалектологические наблюдения, собранные Тростянским, Гришкиным и др.— Сб. ОРЯС, т. 95, № 11. Пг., 1916.
- Ухмыл. Е. В. Ухмылина. Говоры Богатовского района Куйбышевской области. Канд. дисс. (рукопись). Куйбышев, 1948.

- Укр.-рос. сл. Українсько-російський словник, т. I—IV. Київ, 1953—1961.
- Федор. Федоров. Соловки. «Записки РГО по отд. этнографии», т. XIX, вып. 1.
- Федор. А. И. Федоров. О происхождении словарного состава беломорских говоров. Канд. дисс. (рукопись). Л., 1952.
- Филин. Ф. П. Филипп. Словарь русских народных говоров, вып. 1. М., 1965; вып. 2. М., 1966.
- Флор. В. А. Флоровская. Лексика говоров Старичского района Калининской области. Канд. дисс. (рукопись). Калинин, 1955.
- Халан. М. Г. Халанский. Народные говоры Курской губернии. СПб., 1904.
- Ханык. В. В. Ханыков. Летопись Калужская от отдаленных времен до 1841 г. М., 1878.
- Чаг. Л. И. Чагина. Заинский говор русского языка. (Татарская АССР). Канд. дисс. (рукопись). Казань, 1953.
- Чагищ. В. И. Чагищева. Говоры восточного побережья озера Ильмень. Канд. дисс. (рукопись). Л., 1949.
- Черн. В. И. Чернышев. Народные говоры селений, расположенных от Боровска до Москвы по старому Московскому тракту. «Изв. ОРЯС», т. XIII, кн. 1—3, 1908.
- Черн. В. И. Чернышев. Говор Мещовского уезда.— Сб. ОРЯС, т. 70, № 7. СПб., 1901.
- Чиж.-Пол. А. И. Чижики-Полейко. Словарь диалектной лексики сказок Бажова. Канд. дисс. (рукопись). М., 1953.
- Чмых. М. М. Чмыхов. Говоры населенных пунктов по среднему течению р. Елани Саратовской области. Канд. дисс. (рукопись). Саратов, 1950.
- Чучка. П. П. Чучка. Украинские говоры окрестностей Ужгорода (Фонетика и морфология). Канд. дисс. (рукопись). Киев, 1958.
- Шейн. Дополнения и заметки П. Шейна к Толковому словарю Даля.— Сб. ОРЯС, т. X, № 8, 1873.
- Шренк. А. И. Шренк. Областные выражения русского языка в Архангельской губернии. «Записки РГО», кн. IV, 1850.
- Эрдм. Ф. И. Эрдманн. Дополнение к Опыту областного великорусского словаря по Новгородской губернии. «Уч. Зап. Казанского ун-та», т. 24, кн. 2. Казань, 1857.
- Эк. Общ. Ельнинская народная поменклатура растений. «Труды Имп. вольн. экономического общества», т. 2, отд. 3, 1853.
- Якуш. Е. И. Якушкин. Материалы для словаря народного языка в Ярославской губернии. Ярославль, 1896.
- Якуш. П. Якушкин. Путевые письма (из Новгородской и Псковской губерний). СПб., 1860.
- Ivek-Broz. F. Iveković i Ivan Broz. Rječnik hrvatskoga jezika. Sv. I—II. Zagreb, 1901.
- Mach. V. Machek. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954.
- Mak. St. Makowiecki. Słownik botaniczny łacińsko-małopolski. Kraków, 1936.
- Marz. H. Marzell. Wörterbuch der deutschen Pflanzennamen. Leipzig, 1943 и след.
- RJA. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. D. I—XVIII. Zagreb, 1880—1963.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- апр 55
алишан 181
арина 186
- бабка 177
бабура 180
балаш 52—53
баранчики 137
батлачик 134
батоги 119—120
бедренец 66—67
бзника 128
блицы 173—174
бобка 183
бобовник 36—37
бодран 69—70
бодяк 94—95
бойки 177
болоболка 32—33
борщ 60—62
браздавка 183
брусника 214—216
бугиль 70
будыль 67
буквица 137
бульняга 33
буркун 86—87
- вахта 37—38
веретельник 53
вешкарь 187
водяные орехи 135
волнушка 172—173
волчец 98
- гарлуца 79—81
глажи 228
глухарь 179
- гонобобель 223—225
горма 130—131
горчица 79
гриб 162—166
груздь 175—176
губа 166—168
гукалки 188
гулявник 82
гуньба 140—141
- девясил 104—105
дедовник 98—99
дерябка 179
донник 85—86
дудка 67
дуни 183—184
душица 139—140
дягиль 59—60
дятелина 88—90
- евшан 123
ежевика 218—219
елка 116—117
емурка 87
- жгучка 115
жеравица 216—217
жеруха 82—83
- заячья капуста 110
- иван-чай 130
иванчики 186
изгуба 179—180

казаруш 187
колба 133
калужница 30—31
камыш 54—55
каржла 56
касатик 136
кашка 90
кипрей 128—129
кислица 73—74
княк 51—52
клубника 219
клюква 219—220
княжица 221—226
колчак 188
колюха 95
комоника 220—221
коничина 92
коньба 107
конюха 181
копорка 130
коровка 178
коровятик 181
кортега 117—118
кострика 115—116
кострица 222
кочедыжник 119
крапива 113—114
кувшинка 31
куга 54
куколь 131
кульбаба 102
кульпик 187
кумки 92
купава 34—35
купоротник 119
купырь 65—66

лататье 26—30
лебеда 111—112
лепуха 95—96
лещуга 51
лопух 33—34
лядвенец 88

малина 212—213
мамура 225
манник 123—124
марь 112
матрена 184

медовик 91
медуница 106—107
моклаки 227
мокрица 138
молодило 110
молочай 100—101
морoshка 227
мята 139

нагольники 179
нехворощь 122—123

обабок 176—177
одолень 34
одуванчик 101
о клуб 188
окули 186
оскор 187
осот 93
очерет 47—48
очиток 109

павки 101
палочник 51
пан 178
папоротник 118
паслен 127—128
пасошья 50
паховик 188
песляк 188
пестик 116
петушки 136
печура 171
пижма 105
пикан 69
повилика 107—108
подгреб 187
поленика 222
попынь 121—122
попы 101
порховка 174—175
прастечки 56
проскурняк 127
пухарка 182
пучка 68
пыжик 182—183
пырей 125—126
пыхва 182

- раковые шейки 42—43
расходник 109—110
рдест 41—42
репей 94
рогоз 48—50
ромашка 102—104
рохкачи 226
рыхлица 226
рябинка 105—106
- сабельник 136
свербига 81
сестреница 225
сита 45
ситник 178—179
сиха 226
скорода 133
слизуны 181—182
смородина 213—214
сморчок 168—170
снить 62—65
солоник 91
солопена 184
солоха 184
сосульки 91
стволья 67
стрекава 114—115
стрелица 134—135
суница 217—218
сурепка 75—78
сусак 55—56
сыроежка 171—172
- тмин 141
трилистник 35—36
- тростник 46—47
тугилажка 183
тукмачи 70—71
- ужик 43
узик 108—109
ушь 39—41
- фетюга 182
- ханьга 56
хвощ 117
хлебница 38—39
хлебцы 91
ховрошки 185
хохляница 223
- целик 180
чакан 54
чайка 31—32
черемша 132
чернобыль 122
чертополох 96—97
чилим 134
чина 86
- пишобар 96—98
- щавель 71—73
щербак 120
- ягода 211—212

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ВВЕДЕНИЕ	7
I. Названия травянистых растений	25
II. Названия грибов	149
III. Названия ягод	203
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	236
СОКРАЩЕНИЯ	244
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	256

Меркулова Валентина Антоновна

**Очерки по русской народной номенклатуре растений
(Травы. Грибы. Ягоды.)**

*Утверждено к печати Институтом русского
языка АН СССР*

Редактор издательства *Г. Н. Корозо*
Технический редактор *Ю. В. Рылина*

Сдано в набор 11/II-1967 г. Подписано к печати 26/VII 1967 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 2. Усл. печ. л. 11,5. Уч.-изд. л. 13,6
Тираж 4000 экз. Тип. зак. 2379. Т-09987. Цена 82 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10